

Андрей Белягин

Опергрупа в деревне

Царь Горех, посланный сыкского воеводу Никиту
Несторову на отдых в деревню, как в году индеш —
делом оказалась, хоть каждый день заводил

Annotation

Летом надо отдыхать. Причём всем, даже милиции. Вот и царь Горох, отправивший всю нашу опергруппу на отдых в деревню, искренне надеялся, что там мы будем загорать, купаться, пить парное молоко и дышать свежим воздухом... Но, как говаривал незабвенный Шерлок Холмс, «все самые страшные преступления совершаются именно в тихих и отдалённых местечках»... И вот уже лежит на столе отравленная Кощеем соль! Уже мечутся в реках русалки, пытаясь предотвратить грядущее зло! Исчезают люди, плетутся интриги, и таинственный человек в чёрном нажимает курок, целясь в милицейскую кокарду! Да уж, вот такой милый отдых в русской деревне... Меня дважды хоронят, а ведь я ещё даже не успел жениться! Непорядок, граждане...

- [Андрей Белянин](#)
 -
 - [Гроб качается хрустальный...](#)
-

Андрей Белянин

Опергруппа в деревне

Лето, тепло, даже жарко... Монотонное покачивание телеги убаюкивает. Китель расстёгнут, голова мокрая, фуражка сбита на затылок. Митька вполголоса орёт залихватские разбойничьи песни о неразделённой любви боярской дочери и какого-то жигана. Вполголоса потому, что бабку разморило окончательно и наша эксперт-криминалист практически храпит, уютно свернувшись калачиком в душистом сене.

Дорога ведёт лесом, над головой шумят русские берёзы, зелёные листья на голубом фоне неба и яркое золото солнышка, щекочущего нос. Наша рыжая кобыла идёт уверенной рысью, длинноющим хвостом отгоняя слепней и мух. Опергруппа в отпуске...

Вообще-то это всё государь придумал, мы как раз таки не настаивали. Но его тоже можно понять – столько давления со всех сторон: боярская дума, отец Кондрат, матушка-царица, Митькина маменька... С неё-то, кстати, всё и началось. Сейчас расскажу по порядку, время есть, в Подберёзовку прибудем не раньше обеда...

Итак, я – Ивашов Никита Иванович, хотя в принципе мог бы уже и не представляться. В нашем царстве-государстве меня каждая собака знает как гражданина участкового или батюшку сыскного воеводу. Служу в звании лейтенанта милиции начальником первого Лукошкинского отделения. Работа востребованная, по местным меркам вполне высокооплачиваемая, если б дьяк Филимон ещё и с зарплатой не пытался мухлевать... Но это уже о своём, о наболевшем, и в настоящий момент к делу не относится.

Вон тот верзила, что сидит ко мне спиной и тихо орёт дурным голосом дурные песни, – это Дмитрий Лобов. Наш младший сотрудник, силы немеренои, красы неписаной, потенциала нереализованного, а ума... воздержимся от комментариев. Если начну всё вспоминать, то добром для моих нервов это не кончится. А полноценно всего Митю описывать – ведра краски не хватит...

Вот с Ягой всё проще – она классная! То есть абсолютно замечательная бабка, во всех смыслах – добрая, щедрая, хозяйственная, заботливая... И если вдруг найдётся идиот, который попробует убедить её в обратном, хотя бы просто усомнится, – я ему не завидую. Наша скромная старушка – известнейшая личность, можно даже сказать, раритет,

антиквариат и всенародное достояние! Хотя характер порой, ой-ёй...

Я заботливо прикрыл ноги Яги своим кителем; левая у нее «костяная», ломит на непогоду, и лучше держать суставы в тепле. Вроде всё рассказал? Ах да – почему отпуск... Причин, как я уже и упоминал, несколько.

Во-первых, моя невеста Олёна уехала. Не насовсем, а к очень дальней тётушке в гости, с целью пригласить единственную родственницу на свадьбу в сентябре. Да, да, величайшим соизволением драгоценнейшего нашего Гороха моя свадьба отодвинулась аж на осень. И, должен признать, тут царь-батюшка здорово меня выручил...

Нет, я если чего решил, так отступать не намерен. Олёна мне нравится, и более того, я с ней в загс – хоть сейчас, но... Всегда есть это противное «но», и никуда от него не деться!

Судите сами, ну обвенчались бы мы прямо в мае, и куда потом? В отдельный терем, жить своим домом в любви и согласии, да? То есть собирать вещи, уходить из бабушкиной горницы, а для неё это как нож к горлу – инфаркт в чистом виде! Можно, наоборот, ввести молодую жену в терем Яги, он большой, места всем хватит, логично? А что такое две хозяйки на одной кухне, слышали? Причём одна – старая ведьма, а другая – молоденькая бесовка, хоть и бывшая... Ставь красный крест на всём отделении – они его попросту спалят с блинами на следующий же день совместного общежития! И какие у кого предложения?

Многоопытный в женском вопросе Горох просёк это дело первым, ещё до того, как я сам осознал двусмысленность момента. А в результате мою невесту с почётом отправили в гости на чёрт-те какой дальний край нашего царства, а нас запузырили в отпуск. По письменному заявлению Митиной матушки, которая-де жутко соскучилась по любезному сынулечке...

Письменная грамотка пришлась как нельзя кстати, и ныне вся наша пёстрая компания ехала в деревеньку, на горячий хлеб и парное молоко. А там, до осени, надо будет что-нибудь придумывать...

– Эх, батюшка Никита Иванович, а до чего ж хорошо на малой родине свежим воздухом грудь молодецкую прополоскать! И ведь всё благодаря матушке родной, кровиночку свою единственную в пенатах отеческих видеть возжелавшей...

Я не отвечал, он всё равно больше сам с собой разговаривает. А письмишко это мне удалось у государя выпросить, вот оно, в планшетке. Кстати, редкий экземпляр, я такие коллекционирую – невинная просьба повидать сыночка художественно подкреплена дюжиной однообразнейших материнских угроз типа: «вот ужо помру... годы-то давно не те... глазыньки слепнут, ушки глухнут, ноженьки тож туды ж нехожальные...

сгину смертью безвременной... могилка заброшенная... сухой травоныкой прорасту, а тебя, царя-батюшку, молить буду – пусти сыноньку во деревню, хоть на денёк, а ежели сыскной воевода зело лютовать будет, так ему укорот дай, чтоб к слезам материнским впредь уважение имел...» Ей-богу, я даже подумал сначала, что это ей наш дьяк надиктовывал, до того стиль похож...

– А вона уже за лесочком и дымки приветственные видны! Небось мамка баньку топит, пироги печёт, гусей-курочек жарит, нас полным столом дожидаюсь. Не кручинься, маменька! Скачет-едет в сельцо родимое бывший Митька беспутный, а ныне – самый что ни есть наипервейший милиционер!..

Каюсь... Мне стоило бы ещё тогда обратить внимание на его болтовню и потребовать разворота кобылы назад. Увы, не успел... Но уважительные причины у меня тоже были, потому что, внезапно выскочив из кустов, дорогу нам преградили два рослых молодца, одинаковых с лицом! В руках у каждого покачивался дрын из двадцатилетней берёзы, а глаза такие озорные-озорные...

– Станови телегу! – почти в один голос потребовали парни.

Я молча приложил палец к губам, указывая на спящую бабулю. Близнецы понятливо кивнули, но преступные действия всё же продолжили, тормознув нашу кобылу под уздцы.

– Это ктой-то тут по нашим-то дорогам ездит, а дани-подати-то и не плачивают? – строгим таким, но умеренной громкости голосом предложил выяснить один.

Вообще-то в телеге под соломой лежала длинноющая стрелецкая пищаль, но чего доставать эту дуру, если у нас свой младший сотрудник есть?

– Деревня необразованная, – виновато обернулся ко мне Митяй, – на печи сидят, лаптем щи хлебают, форму милицейскую отродясь не видели. Не извольте беспокоиться, Никита Иванович, я уж с ними по-свойски, на уровне профилактики, без вызова в отделение побеседую.

– Тихо, вежливо и корректно, – напомнил я. – Нехорошо будет возвращаться к маменьке на заслуженный отдых с синяками в пол-лица.

– Поберегусь, – обещался он и, спрыгнув с телеги, прямо на моих глазах, без всякого предупреждения врезал ближайшему молодцу кулаком в ухо!

Всё, профилактика началась – первый правонарушитель отлетел в кусты...

– Ой, а и кто ж энто такой быстрый будет? Никак Митька-беспутный объявился, – спокойно поинтересовался его братец, пытаясь согреть дубьём

нашего младшего сотрудника. Митяй легко увернулся и подсмотренным у меня приёмом дзюдо отправил второго умника в другие кусты, на противоположную сторону дороги.

– Был беспутный, да весь вышел! Ныне – «милицейский чин» моё прозвание, да так, чтоб с отчеством...

К моему немалому удивлению, первый верзила вышел за очередной порцией своими ногами. Ухо у него было красное, но выражение лица спокойное и гостеприимное, как у трансформаторной будки.

– Чёй-то меня комарик-то в ушко куснул, али, может, и мушка-то какая сослепу тыкнулась... Милицейский, говоришь-то, а не врёшь ли, часом, соседушка?

Митя честно отметил болтуна и по второму уху...

– Соседушка? – с телеги поинтересовался я. – Мить, ты их знаешь, что ли?

– А то, – на мгновение отклинулся он, дав плюху другому братцу. – Наши оухи, деревенские, съязмальства шалости известные – Прошка да Ерошка! Два близнеца, как из одного яй...

Тут он отвлёкся и сам словил берёзовым бревном в лоб. Треск раздался... Как вы поняли, пересушенная древесина не выдержала столкновения. Наш герой лукошкинских баталий искренне обиделся и начал валять близняшек всерьёз. Яга, проснувшись, приоткрыла один глаз:

– Всё ли под контролем, Никитушка?

– Всё-всё, бабуль... Спите, Митька уже одного под пнём закопал, второго кобчиком об ёлку стучит. Так что скоро поедем...

– И то дело, вздремну-ка я, старая. – Бабка повернулась на другой бок и через мгновение сладко сопела по-прежнему.

Митяй побежал буквально через минуту, оба здоровяка-братца за ним следом.

– Никита Иванович, можем трогаться! Воспитательная деятельность на уровне проведена, местное население ждёт. А ребят маменька моя послала, до вечера нас по дороге встретить да шуткой какой развлечь...

– Ну я так и понял. Поехали?

Мне не хотелось лишний раз говорить, что деревню я не люблю, что шутки у них дубовые, чувство юмора недоразвитое, а на топлёном молоке с пенками я лично загнусь уже к вечеру. Впрочем, вечер заслуживал отдельного описания...

* * *

Начнём с того, что встречала нас хлебом-солью вся Подберёзовка – восемь изб, четыре сарайя, два овина и разъединственная баня (блин, сауна!) на всех. Однако, думаю, в каждом дворе народцу было прописано прилично – высыпали и дети, и старики, а девок красных вообще немерено... Особо не шумели, флагами приветственно не размахивали, стояли молча, с живым любопытством в глазах, кулаки прятали за спиной. Я так понял – нас здесь несколько опасались. Причём угадайте, из-за кого!

– Тпру-у, стоять, залётная! – Митяй бодро натянул поводья.

Мы остановились перед широко распахнутыми воротами самого большого и ухоженного дома.

– Добро пожаловать, батюшка сыскной воевода! – густым взволнованным голосом приветствовал меня благодушный, опрятно одетый мужик лет эдак пятидесяти, с медной бляхой старосты на добротном армяке.

– Здравия желаю. – Я деликатно потеребил Ягу за кацавейку и спрыгнул с телеги.

Затёкшие ноги отдались иголками в пятках. Бабка приоткрыла один глаз, бегло осмотрев территорию, но вылезать явно не собиралась.

– А вот не побрезгуйте хлеба-соли откушать.

Из-за ворот выкатилась совершенно невообразимых объемов тётка с традиционным подносом. Да с чего ж брезговать-то? Полотенце чистое, хлеб свежий, соль... странная какая-то, серая, словно перемешанная с пеплом.

– Глянь-кась, ест... – с непонятным удовлетворением отметили наши недавние знакомцы Прохор с Ерофеем.

Вся деревенская публика затаила дыхание...

– Спасибо, всё вкусно, – вежливо дожевал я.

– Так не изволите ли в избу пройти, – вновь поклонился староста. – Ужо, почитай, третий день стол накрытым держим...

– Какой день? – не поверил я, представляя прокисший оливье, но наш младший сотрудник уже по-хозяйски кинул кому-то вожжи – парковать кобылу, и деловито шмыгнул в ворота. Мгновением позже прогремел его уверенный бас:

– Ей-ей, не врут, Никита Иванович! Сделано, как приказано. Стандартам качества соответствует, капустка с брусничкою, сам проверял...

Оставалось пожать плечами, подать руку сползающей с телеги Бабе-Яге и торжественно прошествовать в дом. Где, кстати, сразу же цыкнуть на Митяя, вольготно расположившегося во главе накрытого стола. Всё

в лучших традициях русской деревни – щи, каша, пироги, грибы, капуста, жареный гусь и ведёрная бутыль мутного самогону...

– А я, признаюсь, думал, что ужинать мы будем у твоей маменьки, нет?

– Марфа Петровна изволили сказать, что позднее будут, – опередив Митю, вежливо встярла хозяйка. – Наряжаются они...

Хм, судя по тону, маменька была тут не последним человеком. А вообще нас за столом сидело немного – ну, староста с супругой, мы трое – вот, собственно, всё. Прочий крещёный люд прилип носами к окошку, а громкие голоса близнецов долетали и до нашего слуха. Не полностью, но какие-то занимательные моменты я даже воспроизведу:

– ...а он с телеги-то соскочил да как даст мне коленом в лоб! Дескать, отвали, деревня, здесь теперь милиция ездит...

– ...нет, бабка тихая, видать, ручная...

– ...но участковому лучше в глаза не смотреть – у него в левом Колыма, а в правом Сахалин, гостеприимством так и светятся!

Говорливые ребята, столпы демократии. Хорошо, в нашем царстве журналистов нет, а то б мы от таких рассказчиков вовек не отмылись. А ведь хотел я в своё время предложить Гороху выпускать первую столичную газету «Утро в Лукошкине»... Всё руки не доходили... и слава богу!

Под долгие уговоры хозяев мы с Ягой приняли по маленькой стопке самогону – дрянь несусветная... Митьке я наливать запретил, начнёт – потом не остановим. В целом разговор как-то связывался, особенно после того, как я уточнил, где мы, собственно, будем расквартированы.

– О том не извольте беспокоиться, воевода-батюшка, – успокоил меня староста. – Есть у нас за околицей свободная избёнка. Ужо девки её со вчерашнего прибрали, печь протопили, полы вымыли да пауков вымели...

– С пауками это они поторопились, – между делом заметила наша бабуля. – Паук – в хозяйстве насекомая полезнейшая! Муху поймать, оконце занавесить, опять же самогонка ими хорошо очищается – три паука на ведро, и чистей слезы будет!

– Охти ж мне! – всплеснула руками старостиха. – Отродясь о таком не слыхивала. Ну да тока там пауков уж слишком много было, хоть лопатой греби. Люнят они избу энту...

– Минуточку, Митя, Мить, я к тебе обращаюсь! Кто нам в отделении доказывал, что у вас с маменькой в деревне дом большой? Типа отдельный особняк на восемь комнат, и ночевать есть где, и туалет во дворе близко...

Наш младший сотрудник густо покраснел, ничего не ответив. В принципе и так всё было ясно – врал из лучших побуждений. Хорошо ещё,

опытный Еремеев мне сразу посоветовал отправить соответственное письмо местному руководству, для подстраховки. Так что недвижимостью на время отдыха нас в любом случае обеспечивали...

— У Марфы Петровны, не во гнев будь сказано, — опуская взгляд, пояснил хозяин дома, — избёнка уж больно невзрачная. Селиться вам туда не по чину будет. А вот уж сыночка её привезли, за то — спасибо. Может, крышу мамане поправит, течёт ведь...

— В каком смысле? — попытался пошутить я, но в деревне тонкого юмора не понимают. Тем паче что достопамятная Митина мама и выбрала этот момент для эффектного появления перед нашей опергруппой.

Ка-ка-я-а это была женщина-а...

— Здрасте, что ль! — шумно приветствовала нас квадратная, пёстро наряженная баба, войдя в дверь и встав посреди горницы. Внешне — копия цирковой борец Иван Поддубный, только без усов и в юбке. Руки как два окорока, грудь похожа на наковальню, а челюстью можно колоть орехи, причём сразу в крошки...

— Маменька родная! Дозвольте обняться прилюдно, Никита Иванович! — дрогнувшим от умиления голосом попросил Митяй.

Я охотно дозволил — знаете, такого рестлинга даже в кино не показывают, из соображений гуманности. Когда они в порыве родственных чувств обхватили друг друга, хруст костей, наверное, был слышен и за пределами избы! Кто кого помял, непонятно, оба выглядели вполне довольными...

— От ить какая радость великая! — поделился наш младший сотрудник, выбравшись из экскаваторных родительских ласк и усаживая маменьку на почётное место, поближе к Яге.

Лавка разом прогнулась под таким весом, и наша сухонькая бабуля мигом съехала к Марфе Петровне под мышку.

— Вот маменька дорогая, какова опергруппа наша отважная! Всех представлю, о каждом скажу, никого не обойду, ничем не забуду. О себе, едино, промолчу, про меня слава ратная да шрамы боевые своё слово скажут, а товарищи боевые подтвердят. Ну наипервейшим делом у нас сам сыскной воевода, батюшка участковый, всем защита, самому царю укор и совесть живая, а мне — дык вообще отец родной! За то и выпить надоть, не находите?

И прежде чем кто-то хотя бы моргнул в знак согласия, этот злодей ливанул себе стакан самогону, низко поклонился и хрюпнул так смачно, что всем тоже захотелось! Хозяин дома поддержал, Митина мама воспользовалась той же посудой, что и сын, и тоже без закуски...

– А вторым лицом, да не по значению, а токмо субординации ради, бабуленька наша, эксперт бессменный, упоминания заслуживает. Храбости – дивной, внешности – редкой, доброты – немыслимой, терпежу – ангелоподобного, а что с подчинёнными творит – вымолвить завидно... Баба-Яга! Ужо кто сдуру и за неё не выпьет, тот сам себе враг, а я и заступаться не буду...

Как вы понимаете, выпить пришлось всем, даже мне. А вот со второго раза самогон показался куда приятнее, ядрёный, многоградусный, но без сивушной горечи, и выпился невероятно легко. После чего, кстати, захотелось встать, дабы достойно выступить с ответным словом. Две стопки не заставили мой язык заплетаться, но тем не менее я вовремя поймал себя на мысли, что всю правду, в её неприкрашенном виде, Митиной маманьке знать всё-таки не стоит...

– Ну сначала я должен признать, что наш младший сотрудник в целом высказался идеино и по существу. Действительно, были такие ситуации, когда без должного взаимодействия всех звеньев нормальная работа отделения оказалась бы попросту парализована. Поэтому если исходить из фундаментальных основ самой системы правопорядка, то... – Здесь я остановился перевести дух и с некоторым недоумением отметил, что меня почти никто не слушает.

Марфа Петровна что-то живо выпытывала у Яги, та жарко шептала ей на ухо, и обе поочередно хихикали. Староста с супругой тихо чокались на пару и пили явно за своё личное, внутрисемейное. И лишь безоглядно верный Митька, растопырив уши и вытаращив глаза, восторженно конспектировал в подаренный мною же блокнотик мою же речь...

– Чёрт с вами, наливайте, – тихо сдался я.

Все радостно откликнулись, и что было потом, я лично помню смутно. То есть по русскому обычаю вечеринка удалась! Проснулся ночью...

* * *

Первые впечатления – самые мрачные... Мы все (в смысле я, Яга и Митька) находимся неизвестно где. Судя по всему, нас, видимо, всей опергруппой куда-то вывезли и устроили на ночь. Меня положили посреди горницы, в полной форме и в сапогах, прямо на кучу свежего сена. Представляю, как я буду выглядеть утром...

Бабку вообще закинули на холодную печь, и гордость нашей экспертизы выводит рулады оттуда, а ветер в трубе вторит её храпу. Мой

младший сотрудник был обнаружен в сенях, я об него чуть ноги не переломал, пока выбирался. Туалета во дворе не оказалось, пришлось идти за избу, в лопухи.

Ночь выдалась светлая, не так страшно... В том плане, что я никак не мог отделаться от ощущения чьего-то пристального взгляда за спиной. Хотя что уж особо интересного мог представлять трезвеющий милиционер, быстро делающий свои дела в лопухах!

Вернувшись, запер дверь на засов. Уже сонным взглядом посмотрел сквозь мутное оконце и обомлел – под лунным светом чёрным контуром мелькнула зловещая тощая фигура в приталенном балахоне и исчезла за деревьями!

– Дверь на запоре, в окно не полезут, а в сенях Митьку нипочём не обойти, – вслух подумал я, ни к кому не обращаясь. Потом зевнул и резко плюхнулся в сено, досыпать...

Утро началось с пения петуха. Одного... второго... пятого... мама-а-а!!! Не хочу иметь домик в деревне! Похоже, с этим криком я и проснулся...

– Доброе утро всем, – после секундного замешательства бодро соврал я.

Утро было... нет, сказать, что недобрый, – это мало... С языка непроизвольно рвались исключительно непарламентские выражения, так и тянувшие на пятнадцать суток за нарушение общественного порядка. Судите сами...

– Никитушка-а... – С печки на меня глянула помятая, как в ДТП, физиономия Бабы-Яги. – Совсем помираю... из чего энти ироды деревенские самогонку гонют, ить всего-то две... ну три... По-любому ж не больше полулитры и пригубила. А головушка ажно по всем швам трещит... Водички бы!

Из сеней доносился густой богатырский храп. Это Митя. Да, да, тот самый, что у нас в Лукошкине вставал до петухов, потому что деревенский и съязмальства так приученный. Это вам номер два, то есть вообще ничего не понятно!

Я огляделся: в углу как нельзя кстати оказалась бадья с водой и деревянный ковшик. Яга пила понемногу, маленькими частыми глотками, причмокивая и тихо матерясь. Под сбившимся платочком, на маковке, угадывалась большущая шишка... Мы что, ещё и подрались с кем-нибудь?

– А энто, голубь, Марфе Петровне спасиочки сказать надо, – проследив мой сострадательный взгляд, сдержанно буркнула бабка. – Ты уж когда хороший-то поперёк стола лежал, ей, виши, тоже здравицу

сказануть захотелось.

– Ну и?.. – Я не стал углубляться в тихий ужас собственного грехопадения. Допился до беспамятства... и кто, сам участковый!

– Ну и встала она. А скамья упругая, от облегчения возьми да и разогнись... Ох и подкинуло ж меня, грешную, да прямо кумполом об твердь потолочную! Вспоминать и то больно...

– А Митька?

– Митенька – молодец, – морщась, признала бабка, возвращая мне ковш. – Он и твою светлость, и меня, старуху, собственноручно в телегу положил да сюда доставил. Вот тута и рухнул ужо... Тока телегу почемуйто чужую взял. Без лошади. Сам впряженя, на своём горбу попёр, да ещё и приплясывал всю дорогу. Я ить не целиком пьяная была, я всё помню...

М-да, судя по всему, положительное впечатление на местное население мы все вчера произвели в полной мере. Живые примеры для подражания...

– Никитушка, – окончательно добила Яга, – ты уж старосту-то за самогонное варение не привлекай. А то ить запугал вчерась мужика окончательно, сказал, дескать, таким хреновым виски ему впредь вдоль этапа только белых медведей на Сахалине спаивать... Зачем? Старался ведь человек, по-людски, уж прости на первый-то раз, а?

Так, спасибо, на улицу мне теперь не выйти, хоть стреляйся. Второй ковш воды я молча вылил себе на голову, утопиться, что ли...

В сенях раздалась невнятная возня, удар обо что-то лбом, грохот, далёкий стон и раздольный русский мат от всей широты необъятной души. Должен вынужденно признать, что прозвучало это достаточно-таки освежающе... По крайней мере, лично меня взбодрило.

– Бабуля, не делайте резких движений, я сам посмотрю, что он там поломал.

– Даык, судя по треску, всю дверь с косяком напрочь вынес, – безошибочно угадала Яга.

Она у нас эксперт-криминалист со стажем, в таких мелочах не ошибается. Но сейчас ошиблась в плане того, что там ещё и крыльцо здорово пострадало... и телега... и забор.

Митяй, видимо, как поднялся со сна, так и понесло его танковой колонной по прямой линии, невзирая на искусственные препяды. Его бы и забор не остановил – доски хлипкие, но за ним еще берёза была, многолетняя, в данном случае – единственный природный тормоз. Я молча наполнил ковш и пошёл поливать недоумка...

Полчаса спустя мы всей командой сидели за пустым столом на утренней планёрке. Лично я после вчерашнего чувствовал себя отлично,

чего не скажешь об остальных...

– А утрецко-то какое, правда?

– Угу, – почти в один голос и с одинаковой мрачностью поддержали мои сослуживцы.

– Птички поют, солнышко светит, на небе ни облачка, гидрометцентр ничем не запугивает. – Честно говоря, моего оптимистичного настроения никто не разделял. Митька и Яга старались без надобности не шевелиться, тихо мучаясь головной болью. На меня они смотрели с плохо скрываемой неприязнью...

– Кстати, ночью никто не заметил ничего подозрительного? Нет, я серьёзно спрашиваю...

– Никитушка, смилиостивись, сокол ясный, – не поднимая глаз, начала бабка, и Митяй робко поддержал, поняв её с полунаёмка:

– Никита Иваныч, за-ради всего святого... пожалей, отец родной, помрём ведь оба... Ну меня, дубину беспородную, что жалеть, а вот бабуля пенсионная без вины виноватая сгинет... Дозвольте, а? Одна нога здесь, другая там, весь век бога молить буду!

– Н-да... леший с вами! Со скольки здесь, в Подберёзовке, самогоном торгуют?

– Круглосуточно!!! – радостно взвыл он и тут же едва не рухнул, схватившись руками за голову.

Ой, а дело действительно суворое, как ни верти – похмелять придётся... Хорошее начало отдыха в деревне!

По счастью, бежать никуда не понадобилось, раздался стук в восстановленную дверь, и на пороге возникла румяная голубоглазая девица в простом сарафане и с вместительной корзиной в руках:

– День добрый, гости дорогие! А вот Марфа Петровна сыночку своему гостинец передать упрашивала, так можно ли?

– Заходите, гражданочка, – вежливо приподнялся я. – Митя, это к тебе.

Наш младший сотрудник с трудом оторвал зrimо распухшую голову от столешницы и вперился в гостью подозрительным взглядом.

– Чёй-то незнакомая она нам будет... С чего бы мамане чужому лицу такое дело интимное поручать!

– Мить, «интимное» – это... совсем другое, не в том контексте и не в этом месте. – Я пнул его коленкой. – Девушка завтрак принесла, а ты из себя привереду строишь...

– А я, может, понять хочу, чьих она фамилий будет, – непонятно с чего завёлся он. – Мало ли какая тут придёт с корзинкою, нате, ешьте, а маменька небось ни сном ни духом, чем от её имени враги родную

милицию злобным ядом невкусно потчуют.

Девушка покраснела, как свежий омар, резко шагнула в горницу и начала демонстративно выгружать продукты.

– Вот хлеб, маслице, яички варёные, медку немного, цыплёнок жареный, сало... – Неполную бутыль самогону на стол она поставила молча. – Ещё лук зелёный да сметаны миска. Всё свежее, кушайте-угощайтесь! А за вещи ваши не беспокойтесь, они у старости в целости и сохранности...

– Благодарствуем, красавица, – за всех поклонилась Баба-Яга. – А как тебя звать-величать-то? Мы тут не один день гостить будем, небось ещё встретимся...

– Маняша, – широко улыбнулась спасительница.

– Не знаю такой... – опять скрчил недовольную морду Митька.

Я даже хотел было цыкнуть на него, ведёт себя совершенно по-свински, но не успел...

Утренняя гостья развернулась, небрежно подхватила глиняную миску сметаны и с размаху надела её ему на голову! От неожиданности обалдели все... Когда дверь за красной девицей закрылась, Митя тихо подал голос:

– Манька энто, кузнецова дочь, кажись, вспомнил... Никита Иванович, а за нападение на сотрудника милиции пятнадцать суток дают?

– Это если он при исполнении, – автоматически откликнулся я. Наша эксперт-криминалистка сдержанно хихикнула:

– А ведь бой-девка! Жаль, Васеньки моего нет, стока сметаны зазря пропадает... Наливай, что ли, участковый!

Через минуту мы уже в голос хотели всей опергруппой. Причём осметаненный Митя веселился больше всех...

* * *

После завтрака Яга направилась с ответным деловым визитом к старосте – решить вопросы более полного благоустройства и харчевания, вернуть нашу телегу со всем скарбом, сдать кобылу в общественный табун, ну и прочие моменты... Меня же понесло осматривать окрестности, а в экскурсоводы, естественно, набился, так сказать, бывший местный житель, а ныне младший сотрудник нашего отделения. Причём маменьку навещать он категорически отказался, что symptomatically...

– Она ить как за стол усадит, так и не выпустит до вечера! Потом небось соседок позовёт, мной гордиться вслух будет, а мне и неудобно...

Что ж мы, за-ради славы личной на фронте общественном живота своего не жалели, грудью ворога останавливали, задом тыл крепили?

– Мить, а попроще как-нибудь...

– Попроще никак, Никита Иванович, – развёл лопатообразными руками этот долговязый болтун, – ибо, по совести говоря, чую: зря я вас с бабулей на деревню зазвал... И развлечь-то вас нечем, и культура не та, и как-то отвык я от эдакого примитивизму. Томит душеньку, сердечко ломит, и вот здесь, под ребром, предчувствие некое...

– Положительное?

– Никак нет, скорее резус отрицательный, – убийственным тоном опытного патологоанатома заключил он.

Мы только-только вышли за село к лесу. Справа речка, слева бор, за деревьями невысокий терем, и... чёткие следы в подсохшей грязи на тропинке. Видимо, на днях был дождь, и глубокие лужи высохли не везде, одну из них пересекали ясно отпечатавшиеся носки узких мужских башмаков. Причём именно носки, словно кто-то пробирался на цыпочках в сторону терема...

– Чьи хоромы? – невзначай полюбопытствовал я.

– Энти? – Митяй рассеянно прикрыл ладонью глаза от солнца. – Да, известное дело, бояр Мышкиных старый дом.

Ух ты... Вот уж кого сто лет не видел, не слышал! В памяти, чуть подёрнувшись дымкой, всплыли самые яркие подробности дела о перстне с хризопразом. Боярин Мышкин, Афанасий Фёдорович, начальник стрелецкой охраны при государевой казне, волей судьбы и поисками слуг Кощяя втянутый в серьёзнейшую политическую авантюру. Если бы не планомерная и вдумчивая работа всей нашей розыскной бригады, то Лукошкино могло бы уже и не существовать – город захватили бы шамаханы!

Недалёкого боярина в те дни спасло от царского гнева лишь удачное стечние обстоятельств да моё личное заступничество. Хотя, с другой стороны, именно благодаря «моему личному заступничеству» Горох и отправил Афанасия Фёдоровича в ссылку. Значит, вот сюда, в родовое поместье, близ Митькиной Подберёзовки...

– И как он здесь проживает? – небрежно спросил я.

Маменькин сын беззаботно пожал плечами, его этот вопрос не интересовал никаких. Ну, по идее, меня оно тоже никаким боком не касается, я здесь вообще-то на отдыхе...

Мы обошли мышкинскую усадьбу, огороженную внушительным тыном, и двинулись к речке. Собственно, чем же ещё заниматься летом в

отпуске, как не купаться и загорать? Я снял фуражку и ослабил галстук, расстегнув верхнюю пуговицу на рубашке. Китель остался в избе, ужасно хотелось снять ботинки и пройтись по траве босиком. Да, да, вот точно так же, как мой напарник, блаженно жмурясь от солнца, подставив кудри лёгкому ветерку, грудь – свежему воздуху и с каждым шагом словно бы окуная натруженные ноги в божественное разнотравье летнего луга...

Я не выдержал и попробовал. Пока дошли до реки – десять раз проклял всё на свете! Дважды наступал на какие-то колючки, ушиб большой палец левой ноги о замаскированный бульжник, а у самого «пляжа» смачно наступил в свежую коровью лепёшку. Правда, Митяй уверял, что во вчерашнюю, но мне-то от её срока давности ничуть не легче...

– Мы куда пришли?

– Дык куда велено, на речку. Купаться же!

– Давай уточним, – достаточно вежливо предложил я, обводя холодным взглядом узенькую полоску песка на отмели, буквально изрытую сотнями коровьих копыт. – У вас что, купаются там же, где и всё стадо поят?

– А-а... – дошло до него. – Так вам вон та бурёнка мешает?

Действительно, неподалёку по брюхо в воде стояла философствующая домашняя скотина с рогами один вниз, другой вбок.

– Видать, тоже прохладцы захотелось. Сейчас прогоним в лучшем виде!

Помешать я не успел. Сцену «изгнания» бурёнки из реки предлагаю домыслить самостоятельно. От себя упомяну, что уже через пять минут мы с Митькой сидели на ближайшем дереве, внизу кругами носилась бешеная корова, а вода на месте купания казалась просто густой взбаламученной грязью...

– Бодливая попалась, – тяжело дыша, отметил мокрый тореро, адресуясь, видимо, сам к себе.

Хотя, с другой стороны, уж он-то это и первым понял... Меня тема проблем в животноводстве никогда не интересовала, но обстановка как-то располагала к разговору, поэтому я попробовал изменить русло беседы. Мстительная рогоносица, раздувая ноздри, поджидала внизу...

– Есть разумные контрпредложения?

– Да, контра та ешё. – Видимо, сидя на две ветки ниже, он не до конца понимал, о чём речь. – А может, спустимся да призовём её к порядку с двух сторон? Типа я ей на морду рубаху свою брошу, а вы сзади, с палкой, и ка-ак её...

Трах!!! Я попытался дотянуться до Митьки ногой и пнуть его по затылку, но подлый сук предательски хрустнул и... Короче, приземлился я прямо на спину обалдевшей коровы! Бодливая недотрога взвилась на дыбы так, словно заподозрила меня во внеплановой попытке реализации брачного контракта. Раньше я думал, что так только пьяные ковбои на rodeo развлекаются, а теперь... Первый раз она так подбросила меня вверх, что мы с Митей успели обменяться коротким диалогом:

– Ё-ма... – восхитился он.

– Уй-ё!!! – подтвердил я.

Потом она кидала меня на своей спине, а я категорически отказывался падать. Не считите это лихим каскадёрством, просто очень жить хотелось, да и непривычно мне, городскому жителю, с коровами бодаться! Боюсь я их...

– Эй, сыскной воевода, а ну не балуй на нашей кормилице! – возмущённо прозвенел девичий голосок.

Мы с коровой пристыженно обернулись и сникли под строгим взглядом кузнецовой дочери. Маняши, кажется? Она поигрывала длинной хворостиной, и я предпочёл объясниться...

– Во-первых, как говорится, здрасте.

– Виделись, участковый.

– Тогда, во-вторых, вы не могли бы забрать эту скаковую корову, раз она ваша...

– Могу, если вы её из-под себя выпустите.

Я сполз с коровы, красный, как Чапаев или Чингачгук. Должен признать, что и резвушка рогатая тоже стыдливо прятала глаза. Всем было неудобно, кроме Митьки. Он спрыгнул с дерева и, показав корове кулак, начал качать права:

– Манька, девка глупая, ты что ж за зверьём своим плохо смотришь! Таких хищников на цепи держать надо и без намордника на люди не выпускать. А то ить за нападение на милицию у нас разговор короткий – под суд, на колбасу!

– Нашу бурёнку под суд! – ахнула девушка, после чего они с коровой набычились (ей-богу!) одновременно.

Второй раз лезть на дерево мне было уже несолидно...

– Спокойно, гражданочка со скотиной, – как можно вежливее, но твёрдо заявил я. – Наш младший оперуполномоченный Дмитрий Лобов просто шутит. Он давно не был на малой родине, в исторических краях детства. Служба в большом городе, таком как Лукошкино, накладывает определенный отпечаток на психику милицейского работника. Если бы вы

только знали, сколько всего и всякого нам довелось пережить. Вот и приехали к вам лечить нервы молоком и свежим воздухом, а вы на нас корову натравливаете...

— Ой, ну что вы, батюшка участковый! Она же мирная, мухи не обидит... — сразу изменила тон наша новая знакомая.

Корова тут же демонстративно сбила ни в чём не повинную муху, на лету, не глядя, каким-то изощрённо ушиистским ударом хвоста...

— А правду говорят, будто вы там целое войско шамаханов победили, иноземного демона землю есть заставили и самого Кощяя на каторгу упекли, пни корчевать?

— Ну-у, в целом где-то так, приблизительно... Мить, я всё-таки искупаюсь, а ты посторожи вещи на берегу, заодно расскажешь девушке что-нибудь захватывающее. Он у нас мастер рассказывать, особенно если про Шекспира...

Я высмотрел чистенькое местечко выше по течению. Мой напарник с Маняшой присели на бережок, коровка щипала травку, исподволь, незаметно подкрадываясь ко мне с какими-то милитаристскими целями. А может, я уже просто себя накручиваю... Всё, загорать и купаться!

* * *

Знаете, вот только с наслаждением окунувшись в тёплую речную воду, я вдруг почувствовал, что отпуск налаживается. А сплавав пару раз от берега к берегу (десять метров туда, десять обратно), понял: жизнь прекрасна! И надо срочно отправить гонца с письмом к Олёне, чтоб не задерживалась у родственников, а бросила всё и на крыльях любви мчалась ко мне, в милую Подберёзовку.

Мы построим отдельное бунгало прямо здесь, у реки; мы будем принимать солнечные ванны и пить самогон из высоких бокалов, через соломинку с пластмассовым осликом; мы научим местных кидаться пляжными тарелками; поставим на отмели два шезлонга, а Митька, в гавайской рубашке и белых штанах, встанет рядом, отгоняя мух опахалом из павлиньих перьев...

— Участковы-ый...

По первому разу я решил, что в ухо попала вода или меня зовут с берега. Но голос повторился снова, с тем же текстом и вроде бы откуда-то из глубины. Под склоненными ветвями ивы на противоположном берегу тревожно загорелись чьи-то зелёные глаза.

– Участко-о-ый...

– Уна? – не сразу узнал я. Синеволосая русалка, подружка Дины, дело о Чёрной Мессе помните?

В свое время обе красавицы едва не утянули меня на дно, и в своё же время обе дружно спасли мою молодую жизнь. Мы тогда рухнули в воду вместе с одним из охранников немецкого посла, водяной ещё остроумно ругался, что ему реку замусоривают...

– Участковый, иди ко мне... – тихо позвала она, испуганно озинаясь. – Не бойся, мне самой страшно... чую, беда большая грядёт...

– Пишите заявление, рассмотрим, – попробовал пощутить я, но на глазах русалки показались слёзы.

– Безвинные погибнут... земля не родит... реки высохнут... страшное зло пробуждается...

Я, фыркнув, в два гребка подплыл к ней, для уточнения деталей, хотя по идеи девушку сначала требовалось просто успокоить.

– Уна, скажите толком, что случилось? Только не надо вот этих ясновидческих пророчеств, их к протоколу не пришьёшь...

– Спаси нас, участковый. – Она быстро вытянула руку, и маленький перламутровый шарик скользнул мне в ладонь. Жемчужина?

– Э-э... спасибо, но...

Слова благодарности повисли в воздухе. Тихо плеснула вода, сомкнувшись над прелестной головкой, а ловить русалку в реке согласится только технически укомплектованная артель круглых идиотов, никогда не встречавшихся с водяным. Он у них то ли за мужа, то ли за отца, то ли за доброго наставника, но воспитанниц своих никому в обиду не даёт. Я пару раз встречался, дядька с юмором, но серьёзный, с глупостями приставать не рекомендуется...

Поэтому я повернулся к берегу и... заорал в голос:

– Митька-а!!!

От такого вопля он драматично схватился за сердце и скорчил страдальческое лицо.

– Я убью тебя-а!!!

Теперь уже Маняша, удивлённая моим воем, соизволила повернуть голову. А поняв, в чём дело, по-девичьи прыснула в кулечок и стыдливо спрятала лицо в ладони. Нет, ну совести у обоих ни на грамм!

– Я кого просил посторожить мои вещи?! – продолжал надрываться я, стоя в рубашке, фуражке, при галстуке, в трусах и... без штанов! Ибо мои форменные брюки нагло жевала злопамятная скотина шагах в десяти на мелководье...

Сцена изъятия важной части моего костюма заняла бы ещё полстраницы, хотя бледный Митя старался изо всех сил. А в конечном итоге мимо деревни я возвращался в таком виде, словно меня жевал Кинг-Конг и выплюнул в связи с просроченным сроком годности! Хуже всего то, что по причине деликатности деревенские люди, стоя у окопицы, мнение своё выражали исключительно шёпотом. Этим, собственно, вся деликатность исчерпывалась:

– А доброго денечку, батюшка участковый! Вы-то, может, не заметили, чё у вас-то все штаны мокрые, ага...

– Ой, бабы... а у сыскного воеводы-то... Ой, мамоньки, не могу... ой, гляньте-ка, так и капает... Ой, и чёго ж я ржу, аки дура, а?

– Никита Иванович, может, подмогнуть чем? Ну, там, штаны выжать али на печку вас посадить, подсохнуть, иль одеялом лоскутным обмотать, от глаз любопытственных...

– Не болтай, народ! Видать, того антиресы следственные требоват, чтоб наиглавнейший милиционер вдоль улицы лужи за собой оставлял. Видать, в энтом тайна военная есть – подумат жульё, что участковый в мокрых портках безобиден будет, а он тут их и цап за причинно место! Верноть я говорю, сыскной воевода?

Если вы думаете, что мне оставалось лишь надвинуть фуражку поглубже и пламенеть ушами, то вынужден разочаровать – на меня оно давно не действует. Ежедневное общение с нашим народом быстро гасит все лишние комплексы. Ко многим вещам начинаешь относиться проще и спокойнее, потому что если всех слушать и всякому мнению соответствовать, то лучше не жить вовсе...

– Чую, грех на мне, бабы, а тока есть от что-то эдакое в мужике, когда на нём штаны мокрые натягиваются! Вон Митька-беспутный идёт сзади, сух-сухонек, и никакого впечатления. А участковый... в облипочку... точно, грех на мне!..

Пожалуй, я поторопился сказать, что уже совсем не краснею. Даже, кажется, невольно ускорил шаг, едва не срываясь в позорное бегство, но удержался из самоуважения к чести мундира. Да и собаки деревенские наверняка бы бросились в погоню, не отгавкаешься потом...

Мой младший сотрудник всю дорогу хранил глубокомысленное молчание. Вообще-то он у нас последнее время в практическую философию всей массой ударился, может до получаса в себя уйти, и не дозвёшься. Поэтому я сам начал прощупывание почвы:

– Мить, а речушка ваша как-нибудь с речкой Смородиной связана?

– Не припоминаю, Никита Иванович, но, может статься, каким

рукавом и является...

– А русалки в ней водятся?

– Русалки? – Он вскинул брови, и глаза его наполнились туманом розовых воспоминаний. – Сам-то не встречал, но парни болтали, будто бы страсть как много их! Так под водой, бесстыжие, и шарются, хоть купаться не заходи. Помню, был у нас один мужичонка, Сидор-скотник, уж больно по женской линии любвеобилен и мастеровит. Не знаю, чего в нём бабы находили, а тока когда он в речку охладиться лез – русалки со всех краёв сплывались полюбоваться. Уж на что вода у нас мутная, так они поближе сунуться норовят и...

– Мить, спасибо, можно без подробностей!

– Так я ж к тому, что нравственность на селе падает!

– Ты ещё вспомни, к кому в отделение сразу пять невест с вещами припёрлись, борец с распущенностью! – строго прикрикнул я, но тут же сбавил тон: – Слушай, а жемчуг у вас здесь добывают?

– Добывают, отчего ж нет? – легко переключился он. – Как кого из купцов заезжих по ночи остановят, так и жемчуг, и парчу, и каменья всякие... много чего добыть можно. Надо тока места знать...

– Милая у вас деревенька...

– А я о чём...

Полуденное солнце грело спину, к дому подходили уже молча. Только теперь мне взбрело в голову рассмотреть его повнимательнее, без спешки и суэты. В целом изба как изба, на первый взгляд ничем таким уж подозрительным не отмечена. Крепкая, надёжная, довольно новая, свободная... Вот это действительно интересный момент. Кому и зачем стукнуло в голову строить такой хороший дом на самой окраине, а потом ещё и не жить в нём? Не то чтобы это были столь уж неразрешимые загадки, на поверку наверняка ничего таинственного не окажется, но...

Один непонятный момент всё-таки был – пока дошли до порога, я насчитал по пути ровно двадцать шесть пауков, спешащих в том же направлении, что и мы. Причём разных – чёрных, коричневых, с детишками, зловещих, с крестом на спине, хромых, суевийских, подпрыгивающих, лохматых, неприятных... Кто нам говорил, что пауки почему-то любят этот дом? Так вот, любят – не то слово; он их словно наэлектризованный притягивает!

– Необъяснимый научной философией факт, – тщательно взвесив ситуацию, оповестил Митька.

– Спросим у Яги, – согласился я, стараясь ступить осторожнее.

Смех смехом, но давить многочисленных насекомых казалось

нецелесообразным. Даже опасным почему-то... Хотя главный «сюрприз» ждал нас в доме. Представляете: открываем дверь, входим в горницу, а там на лавке, носом кверху, лежит наша бабка, и на груди у неё сидит огромный, с чайную чашку, паук! У меня аж ноги подкосились...

* * *

– Ты чего орёшь, участковый? – тихо вскинула бровки Яга, открывая один глаз.

Я не орал. Ну, может, взвизгнул чуточку... И то вряд ли. Митька метнулся во двор и вернулся с дрыном наперевес – паука гасить.

– Бабуленька, не шевелитесь – щас я ему промеж глаз бесстыжих...

– А мне поперёк рёбер, да? Брось хворостину, дурак, я ещё жить хочу, – повысила голос отчаянная эксперт-криминалистка. – Али не видите оба – совещание у нас.

– И чё лёжа-то?

– А на совещании, бывает, и вздремнёшь... Паучий язык трудный да долгий, кто знал, что вы с порога пугаться начнёте? – Бабка встала, сочувственно оглядела бледного меня и, осторожно сняв паука с груди, заботливо переселила его в закуток за печкой.

– Садись к столу, Никитушка, поговорить бы надо.

Митька за моей спиной на цыпочках двинулся к печке, коварно вздымая дубьё, но бабка, не глядя, подставила ему ножку – он грохнулся и надулся. Типа вот хотел как лучше, а мы ему опять всё испортили...

– Ты уж не серди меня, касатик. Сам видишь, настроение у меня с утра не фиалками пахнет... Покуда на стол накрывать буду, сгоняй-ка во деревню, насчёт баньки вечерней договорись. И ещё, покуда вы купалися, нам староста снеди полон короб доставил, а вот соль забыл. Прикупи, надобно мне...

Когда наша домохозяйка говорит таким задушевно-проникновенным тоном, лучше послушаться. И репутация не пострадает, и нервы целее будут, и самооценка повысится – как же, уважил бабушку! Случай «неуважения» караются быстро и разнообразно, от неизлечимого косоглазия до собачьего хвоста, не скрываемого никакими штанами. Кстати, меня бабка ещё ни разу ничем таким не наказывала, но у Митьки опыта больше, поэтому он спорить не стал. Уточнил только:

– Баньку одну на всех заказывать?

– Ясно дело, одну, – не поняла Яга. – Чё же мы по разным дворам

разбредаться будем...

– Да и я о том же, – уже от самых дверей покивал он. – Девок с самогонкою звать, али так, своей опергруппой, в узком кругу поплещемся?

В определённых ситуациях наша бабуля тормозит... Ей просто в голову не приходит, что этот умник давно не идёт на открытый конфликт, но здорово поднаторел в эзоповом языке. Это он наверняка у Шмулинсона нахватался, ещё чуть-чуть – и именно наш Митя стяжает славу первого лукошкунского интеллигента. За дверью быстро стихли его удаляющиеся шаги...

– Никита, а чего ж он имел в виду-то?

– А кто его, начитанного, разберёт, – не вдаваясь в подробности, соврал я, но бабка упёрлась, пришлось уточнить: – С девками и самогонкой – это когда глобальная расслабуха, так обычно бандиты и депутаты свои достижения отмечают. А мы в узком кругу, следственным коллективом, вы в одном тазике, мы с Митькой в другом, ну и...

– Нешто вы с Митенькой в одном тазу поместитесь? Чёй-то сомнительно мне будет...

– Вы хотели о чём-то серьёзном поговорить! – с нажимом в голосе перебил я.

– О пауках...

– Точно, их слишком много. Давайте решим это дело со старостой и переедем на новую квартиру.

– Нет, участковый, не всё так просто... – Яга посмотрела сквозь меня каким-то пустым взглядом, и я понял, что сказка про отдых в деревне приказала долго жить. В последний раз у бабки были такие глаза, когда мы с ней стояли ночью перед воротами отделения, а на противоположном конце улицы зловеще вырисовывался силуэт Кощя Бессмертного...

– Что он вам рассказал?

– Кто, паук, что ли? Так ить он ни человек, ни зверь, ни птица, а насекомое будет – речи своей не имеет, в рассказы не пускается.

– А о чём вы тогда совещались? – несколько недопонял я.

– Ты о пауках ли много знаешь? – вопросом на вопрос откликнулась наша эксперт-криминалистка. – Необычное энто существо, чудное, на человека страх бесприничный навевает. Кусачих-то пауков у нас и нет, поди, а всё одно люди боятся. Как думаешь, почему?

– Ну-у, логических причин несколько...

– Потому, что в сети паучьи живность разная летит, тем они и пропитаются. Не любит человек сетей... И невдомёк ему, что пауки паутиной своею нечто запретное для глаз любопытных прячут. Вот о том и

совещались...

– В смысле, они здесь, в доме, что-то прячут? – окончательно запутался я.

– Прячут, – заговорщицки скрипнула зубом Яга.

– А что именно?

– Не ведаю.

– Не признаются?

– Никитка, ты уж дурачка-то из себя не строй... И из меня на склоне лет дуру законченную не делай. Я кому объясняла, что пауки толком разговаривать не могут? Что уразумела – поняла, а детали да улики тебе самому искать придётся, ты ж у нас сыскной воевода...

Пока она быстро выкладывала из берестяного короба припасы, я мысленно взвешивал всю полученную за сегодня информацию. И тянула она лет на десять с конфискацией, ибо, во-первых, в сказки я не верю, во-вторых, уцепиться особо не за что, а в-третьих, интуиция говорила, что цепляться как раз-таки и надо! Недаром незабвенный Шерлок Холмс утверждал в своё время, что самые таинственные и мрачные преступления совершаются именно в сельской местности. Пришлось между кашей и чаем рассказать бабке всё...

– Итого на данный момент мы имеем ряд негативных, но не обязательно связанных друг с другом фактов. Попробую перечислить... Мы поселены в очень одиноком доме, где почему-то собираются толпы пауков и имеют свои секреты. Ночью я видел человека в чёрном. За рощицей, близ реки, расположен терем опального боярина Мышкина, невдалеке от забора которого мною же были обнаружены подозрительные следы. Русалка Уна передала в устной форме тревожное сообщение о грядущем теракте в виде конца света и вот эту жемчужинку. Я ничего не упустил?

– Бабуль, вы тут соли просили. – В горницу шагнул раскрасневшийся Митька и торжественно водрузил на стол полотняный мешочек. Как я уже упоминал, соль была грязно-серого цвета...

– Вот энто и есть факт упущеный, – важно резюмировала Яга.

Цвет соли! Я автоматически сделал пометку в блокноте, момент действительно странный.

– А почему она такая... грязная?

– Дык это ж... – бодро начал объяснять наш младший сотрудник и запнулся. Почесал в затылке, покумекал, сунул в мешочек палец, облизал его, выразил недоумение всей рожей... – Дык я и говорю: какая разница-то? Солёная ведь!

Я вопросительно кивнул Яге: а в самом деле, какая? Моя домохозяйка

ответила не сразу. Взяла щепотку, перетёрла в хрустящих от артрита пальцах, зачем-то понюхала, сморщилась и сыпнула с пол чайной ложки в чашку с водой. Размешала хорошенъко, после чего и продемонстрировала мне:

– Любуйся, участковый!

А на что любоваться-то? Соль, естественно, растворилась без следа, но сама вода стала грязной и мутной, на её поверхности плавали какие-то крошки...

– Вы в том смысле, что кто-то продаёт пищевые продукты с нарушением санитарно-гигиенических норм? – неправильно предположил я.

– Соль энта не природная, грязная, потому как с могильной землёй смешана. Митенька, и на каком же кладбище ты такое купил?

– Ну... это... у маменьки взял...

* * *

А знаете, вот именно в такие значимые (я бы даже сказал, трагедийные) минуты, когда, по идеи, надо бы собраться, уверенно сжать в тяжёлый кулак все лишние эмоции, задавить червя сомнений и рубануть гордиев узел проблем мечом железной логики, я... Просто выдыхаюсь от одной длины собственных мыслевыражений. Всё-таки хорошо, что милицейская школа написания протоколов учит оперировать короткими и ясными формулировками.

Я обычно так и веду свои дневниковые записи, однако в последнее время слишком много философов вдруг развелось. Или, правильнее сказать, один кое-кто тут умничает постоянно. А у меня от этого уже комплексы в рост пошли! Тоже, что ли, у Кнута Гамсуновича какую-нибудь научную книжку попросить, почитать на досуге...

– Никита Иваныч, так я её... сбегаю, арестую!

Может, зря Горох настоял на нашем отдыхе в деревне? Работали бы без спешки, в прежнем режиме. В Лукошкине, как говорится, уже и стены помогают. А здесь всё равно никто не даст расслабиться, вечно чего-то хотят, домогаются, лезут под руку...

– Я говорю: мне арест самому, по-родственному, произвести али всё-таки вам посолиднее будет?

И, самое главное, Олёна ничего не пишет! Я надеюсь, она хоть до места нормально добралась? Понятно, что в нашем царстве уровень

почтового сервиса оставляет желать лучшего ещё лет эдак на триста – четыреста. Ни конверты, ни марки ещё не изобретены, с грамотами, указами и письмами носятся запылённые царские гонцы, верхом, при сабле, с правом смены лошадей в каждом крупном населённом пункте. О чём это я? Ах да... скучаю, сердце жмёт, надо было всё-таки жениться. Плюнуть на государеву волю и жениться. С проблемами как-нибудь разобрались бы по ходу, а тут...

– Да, Митя! Что тебе?

От моего грозного окрика он стушевался и отступил. Я покосился на Ягу, та деликатно постучала пальчиком себе по лбу.

– Это намёк?

– Никитушка, ты бы вернулся к нам, а? И на парня зря голос не повышай, он от тебя битый час ответу дожидается. Разрешения просит родную маменьку заарестовать.

– Чего?! – обомлел я.

Нет, у него всякие закидоны были, но такое-э...

– Нормальное дело, – нервно протянул Митяй, явно считая себя незаслуженно обиженным. – Я ить как лучше хочу! Можно сказать, редкостное великолдушие проявляю и верность долгу похвальнью... А потом ежели маменька наша под подозрением будет, так лучше я сам задержание произведу, чтоб без сопротивления и... этих... эксцессов, вот!

– Какие обвинения предъявишь? – душевно полюбопытствовал я, потому что в более эмоциональном режиме я бы его попросту прибил. Причём именно за дискредитацию самого понятия «верность служебному долгу»...

– Ну пущай хоть скажет, где соль брала, – почему-то продолжала заступаться за него бабка. – Зачем туда кладбищенской земли намешала? Почему сыну родному подсунула?

– Бабушка, знаете что...

– Знаю, – мрачно сдала позиции Яга. – Купила на базаре у заезжего купца в позапрошлом году, ничего туда несыпала, а сынуля родненский самочинно цельную горсть себе в мешочек сыпанул и унёс невесть куда... Взятки гладки! Состава преступления нет. Отмажется в пять минут, даже без адвоката, так?

– Именно.

– Стало быть, с арестом могу не спешить покудова? – на всякий случай переспросил наш младший сотрудник, мы кивнули. – А чего тогда делать будем? Может, я всё ж таки того паука за печкой чем ни на есть тяжёлым, для профилактики... Нет? Вот так всегда, чуть ты что искренне

предложиши, а тебе вечно по рукам...

* * *

Умом-то я, конечно, понимал, что он опять над нами издевается, но сделать ничего не мог. Во-первых, мы все в отпуске, а во-вторых, это по любому его мама. Когда в дело вмешиваются внутрисемейные отношения – меняй всю следственную группу. А она у нас одна, на кого менять будем? Нет, нет, нет... я сюда отдыхать приехал, а не... Ну была же трезвая мысль поехать с Олёнай к её дальней родственнице! И кто нас вообще уговорил переться в эту деревню...

– Маменьку зазря не беспокой. – Чуть покосившись на меня, Яга взяла бразды правления в свои руки. – Неча крупную женщину пустыми подозрениями изводить. А вот от чего на селе таковая соль объявилась, узнать бы следовало. Энтим и займись, касатик... По деревне поблуждай, с людьми побеседуй, панику не сей, конспирацию соблюди на разумном уровне. Соображаешь?

– А то нет, бабуленька, – радостно вскинул буйну голову наш герой. – Всё исполню, как велено, а только бы на кабак отсыпать надо...

– Ща я тебе отсыплю, соколик.

Наша эксперт-криминалистка привычно протянула руку к помелу, и Митьку сдуло. Хм, а я-то ещё гадал, зачем бабка потащила эту старинную метлу с собой на курорт...

– Ещё чайку, Никитушка?

Я медленно развернулся к Яге, посмотрел ей в глаза и без лишних вздохов потянулся за планшеткой. Моя домохозяйка смахнула рукавом со стола крошки и придинулась поближе:

– Пиши, участковый.

– Диктуйте.

– Стало быть, на сегодня пункт первый – выборы домового. Записал?

– Нет. – Я недоумённо отложил карандаш. – У нас тут явное преступление наклёвывается, а вы о чём! Какие ещё демократические выборы домовых по одномандатному округу...

– Таких – никаких! – твёрдо решив не краснеть, пристукнула костяной ногой бабка. – А тока помощь по хозяйству мне всё одно требуется. Нешто в мои-то годы прилично по всем углам кверху задом тараканов выметать? Вот нонче и заказала троих, должны прийтить...

– Э-э... прошу прощения, как это – заказали?

– В хорошем смысле.

– Это я понял. Я интересуюсь в том плане, у них что: тут своя биржа по трудоустройству? Областное агентство по найму домовых, овинных, банных, сарайных, дворовых и далее по прейскуранту...

– Никита, ты с чего злой такой? Али на меня, старую, чем обижен? Так не я в задержке твоей свадьбы причиною стала, по мне, хоть сейчас к Олёнке своей беги...

– Бабуль...

– Ладно, не бабулькой. – Яга тоже предпочла сменить тему. – Глянькась лучше, вроде пришли...

– Где? – Я бегло осмотрелся: на первый взгляд, кроме нас двоих, в горнице по-прежнему никого не было.

– А ну, ты, который за веником, – властно вскинула бородавчатый подбородок наша специалистка по вопросам нечисти и колдовства. – Выходь-ка, покажись нам, доложись да отрапортуйся!

Я только глаза вылупил, когда у спокойно стоявшего в углу банального веника раздвинулись прутья и на свет божий выглянула красная физиономия первого претендента. Ростом меньше метра, лохматый, зенки бегающие, ручки длинные, до колен, одет в серую рубаху с горошинками. И как он там прятался, ниндзя бородатый...

– Слободские мы, бабушка. По домашней работе всему и вся кому обучены, а старательней всего детей малолетних присмотром да уходом обеспечиваем.

– Дело важное, но нам не нужное, – пожала плечиком Яга.

– А Митька? – съязвил я.

Бабка погрозила мне пальчиком, пригласив второго кандидата, из-за печки. Этот по параметрам был практически братцем-клоном первого, с той лишь разницей, что лыс, как футбольный мяч, и грязен, словно хомяк после зимней спячки.

– Холмогорские мы, бабуленька. Домоводство всякое знаем, стирка-глажка опять же, да за чумными и чесоточными следить сподоблены...

– Эй, а медицинская справка у него есть? – невольно поёжился я: санитару с такими грязнющими ногтями не то что уход, «утку» из-под больных выносить непозволительно!

– Да уж, антисанитария во всё лицо, – не сразу припомнив нужное слово, согласилась Яга. – Встаньте-ка рядочком, помощнички, нам присмотреться следует. А кто у нас тут третьим номером быть должен, вылезь из-под лавки!

Он вылез... частично... в том смысле, что сначала появился его нос и

только потом весь оставшийся типаж. Честно говоря, я и забыл, как именно таких мы в курсантстве на рынках гоняли... Ай, ара, где такой взялся, э!

– Никита, он мне что, глазки строит? – сипло выдохнула бабка, заполыхав словно маков цвет.

Новый домовой, в свежей рубашке, весь ухоженный и отглаженный, с выбритым в цвет фиолетового баклажана подбородком, смотрел на нашу домохозяйку из-под длиннющих загнутых ресниц, а будённовские усы и неудобносимый нос лишь добавляли ему страстного южного шарма...

– Гражданин, представьтесь и дождите резюме, – вступил я, потому что бабка явно была под впечатлением. В её годы ТАКИХ откровенных взглядов она удостаивалась редко...

– Назим, – блеснув сахарными зубами, ответил третий претендент. – Эта имя. А резюме... бальшое! Ну или очень удовлитворителное...

Теперь уже покраснел я, беспомощно развернувшись к Яге. Наша эксперт-криминалистка пару раз шумно втянула ноздрями воздух, зачем-то сумбурно поправила платочек и почти с тем же акцентом объявила:

– Этава хачу!

* * *

В общем, мне пришлось выйти. Хотя, правильнее сказать, меня просто выперли из избы. Видите ли, условия работы и вопросы оплаты труда обсуждаются трудоустраивающимся и работодателем лично, без третьих лиц. Вот так вот... теперь я – третий лишний! О-бал-деть...

Я уселся на завалинке, у крылечка, в позе старого деда Щукаря, сгорбив спину и щурясь на дружелюбное солнышко, лениво сползающее в предзакатные облака. Несспешно наступал упоительный российский вечер... Судя по далёкому треньканью нетрезвой балалайки, «упоительность» вечера действовала не на меня одного. Или, правильнее сказать, на меня одного она действовала лирически-романтическим образом, а вот народ на деревне подходил к вечернему отдыху более традиционно...

Митька Лобов пробегал, проводил дознание,
Нашу Маньку приглашал на согласование.
Будет девке с тех дознаний,
Девять месяцев страданий!

Я на первых порах, знаете ли, как-то даже не вслушивался. Это у нас в Лукошкине народ политически активный, что думает, то и говорит, лепит в лицо правду-матку и с каждого забора орёт о наболевшем. В сельской местности всё гораздо тоньше, лиричнее, песеннее...

Участковый, говорят, больно скор с допросами –
Всем коровушкам подряд приставал с вопросами,
Так одна не промолчала,
А штаны ему сжевала!

Сами видите, по тексту и рифме – попса голимая... Граждане здесь непривередливые, любой шутке умиляются, для них наш приезд на каникулы – нечто вроде эпохального события лет на двести вперёд. Сами запомнят и внукам закажут, однако как у них быстро новости распространяются...

Выбирала домового бабка экспертизная –
Не хромого, не кривого, в деле некапризного!
Костяною-то ногой,
Чай, прельстится не любой!

Упс... Я невольно хихикнул и поймал себя на мысли, что едва не зааплодировал неизвестному хрипловатому певцу. Потом мне стало его жалко... Яга услышит такое и улыбаться не станет, а сказочное путешествие Нильса с дикими гусями пополнится одним крякающим голосом из русской Подберёзовки. Пойти, что ль, арестовать дурака «в целях профилактики», от греха подальше, бабушка задержанного не тронет. Но из дома никто мстить не выскошил, либо не услышала, либо...

Со стороны деревни мелькнула знакомая девичья фигурка.

– Низкий поклон вам, Никита Иванович, а я по делу, – широко улыбнулась мне разрумянившаяся от бега Маняша, дочь кузнеца.

– Добрый день, – вежливо козырнул я. Хотя в принципе сегодня виделись... два раза!

– Ну день-то не так уж и добрый... – виновато призналась она.

– Митька, – в одно касание угадал я.

Девушка кивнула.

– Уже бьют?

– Покуда нет, но будут! А вы откуда знаете?
– А мы с ним работаем не первый день, опыт есть.

Пришлось встать, поправить фуражку и выдвигаться в указанном направлении. В дверь избы я даже не постучал, какой смысл беспокоить бабку, если она там... до сих пор... так занята, да! Сам разберусь, короче...

Как я уже упоминал, выделенный нам дом находился за околицей, то есть на отшибе, классическая моя хата с краю. Пока топали в деревню, девушка шумно обрисовывала мне обстановку.

Собственно, ничего такого уж выходящего за грани наш младший сотрудник себе не позволил (в городе он выкидывал штучки и похлеще!), а погорел на одной-единственной фразе: «А с чегой-то у вас, маманя, соль ядовитая?» Дальше объяснять надо? Хорошо, объясняю – далее всё шло по вполне предсказуемому сюжету мексиканских мелодрам...

Маманя – в обморок, пять соседок за столом (а Митя без публики не может) в крик, хоть святых выноси! Подоспели мужики, его стыдить начали, ну он им в лоб по всем правилам честного психоанализа на тему «тёмен разум деревенский, раз Монтея не читал». Народ логично счёл фамилию знаменитого философа новым матерным словом и обиделся. А тут и Марфа Петровна очнулись, рукавчики засутили, слёзыньки вытерли, ну и... Рука у неё, известное дело, тяжёлая... Да ведь и помогали всем миром.

– Что, одним воспитательным подзатыльником не ограничились? Непременно линчевать надо было работника милиции?!

Мой возмущённый вопрос остался без ответа, ибо к этому моменту мы уже вырулили на место преступления (казни, экзекуции, мапет-шоу – нужное подчеркнуть). Итак, традиционнейшая деревенская изба, большая и кособокая, хлипкий плетень, крыша набекрень, счастливые собаки и толпа местных жителей, громко обсуждающая произошедшее. Причём почему-то сгрудиввшись в стороне, у старенького, почерневшего колодезного сруба...

– Да уж, сгубили парнишку во цвете лет! Во красе да молодости, во соку да свежести, на пике карьеры служебной, в родимом доме, в kraю отчем! Не за дело грешное, не за слово бранное, не за вину тяжкую, а так... Хотя, по совести, давно б следовало!

– Ой, а меня сестрица за водой послали! А ведро два раза не долетят, потому как они там головой сидят... Но ить ежели всё ж там зачерпнуть, то щи, поди, куда как наваристей будут. Правда, дяденьки?

– Марфа-то отошла уже? Да не в мир иной, дуры, а сердцем родительским... Это ж надо было такую непроизносимую ласку в кулаке иметь! Митькин батька, помнится, и не пикнул, когда она его на сеновале

завалила. Поп ещё опосля ругался, что, дескать, жених больно помятый и стонет так, словно сказать чего хочет... Вот и сынок пошёл по стопам отцовым, прими господь утопленника... Пузыри-то видны ещё?

— А у нас коза родила! Причём двойню, один рыженький с пятнышком, а другой чёрненький, и ножки у него ровно в чулочках белых. Хорошенькие-э, так бы и расцеловала обоих! Хотя при чём энто в данной ситуации?

— Граждане, попрошу!

Я решительно ввинтился в возбуждённый бомонд, потому что подобное развитие сюжета было не в интересах отделения. Верните мне младшего сотрудника или... Я остро ощутил нехватку надёжного плеча Фомы Еремеева с верными стрельцами, парни славились умением без лишней грубости наводить порядок. А вот деревня пока милицию не уважала, и, пробиваясь непосредственно к колодцу, мне пришлось изрядно поработать локтями.

— Невежливый человек сыскной воевода, — то и дело сдержанно ворчал кто-то. — К простому народу без уважения...

Уважай их, как же... Ни один гегемон дорогу не уступил, а ведь то, что я по делу, видели все! Ладно, разберёмся...

— Митя-а!

— Тута весь, — с облегчением донеслось из колодца. Я едва ли не по пояс свесился над срубом:

— Ты там не утонул ещё?

— Никак нет, Никита Иванович!

— Сейчас уто... — вообще-то я хотел сказать «уточню», где верёвка и прикажу тебя вытащить», но в этот момент чьи-то заботливые руки нежно подтолкнули меня в спину. Нарочно ли, случайно — без понятия...

Когда я, чудом сгруппировавшись в полёте, приземлился верхом на Митину шею, он только недоуменно булькнул:

— За что?

— Ты издеваешься, да?

— Нешто я совсем без мозгов, чтобы ещё и издеваться в моём-то положении, — рассудительно признал наш увалень, усаживая меня поудобней. — Раз уж самолично решили утопить, так на то и ваша начальственная воля. А напоследок я скажу...

Штаны мои промокли безвозвратно, ботинки грозили соскользнуть и не вернуться. Где-то наверху заходился народ, ругались мужики и надрывно голосили бабы. Митя, по плечи в холоднющей воде, выстраивал очередную отвлечённо-философскую теорию, а мою дурную голову никак

не хотела покидать мысль, что днём из колодца видны звёзды. Кстати, чушь! Не видны, я присматривался. Возможно, потому что уже вечер... Или всё-таки видны, но самую чуточку?

— Участковый...

Я отреагировал не сразу, поскольку, как только что было сказано, задумался о вечном. А мой напарник резко вжался спиной в склизкую стену — неужели так страшно? Обычная русалка...

— Здравствуйте, Дина. Я правильно вас запомнил?

— Всё верно, участковый. — Из колодезной воды, почти нос к носу с побледневшим Митькой, появилась чудная русалочка головка с мокрыми зелёными волосами.

— Знаете, а мне всегда казалось, что русалки живут в море, реке или озере. Что привело вас в колодец?

— А вас, люди милицейские?

— Нас? — чуть стушевался я. — Мм, это длинная история, но если вкратце, то мы здесь мокнем по делам следствия. Ваша подружка сегодня утром уже пыталась предупредить меня насчёт грядущего вселенского ужаса. Вы не в курсе, если поподробнее?

— «Земля не родит, безвинные погибнут...», да? — легко пародируя нежную Уну, продекламировала русалка, картино заламывая руки. — Знаю уж, она у нас натура впечатлительная, без патетики никуда. Я тебе по-простому скажу — Зло пробуждается! Людишки глупые в земле недоброй не по-хорошему рыться начали! Сама... своей персоной... грядёт!

— Дина, — взмолился я, — вы друг дружки стоите, а ещё поконкретнее нельзя? Кто эта «сама», куда грядёт, какие люди, зачем роют? Я уж не спрашиваю, при чём здесь милиция, мы вечно крайние...

Вместо ответа она молча протянула мне руку и положила на мою ладонь маленькую речную жемчужинку. Это уже вторая...

— Тогда хотя бы скажите... — Договорить я не успел. Именно в этот, традиционно неподходящий, момент сверху бухнулось тяжёлое деревянное ведро, приложив меня по маковке так, что в глазах потемнело...

— Никитушка! Митенька! А ну вылезьте сей же час из колодца, опера подмоченные, — раздался из зенита скрипучий голос Бабы-Яги.

Русалка исчезла, даже не булькнув на прощанье. Я выбирался первым...

* * *

Народу вокруг... никого! Даже часто встречающаяся Маняша предпочла раствориться, не попрощавшись. Дворовые собаки, любопытные кошки, вездесущие воробы – все попрятались кто куда... Интересно, что же такого наша бабушка им сообщила?

– Ну погорячилась я, старая... С кем не бывает! – чисто по-девичьи потупилась Яга. – Слово я им сказала тайное, деревенское, городским ушам непонятное... Вот и убёгли все.

– М-меня н-научите? – чуть приглашая зубами, попросил я.

А водица-то и впрямь студёная не по-летнему...

– Давай-ка ты в баньку, участковый, – мягко игнорируя мой вопрос, определила бабка. – Митенька, укажи Никите Ивановичу дом кузнецик, я Манечку-то сразу отправила, поди, затопила ужо... И неча на меня из подбровья так глядеть, сама знаю, что на людях колдовать устав служебный не позволяет. Но ить не буду же я молча смотреть, когда мне, почитай, всю опергруппу в колодце, ровно котят, мочут...

Тоже не поспоришь. «Спасибо, бабуля», – переглянувшись, поклонились мы. Митька до земли, я так... как умею. Объяснялись уже в единственной деревенской бане. По вполне логичному стечению обстоятельств она находилась у дома кузнеца. То есть там и огонь постоянный, и кузнец вечно грязный ходит. Вот вся деревня к нему мыться и бегает, в целях личной экономии...

– А я, знаете ли, полюбопытствовать хочу, русалка эта, Дина которая, она кем вам приходится? – спрашивал наш младший сотрудник, окатывая меня полной лоханью после второго веничного битья.

Я игнорировал как вопрос, так и содержащийся в нём намёк, ибо прекрасно понимал, куда он клонит. Но Митька не отступал:

– Потому как русалки общизвестно рыбым хвостом заканчиваются. То есть как ни верти, а в некотором смысле проблема!

– Мить...

– А что я? Мне оно без надобности, вы – начальство, вам видней – чё куда, зачем и как...

– Понравилась, значит? – Всё равно отмолчаться не получится, достанет...

– Есть такой интерес, – скромно согласился он, кажется намереваясь намыливать мою спину по третьему разу. – Я ить отметил ненавязчиво, что до поясу гражданочка водяная, окромя бус, и не прикрыта ничем. С одной стороны, сплошная экзальтация да вызов обществу, но с другой... до чего ж приятственный вызов!

– Шестой размер, – где-то как-то примерно прикинул я. – Мить, тебе к

ней нельзя, она замужем.

– За водяным, что ль? Да тьфу на него! У него таких русалок небось пруд пруди, рази ж старого хрыча одного на всех хватит...

Я невольно кинул взгляд на бадью с холодной водой, ожидая, что оттуда, как в сказках Роу, вытянется укоряющий перст водяного, но, по счастью, ничего такого не произошло. Возможно, банник не позволил, это всё-таки его территория, а местная нечисть разделение сфер влияния блюдет чётко.

– Ладно, при случае познакомлю.

– Вот спасибо!

– А у тебя серьёзные намерения или так, на уху?

– У меня с научной целью, – важно подчеркнул наш умник и с воодушевлением взялся за веник.

На этом наш познавательный диалог обрывается, потому что все мои мысли сводятся к одному – как выжить? Собственно, у всех, попавших в бане под Митькину массивную руку, мысли одинаковые... Но, видимо, у моего напарника тоже не всё было спокойно на душе, поэтому хлестал он довольно умеренно, я даже чуть не задремал от расслабления. Бывает такое вот промежуточное состояние: и сон, и не сон...

Смеющиеся глаза Олёны; тревожно изогнутые бледно-розовые губы Дины; уже две одинаковые жемчужины, покоящиеся в нагрудном кармане кителя; носатый домовой, почему-то жарящий шашлык прямо в печке, да еще из самых крупных пауков; Баба-Яга, наверняка выстроившая свою собственную стройную версию всех странностей и непоняток, но нас в курс дела так и не...

– А-а-ау!

– А я кипяточком вас слегка, Никита Иванович, – нимало не каясь, пояснил Митяй. – Вот уж теперича вы такой чистый, что и людям показаться не стыдно. Свежий, пышущий, розовый (тьфу на вас!) – прям загляденье!

– Не надо на меня так заглядываться...

– Не без понятия, греков читали, – совершенно не обиделся он и, крякнув, вылил себе на голову бадью ледяной воды. Экстремал, уважаю...

– А вы эдак, для закаливания, народным методом не желаете? Мне не жалко, водица есть еш... Ё-ёу!

Скрипнула входная дверь... Митька, взявшийся было за другую бадью, в оцепенении прижал её к могучей груди и сел там, где стоял. Я повернул голову и едва не свернул себе шею – прямо из предбанника, в клубы пара, на порог шагнула от подмышек до колен завёрнутая в простыню Баба-Яга!

Старушка чуточку конфузилась, но крепко держала в сухоньких руках запотевшую бутыль местного самогона...

– Ну что, сотруднички? – Бабка окинула нас торжествующим взглядом. – Стало быть, девок я не звала, как и договорено было, своим коллективом поплещемся, так, что ли?

Мы, не сговариваясь, с визгом ломанулись из бани вон. Вслед доносился ехидный смех нашей эксперт-криминалистки...

В предбанничке нас ожидало чистое бельё и моя, частично высушенная, форма. Одевались быстро, стараясь лишний раз не глядеть друг на друга. Митька успел первым и удрал на двор, выравнивать дыхание. Я пришёл в себя быстрее, хотя шок, конечно, был, поэтому одевался неторопливо...

К тому же, мать моя юриспруденция, а брюки-то по-прежнему влажные! Домового нет, сушить и гладить некому, а не надеть нельзя. Хорош я за общим столом буду – в кителе, рубашке с галстуком... и свежих белых подштанниках, аккуратно заправленных в начищенные форменные ботинки!

– Пойдёмте в избу, что ли? Маняшин батюшка звал чаю пить, – донёсся Митькин бас со двора. Нервничает... Я тоже. Так, кстати, и пошёл в мокрых штанах...

Изба у кузнеца была большая, ухоженная, но небогатая. Как оказалось, сам хозяин, Игнат Андреич, был человеком вдовым, работающим, но пьющим. Прикладывался к сорокаградусной каждый вечер, пил на свои, в долги не лез, характер имел флегматичный и мягкий. Оно и к лучшему, когда я его в первый раз увидел – мне присесть захотелось. Вспомните Митьку... Так вот, кузнец был на голову выше и точно такой же ширины в плечах. Ей-богу, не вру – практически равнобедренный треугольник с кудлатой бородой и добрецкими глазами. Причём ни капли жира! Рельеф, как у Рона Колемана в соревновательный период. Я невольно закомплексовал, когда Игнат Андреич осторожно поздоровался со мной за руку и, извинившись, ушёл спать в сени. Его румяная дочь усадила нас и развлекала разговорами до подхода Яги, тогда уж поставила на стол самовар и начала напаивать нашу опергруппу чаем...

– А что, девонька, – после третьей чашки неспешно начала бабуля, – не приметила ли ты, часом, как участковый в колодезь упал?

– Да поскользнулся же! – устало отмахнулся я, но бабка была неумолима:

– Про то ты мне, старой, бурлацкие песни не пой, я те сама десять причин навскидку подберу, зачем сыскной воевода по своей воле топиться

полез. Считай, давай: от жары искупнуться; друга вытащить; водицы студёной испить; с напарником с носу на нос пообщаться; брёвна изнутри посчитать; правда ли, что звёзды видны, выяснить...

– Ладно, сдаюсь! – При упоминании о звёздах мне стало стыдно, и как она догадалась?

– Так что скажешь, девонька?

Маняша пожала плечами, сдвинула бровки домиком и призадумалась. Что, кстати, является признаком поведения человека честного и ответственного...

– Сама не видала, в другую сторону меня бабы отвлекли. Но краем глаза приметила – подле Никиты Ивановича наши парни стояли, Прошка да Ерошка. Олухи отменные...

– Этих хорошо помним, так не они ли участкового на ныряние определили?

– Не знаю, а зря наговаривать не стану, – твёрдо ответила кузнецова дочь. – Но...

– Но? – ухватилась Яга, и мы с Митькой вытянули шеи.

– Вот будто был там ещё кто... чёрный... не помню его, и наш и... не наш, – успешно запуталась девушка и, досадуя на саму себя, бросилась по второму разу греть самовар.

Опытнейшая эксперт-криминалистка развела руками и, автоматически отстукивая «Во поле берёзонька стояла» жёлтым ногтем по столу, ушла в глубокие размышления. Лезть к ней в такой момент с вопросами – просто нарываться на грубость почём зря. Мы оба это прекрасно понимали...

– Маняша, – я деликатно поманил пальцем девушку, – один вопрос, личного характера, если позволите...

– Ох, да отчего же нет, я не замужем! – абсолютно невпопад ответила она, заливаясь краской, как самая невинная из всех сельских невест. Митяй почему-то помрачнел.

– Я только хотел уточнить...

– Батюшка за меня рад будет, да только...

– Нет, вы не поняли. – Теперь уже я чувствовал себя полным идиотом, а Митька веселился вовсю.

– Не обессудьте, – девушка взглянула на меня с искренней жалостью, – только мне другой по сердцу. Уж простите, если чем обидела...

– Спасибо за откровенность. Учту. – Спорить было бессмысленно, лучше соглашаться. – Не подскажете, что там наша заслуженная сотрудница вашим землякам сообщила? Какое-то тайное деревенское слово?

Кузнецова дочь мгновенно сменила красный цвет лица на бледный, испуганно зажала рот обеими руками и, боясь даже бросить взгляд на Ягу, ринулась вон из горницы. Сурово... Надо во что бы то ни стало вытащить из бабки эту волшебную формулу и пользоваться направо-налево! А то взяли моду – частушки орать... Причём ведь политические, если про милицию!

– Ночь за окном... пора бы и честь знать, Никитушка.

– Вы правы. Собираемся, нам ёшё до дома топать и топать.

– А может, я где телегой разживусь? – изобразил служебное рвение добродушной души младший сотрудник. – Что ж бабуленьке по вечерней росе костянную ногу студить? Ей ить и без радикулиту, считай, недолго осталось... Пущай хоть в телеге, в сене душистом, молодость шаловливую вспомнит, а?

...Шли пешком. Полдороги уязвлённый в самую душу Митяй, забегая вперёд, объяснял Яге, что ничего двусмысленного он в виду не имел, а ежели у кого какие фантазии, так тут уж... Бабка была непримирима! И, несмотря на явный риск вновь быть превращённым в бобика, наш умник всё равно ночевать под родимый кров, к маменьке, не пошёл. Хотя после сегодняшнего купания в колодце чего тут странного? Марфе Петровне тоже надо в себя прийти...

А нас дома ждал сюрприз! Не угадали?

* * *

Во-первых, ворота нараспашку и на крылечке зверски раздавленные пауки... Во-вторых, внутри свет и чьё-то громкое, но жалобное сопение... Закономерно напрашивавшийся вывод – у нас дома кто-то чужой и этому кому-то очень несладко. Яга остановила нас молчаливым спецназовским жестом, двумя пальцами указав Мите на оглоблю у забора, а мне велев держаться за спиной.

К дверям выходили по одному, россыпью, едва ли не кувырком с переворотом и выходом в положение «стрельба с колена»... У самого косяка эксперт-криминалистка тщательно принюхалась, присела, толкнула носком лаптя пару соломинок на пороге и презрительно фыркнула – отбой...

– Заходи первым, Митенька! Да древесину брось, сперва с маменькой собственной поздоровайся...

От удивления этот... с позволения сказать... нехороший человек...

уронил оглоблю прямо мне на ногу! Пнуть его второй ногой у меня уже не получилось, а, соответственно, выражаться при пожилой женщине не позволяло воспитание. Хотя Яга бы поняла, она, как опытный опер, сама порой такое загнёт – отец Кондрат только успевает епитимьи класть! А бабуля наша столь же ровно кладёт на эти епитимьи, и в целом какая-то гармония взаимоотношений у них соблюдается.

– Участковый, а ты чего на одной ноге застыл? Давай тоже в избу прыгай...

Я, демонстративно прихрамывая, шагнул внутрь. Обрисованная в лицах сцена была достойна кадров Спилберга или кисти Босха. Посреди горницы стоит толстый кокон из паутины. На свет божий глядят только тосклиевые русские глаза да не совсем умотанный кончик носа. Взд-вперёд по кокону бегают старательные паучки, а руководит ими носатый азербайджанский домовой. Хотя его-то как раз практически не видно, но такой носище ни за какой печкой не спрячешь...

– Маменька? – недоверчиво сощурился Митяй, осторожно ткнув кокон в предполагаемое пузо. Вразумительного ответа получено не было, но по энергонасыщенности сопения и родственным искоркам в глазах – маму он всё-таки идентифицировал. И поступил, как положено... по уставу.

– Дозвольте доложить, батюшка сыскной воевода, задержана гражданинка Лобова Марфа Петровна, уроженка села Подберёзовки. Причины ареста – взлом, незаконное проникновение на чужую территорию, подозрение в воровстве, краже и готовящемся теракте. А что, от маменьки всякого ожидать можно! Вот ещё в детстве, помнится, как возьмёт хворостину да как...

– Митя, размотай.

– Ить минимум три статьи пришить можем, а?

– Размотай путы паучьи, неслух, – поддержала меня Яга, но взялась за помело и села на лавочку так, чтобы перекрыть подозреваемой единственный возможный путь бегства.

– Эх, маманя, маманя, и за что ж вы меня так перед родной опергруппой испозорили! – сквозь зубы бормотал наш добрый молодец, длинными лоскутами срывая с несчастной паутину. – То у вас соль ядовитая, то в чужой дом без приглашения впёрлись, вот и паутину нашу ещё стырить вознамерились... Думали, раз сынок в милиции, так всё с рук сойдёт? А мне потом каково товарищам боевым в глаза глядеть? Судить вас надобно за такое, мама! Ну да, Никита Иванович небось поспособствует... Штаны свои мокрые вспомнит и...

Дальнейшее развитие сюжета можно предугадать, даже не имея

законченного милицейского образования. Крупногабаритная тётка взглянула на нас глазами ведомой на мясобойню коровы и гулко бухнулась на колени. Кому как, а мне захотелось в тот же миг цапнуть нашего младшего сотрудника за шиворот, ткнуть носом, чтоб он наконец понял, прочувствовал, осознал, каково это нам с ним каждый день лицезреть такой вот спектакль! Но бедный Митька и без того был готов провалиться сквозь землю...

Когда тяжёлая работа по распутыванию и освобождению была наконец завершена, я на всякий пожарный мягко отодвинул Митьку в сторону, прикрывая его спиной. О тяжести ручки (и лёгкости её применения) данной особы меня сегодня кто только не проинформировал. Рисковать напарником не хотелось, но последующий акт со стороны гражданки Лобовой напрочь перевернул мои представления о людях. Хотя...

— Митенька-а-а! — бухнувшись на колени перед остолбеневшим сыном, заголосила Марфа Петровна. — Прости ты меня, Христа ради, дуру старую! За печкой выросла, в темноте жила, грамоте не обучена, считаю до трёх на пальцах, мужем битая, свекровью травленная, соседями злыми насквозь изобиженная! Куска недоедала, ночей недосыпала, тебя, соколика, кровиночку, любовь единственную, всё-то своим молочком поила без жалости! Уж прости, не серчай, не сетуй, ибо как перед Господом, перед товарищами твоими начальственными челом бить буду — одна у меня гордость, сын-милиционер! А теперь казните, что ли...

— Маменька-а... встаньте!

— Не встану!

Мы с Бабой-Ягой только злорадно усмехнулись, когда эта особа начала демонстративно биться лбом об пол. Сразу ясно, в каком театре-студии наш трагик получал азы актёрского мастерства, правда?

— Маменька-а, прекратите! — тоскливо взвыл пристыженный Митька. — Неудобно же...

— Кому неудобно! Мне, что ль? Мне удо-обно, мне ой как удобно! Ежели б тока доски такими жёсткими не были, так показала бы всем мать милицейская, сколь велико раскаянье её женское, тяжела доля бабья, невыносима боль сердечная, а ить как щемит под ребром... как свербит да колет... вот ужо и вздохнуть тяжко... и в глазах темнеет... и...

— Ничего не напоминает? — Я выразительно подмигнул опозоренному напарнику, его мама развалилась на полу, колыхаясь как раскормленная медуза, обеими руками держась за сердце и закатив глаза так, что без посторонней помощи уже обратно не выкатить...

— Поднимай её, соколики, — сухо посоветовала бабка, — да на лавку

сажай, по правилам допрос вести будем. Есть у меня до ней пара вопросов за вчерашнее об потолок нарощенное стуканье...

Подозреваемая горько вздохнула, самостоятельно, с завидной бодростью вскочила на ноги и, не нуждаясь ни в чьей помощи, опустилась на скрипнувшую от натуги лавку.

– Об одном тока попрошу: апосля допроса, перед казнью лютой да смертью безвременной – дозвольте одно словечко сынку единственному молвить. Одно только слово матерно...

– Материнское? – на всякий случай уточнил я.

– А где разница, что матерно, что материнское, – напрочь не понимая иронии, поджала губки Марфа Петровна.

Яга покивала задумчиво, неожиданно отвлеклась, послав воздушный поцелуй кому-то за печкой, и одним жестом выдворила Митьку в сени. Мой напарник разом осунулся, сдулся и вышел шаркающей стариковской походкой, опустив голову примерно до пупка...

– Никитушка, сел бы ты в уголочек да планшеточку свою невзначай раскрыл. Вдруг да чего шибко интересное прозвучит, так вот и запротоколировать бы...

– Не вопрос, – легко согласился я, переходя на дальний табурет у дверей. – Только вы тоже... не слишком уж... без давления...

– Давление скачет, – невпопад пожаловалась наша эксперт-криминалист. – К непогоде, видать... А мы покуда с Марфой Петровною чаи гонять будем. Так, что ли, соседушка?

Сначала я не поверил своим ушам. Но бабуля с маманей быстренько, в четыре руки накрыли на стол и чаёвничали, задушевно треща, как две кумушки на именинах. Пару раз я порывался что-то там записать, потом дважды перечёркивал написанное, потом вообще перестал слушать этот бабский (простите, женщины!) трёп, упёрся спиной в стену и... трогательно уснул.

Проснулся часа в три ночи. С той же целью, что и в прошлый раз. Всё повторилось. В том смысле, что я снова видел убегающую фигуру в чёрном, и она напомнила мне одного типа, с которым совершенно не хотелось встречаться... Ну то есть абсолютно!

* * *

Я не попытался его задержать только от удивления. Просто стоял, как рояль в кустах, даже ущипнул себя пару раз больно, не в силах поверить

собственным глазам... Его не должно было здесь быть! Где угодно, но не тут! Мало он нам в городе крови выпил, мало мы на него нервов убили, но и здесь, на отыхе в деревне, он даже ночью не даёт нам покою...

Если кто ещё не догадался, то в лунном сиянии я чётко разглядел сухопарую фигуру дьяка думского приказу Филимона Груздева! Кличка «геморрой во плоти», профессиональное призвание – сочинительство кляуз и доносов, хобби – изводить лукошкинскую опергруппу. То есть нас. И, по совести говоря, ему это частенько удаётся... При одном упоминании имени дьяка у Яги обостряется язва, Митяй во сне скрипит зубами, а у меня веко дёргается, левое... к чему бы? А, непринципиально! Важно одно, народная примета: «Видеть дьяка Фильку – не к добру...» – срабатывала всегда.

Собственно, он ведь мне тоже специально не позировал, постоял пару минут, словно к чему-то прислушиваясь, и дал стрекача. Быстро-быстро, как призрак или тень растворился в ночной мгле. Бросаться в погоню не было ни малейшего желания, как и абсолютно никакого смысла.

Если это действительно гражданин Груздев (а я готов дать стопроцентную гарантию!), то тихая жизнь Подберёзовки скоро станет мифом... Дьяк разносит споры, скандалы и склоки с лёгкостью таракана-вредителя, и равных ему в этом деле нет. Значит, в ближайшее время сам проявится и выйдет на нас. Чего ж раньше времени дёргаться? Я пошёл досыпать...

Досыпал недолго. Деревня есть деревня, уже с первыми потугами солнышка на всю округу разорались петухи. Попробуйте представить, что лучше: один петух, но под ухом, или десяток озабоченных будильников из соседних дворов, но хором! Я автоматически накрыл голову подушкой – не помогло...

– Вставай, участковый! Не то весь завтрак проспишь, а я уж расстаралась для тебя сегодня...

Всё, остатки сна пугливо метнулись по углам подсознания. От бабки никуда и никогда не денешься – она поднимет, поставит, умоет и всё равно накормит, как ни брыкайся... Однако, открыв глаза, я в ту же секунду зажмурил их вновь! Варианта два – либо я не дома (то есть не там, где вчера уснул), либо за ночь обшарпанная избушка превратилась в царский терем с евроремонтом (что вряд ли). После минутного размышления я всётаки приоткрыл левый глаз и осторожно осмотрелся. Несмотря на мой скепсис, победил вариант номер два...

– А уж это Назимушка наш расстарался, – с гордостью вскинула бородавчатый подбородок разнаряженная Яга.

Надо признать, ей было чем гордиться. Домового бабка себе оторвала

– пальчики оближешь! Один – круче, чем бригада молдавских строителей!

Потолок сиял белизной, окна вымыты, на подоконниках герань, на полу вязанные крючком коврики, стол накрыт чистой скатертью, а печка не только побелена, так ещё и расписана вручную азербайджанскими народными узорами...

– По идее, тогда уж на завтрак у нас должна быть долма и мацони, – чуть удивился я, когда, одетый, умытый и причёсанный, наконец взял в руки ложку.

Бабка поставила передо мной тарелку обычной гречневой каши с грибами. Из-за печки на мгновение высунулся характерный нос заботливого домового, похоже, дяденька сделал себе пометку насчёт меню.

– Где остальные? У нас вчера вроде куча народа по горнице толкалась...

– Так Митеньку с маманей евонной я ещё в ночь из дома выпроводила. Пущай хоть разок под кровом отеческим переночует, родительнице своей радость доставит. Ты бы поговорил с ним, Никитушка...

– О чём?

– Да, – чуть замялась Яга, – стыдится он её. Пообтесался, вишь, в городе, при отделении служит, хоть и младшим, да опером. Заявления пишет, книжки философские читать сподобился, платком пользуется, умом и культурою прирастает на глазах... А она что? Баба деревенская, простая, неграмотная, шумна да на затрешины скорая, ему и неудобно перед нами...

– Возрастная разница социальных положений, – понимающе кивнул я. – Да, обратно в сельскую жизнь его уже и на бульдозере не затащишь...

– А маменьку он всё одно любит! И она в ём души не чает... хоть и в колодце топила собственноручно. Поговори, Никитушка...

Я кивнул. Почему нет? Должность штатного психолога у нас в отделении всё равно вакантна, так что либо я, либо кот Василий. Кот с нами не поехал, остаюсь я...

– И вот ещё, соколик, ты со мной ничем таким поделиться не хочешь? – неожиданно хриплым от смущения голосом протянула наша эксперт-криминалистка.

– Вы тоже его видели? – утвердительно спросил я.

– Не видала, не видала, откуль же? Что ж я, подсматриваю за тобой, что ли? – почему-то всполошилась Яга. – А тока... уж ежели чего болит, скажи сразу бабушке!

– Болит! Чего болит?

– Да уж знамо чего! Нешто здоровый мужик будет каждну ночь из избы сбегать да в кустах торчать стока времени! Говори, Никитка, чего и где со

здравьем не так! Я уж старая, мне всё сказать можно, не у тебя первого, поди, такие напасти! А ить ежели с энтым делом до женитьбы не поправится, так потом...

– Бабушка-а... – едва не офонарел я, сообразив, куда она клонит. – Вы о... о чём вообще думаете? Нормально у меня всё со здоровьем! А выходил потому, что чаю много! А задерживался потому, что...

– Ой ли, участковый!

– Да вот уж не «ой ли!» – возмущённо стукнув ложкой по столу, вскочил я. – Не «ой ли», а дьяк Филимон Груздев!

В заботливых глазах моей домохозяйки явственно мелькнула мысль о том, что я тронулся. Пришлось взять себя в руки, овладеть ситуацией и постепенно рассказать ей всё, что я видел...

Вам пересказывать не буду, вы и так всё знаете. Наша придиличная эксперт-криминалистка особенно внимательно осмотрела обе жемчужинки (одну даже на зуб попробовала!), что-то там прикинула, сверилась с собственными умозаключениями и уверенно объявила:

– Чепуха какая-то вырисовывается. Муть деревенская, подберёзовая, словно кто на старые сапоги новые подошвы слюнями клеит... Сам суди, вот соль кладбищенская, страшная, а вреда от неё по сути и нет никакого. Покуда над ней слова колдовские, злодейские не произнесть – обычный пищевой продукт будет. Качества некондиционного, но коли и помрёт кто, так ить не сразу же... Или вон жемчужины твои, русалками ненормальными даренные, – никуда по делу не годны. Для бус маловаты, не круглы, красой перламутровой не блещут, а по-иному их и приспособить-то некуда. Дьяка, Фильку, говоришь, видел... допускаю сие. Ну и толку что с того? Ему небось на государевой службе своих забот мало, чтоб он по ночи в Подберёзовку бегал, твою милость в кустах дивить... А коли и так, так он у нас со всенародными отклонениями, мог бы и забежать на село. Поди, энто уж факт неподсудный, протокол не составишь, к делу не пришьешь, да и само дело на эдакой мякине шить замучаешься. Отыхал бы ты побольше, Никитушка, ить совсем себя не жалеешь, вот результаты и сказываются...

– Груздев скрылся в перелеске, а там, за рощей, загородный дом боярина Мышкина, – поражаясь, как это не пришло мне в голову раньше, прошептал я. – По делу о «перстне с хризопразом» они проходили вместе, но дьяка оставили при дворе, а боярина отправили в ссылку. Что, если мы только попытаемся предположить...

– Что Филька Груздев тайком опального товарища по несчастью навещает? – пренебрежительно оттопырила губу Баба-Яга. – Ну дак и в чём

же тебе тут криминал усматривается? Да хоть бы и взаправду навещал, кому какое дело...

– Тоже верно... Но ведь мотив есть!

Бабка покосилась на меня, сочувственно покивала и молча встала разогревать самовар. В общем и целом она была абсолютно права: наверное, мне стоит банально поберечь нервы. Бывает ведь такое – переработаешь и уже в самых обыденных вещах ищешь состав преступления, подозревая всех и всякого. Кстати, именно поэтому опера «убийных отделов» время от времени берут себе «тайм-аут», переходя на менее «мокрые» дела типа краж, мошенничества и бытового хулиганства на коммунальной кухне.

Надо развеяться. Сходить искупаться ещё разок? А вдруг там опять эта корова? В качестве ассоциации почему-то сразу всплыло Маняшино лицо. Рога оптом и отдельно. Что за наваждение...

Плюс Митька запропастился чёрт-те куда с утра пораньше... Хотя нет, ошибочка, скрип крыльца, широко распахнутая дверь, и наш младший сотрудник тяжёло плюхается на проверенную скамью, явно желая излить душу. Это называется «карма»...

– Поговорим, Митя?

– О чём, батюшка сыскной воевода?

– Да всё о том же.

– А поконкретнее не изволите ли?

– Не изволю, Мить... У тебя на лбу готическим шрифтом написано, что душа твоя полна сомнений и подозрений, томясь в жажде излить всё это, пока горячее, на головы старших товарищей. Действуй!

– Дозволяете? – Он внимательно посмотрел сначала на меня, потом на Ягу. – Ну тогда вслушивайтесь. Имею честь доложить следующее...

О чём Яга беседовала с Марфой Петровной, пока я спал, и не мелькнули ли хоть какие-то нужные сведения, мне узнать не удалось. Честно говоря, просто забыл спросить. Митькины проблемы, разумеется, были важнее всего...

* * *

Далее минут десять страданий, метаний и мук совести, поскольку «маменьку родную...» он под судом видеть не желает, друзей детства на каторгу отправлять тоже, но от фактов не убежишь, да и долг мундирный неподкупности требует, и не менее, чем по полноценному максимуму! Если

всю эту лабуду откинуть, то всей полезной информации – кот наплакал...

В последний раз Марфа Петровна покупала соль у соседей через улицу – кавээнновских юмористов Прошки и Ерошки. Взяла задёшево, кстати, как и в предыдущий раз, и ещё раз в предыдущий. У них, между прочим, полдеревни берёт, а откуда некачественный продукт сами «коммерсанты» взят, неизвестно. Ходят слухи, будто здесь же и копают...

– Соляные копи в средней полосе России?

– Всяко бывает, Никитушка, – спокойно отреагировала Яга. – А вот самих братьёв-близнецов навестить удалось ли?

– Не удалось, бабуленька, – скорбно вздохнул Митяй. – Уж я-то бежал, едва ль не на всех четырёх, по всем восьми дворам, да в поле, да на речку, да в баню лишний раз заглянуть не побрезговал (двух соседок маминых, заглянув, зазря обнадёжил), а только ни Прошки, ни Ерошки в Подберёзовке ныне нет! Видать, и впрямь куда на промысел пошли, сольрылами рыть...

– Понятненько. – Я отметил братьев в блокноте двумя жирными галочками. – Следовательно, как вернутся, пусть ждут нас в гости.

– Ребятня говорит, что к вечеру будут. Стало быть, недалеко ушли. Опять же без телеги, а сие значит, что склад соляной, ихний, неподалёку...

Мы с бабкой переглянулись. Собственно, рабочие факты исчерпаны, гипотез и планов нет. То есть всё, больше делать нечего. А жаль... Небольшой провинциальный детектив всегда интереснее стандартного отдыха в деревне. Эдакая разминка для мозгов, интеллектуальное развлечение, учебно-полевая практика с целью сохранения служебных навыков в период заслуженного отдыха. Кстати, не забывая, что отдых – это всё-таки святое!

– Бабуль, мы вам не особенно нужны до обеда?

– Нет, соколик, тока ежели опять на речку пойдёшь, уж к коровам-то не приставай, а то девки вчера частушки неприличные на эту тему голосили. Дюже за душу берёт, мне вот понравилось... щас...

– Я тоже слышал одну, в ваш адрес, – не удержался я, с удовлетворением отметив, как бабка покраснела носом. – Мить, купаться идём на то же место. Будет случай, познакомлю с русалками...

– Благодарствую, оправдаю, отслужу, лишнего не позволю, а ежели что не склеится – приму к сведению как отрицательный результат научного эксперименту, – за всё и про всё на всякий случай отрапортовал он.

Яга повела плечиком, дескать, идите, боевые товарищи, поскольку тут от вас всё равно никакого толку нет.

Выходя, краем глаза я успел заметить, как наша специалист по

криминалистике старательно поправляет седую прядку, выбившуюся из-под платочка. Бабка явно прихорашивалась. Бигуди ей подарить, что ли?

...К речке шли лениво, медленным прогулочным шагом, совершая манипуляции и отмахиваясь сорванной полевой ромашкой от настырно-приставучей пчелы. Солнце грело удивительно по-домашнему – мягко, тепло, но без жары. Небо казалось хрустально-голубым, с полупрозрачными облаками оттенка ленинградского фарфора.

Трава, традиционно зелёная, всех мыслимых и немыслимых оттенков, изукрашенная такими обалденными дикорастущими цветами, что, будь я художник – непременно ударился в пропаганду сельского пейзажа! О чём-либо более серьёзном говорить и даже думать не хотелось, но надо, Яга просила...

– Ну и как удои?

– Благодарствуем, ровно.

– А в целом, на селе?

– До литру молочного продукта в день на душу населения, – прикинув, подсчитал наш увалень. Как видите, начал я совершенно невпопад, пришлось изворачиваться на ходу:

– Кстати, мама твоя – приятная женщина. Даже в гости звала на пироги с бузиной. Ты пробовал?

– Я-то да... А тока вот вам не посоветую, пронесёт с непривычки. А может, и нет... Тут уж кому что Господь положит.

– Мить, с чего это такая депрессия?

– Некомфортно мне тута, Никита Иванович, – буквально со вселенским вздохом признался он. – Девки суматошные, либо молчат, как коровы, либо хохочут, как лошади, а поговорить-то по сути и не о чём. Парни самогонку пьянятся, морды чищут да тех же девок в праздники неинтересно щиплют, они визжат по традиции, скучно, без огонька! Базар тока по большим праздникам, книгу умную обсудить не с кем, с культурою проблемы у многих, и маменька опять же...

– А вот про маму, Митя, лучше молчи, – идеино-воспитательно прервал я. – Мама – существо святое и неподсудное, она тебе жизнь дала, она...

– ...ещё её и загубит!

– Младший сотрудник Лобов, что за пораженческие вопли!

– Так ведь и губит же на корню весь авторитет мой перед людьми-и, – уже практически переходя на вой, ударила в слёзы эта орясина.

Передавать всё, что он мне наговорил, смысла нет... Вкратце это называется «кризис поколений». Сценарий классический, почти каждый

мужчина рано или поздно проходит через подобную инициацию, гипертрофированную родительскую любовь и большую гордость за отпрыска. А уж за такого, как милиционер...

Он, как помните, в ту ночь у маменьки ночевал? Так вот, Марфа Петровна ни свет ни заря к себе всех соседок загнала – сыном любоваться! Бедного парня заобнимали, зацеловали, затормошили, зализали, затискали, защипали, и ведь каждой рассыпающейся старухе надо было в ножки кланяться да с вежливостью по имени-отчеству, ибо она его, дурака обдувшегося, щё в пелёнках помнит... Чуть что не так – обиды жуткие! На семь поколений вперёд и, главное, маменьке вечный грех и всеобщее унижение...

Сбежать не удалось, чем смыть позор – не ведает, спасите-помогите, батюшка сыскной воевода, отпустите в Лукошкино на задание. Лучше в страшно опасное, дабы хоть сгинуть с честью! Ну и так далее, вольным текстом, с прежними перепевами, подыванием и шмыганьем носом...

– Нет, Мить, никуда я тебя не отпущу. Во-первых, ты сам в отпуск просился, во-вторых, царь не так поймёт и отправит догуливать вольные деньги куда-нибудь за Уральский хребет, а в-третьих, похоже, у нас и здесь некое таинственное дельце образовалось. Без твоего участия – нам ну никак...

– Никита Иванович, отец родной, счастье-то какое! Когда заарестовывать будем?

– Не знаю.

– Ништо, потерпим, а кого?

– Тоже не знаю.

– Несолнечно, да что ж делать... ну хоть за что?

– Понятия не имею, – честно улыбнулся я, с наслаждением вдыхая прянный речной воздух. За разговорами время летит незаметно, мы пришли.

То же солнышко, тот же песчаный пляж, та же речная свежесть, то же небо с облаками... На этом сходство исчерпывалось, вплоть до «лучше бы не приходили». Дело в том, что вдоль бережка, словно зрители в амфитеатре, расселось, видимо, полдеревни, и коварная дочь кузнеца удерживала за рога ту самую корову... Как вы думаете: и чего они все тут забыли?

– Здравствуйте, граждане, – как можно бодрее начал я.

– Здорово... здрасте... коль не шутишь, – нестройно отзвались местные, не покидая занятых мест.

– Мить, – настороженно прошипел я, не поворачивая головы. – А какого лешего они все здесь, собственно, собрались?

Мой младший сотрудник пообщался кое с кем полушёпотом и, вернувшись, доложил:

– Смотреть будут.

– Чего?

– Ну, как вы купаться изволите. Дескать, Манька в прошлый раз повсюду рассказывала, будто энто веселье незабываемое...

– Скажи им, что стриптиза не будет! – всё ещё как-то сдерживаясь, зарычал я.

– А почему?

– Музыки соответствующей нет!

– А ежели кого насчёт балалайки попросить? – продолжал докапываться этот идиот, потом посмотрел мне в глаза и всё понял.

Народ, ожидающий планового зрелища, начал потихоньку намекать...

– Когда ж начнут-то? У меня тесто в избе брошенное...

– А вот как участковый одёжку верхнюю сымет, так дочерь кузнецова корову и спустит. Ух, она у ей, говорят, дюже на милицейское исподнее злобная-а...

Вот и говорите мне потом, что народ и милиция едины! Господи боже, как же я скучаю по родному Лукошкину, по еремеевцам, по царю, даже по дьяку, чтоб его...

– Чего ж он тянет-то? У Степаниды, вон, дети не кормлены, изба не метёна, скотина не доена, забор не чинен, печь не белёна, поле не пахано, муж не поен...

– И не говорите, бабы!.. Совсем об людях не думает, стоит себе, в облака носом дует... Ровно и не ради него тут все собрались!

Да-а, а я раньше лукошкинцев ругал за простоту души... Погнали деревенские городских! Хихикнуть, что ли, для прикола? Или лучше расхохотаться демонически, по-театральному, чтоб дошло...

– Мам, мам, а правда девчонки говорили, будто бы сыскной воевода не как все крещёные люди купается, а в штанах коротеньких?

– Бог ему судья, доченька...

Вот после этой фразы я сдвинул брови и решительным шагом направился к гражданке Маняше. Люди в ожидании вытянули шеи, а Митька предусмотрительно отстал.

– Здрасте вам, Никита Иванович! – радостно защебетала она, не дожидаясь моего справедливого возмущения. – А я-то веду коровушку на бережок, свежей водички испить, и всё думаю, до чего ж сюда народ зачастил. Может, ищут чего? Вы не знаете?

– Ищут! Я знаю, чего они ищут и чего найдут! – грозно пообещал я,

опасливо косясь на полные неизбытной любви глаза бодливой коровы.

Девушка держала скотину за рога, и крепкие крестьянские бицепсы рельефно прорисовывались под рукавами её рубашки. Пришлось снова пытаться решить проблему мирными методами...

– Дорогие деревенские жители! Как глава лукошкинского отделения я попросил бы всех и каждого не мешать нашему заслуженному отдыху. Демонстрация обнажённого милицейского тела откладывается на...

Договорить, дабы обозначить безнадёжно далёкие сроки, не удалось. При словах «обнажённое милицейское тело...» местные испустили дружный вздох, дочь кузнеца покраснела и перекрестилась, а удержать корову одной рукой не смогла бы даже хвалёная некрасовская женщина.

Чем я так не угодил этой хвостатой рогоносице? Издав победный «мык!», она взвилась на дыбы и кинулась на меня, как испанский бык на матадора. Отступать было некуда, позади река. Ну вот, собственно, в неё я и отступил красивым балетным пируэтом, сразу на глубину до пояса... Корова так глубоко не пошла, раздувая ноздри и жалобно мечась по пляжу в обиде на ускользнувшую добычу.

Деревенские удовлетворённо зашумели, кое-кто даже в ладошки похлопал. Митька с кем-то уже болтал, Мания стыдливо заливалась в голос, а из-за берёзок к речке неторопливо шёл грустный человек, и при его приближении всё веселье почтительно смолкло... Подошедший поправил полошащиеся на ветру пейсы, подобрал левой рукой подол длинных одежд, а правую вытянул в мою сторону в некоем благословляющем жесте...

– Аки Иоанн-Креститель, – сипло пискнул кто-то.

– А почему сразу нет? Все мы из колена Израилева, – раздумчиво кивнул Шмулинсон. – Таки рад категорически приветствовать вас, дорогой мой до гроба Никита Иванович!

– Добрый день, Абрам Моисеевич. – Я действительно был рад его видеть. – А вы какими судьбами в наши края?

– Таки вам подробно или при всех?

– Корову отгоните, – вежливо попросил я, догадываясь, что гробовщик-закройщик, дураку понятно, появился здесь неспроста. И даже очень неспроста, если хоть на секунду вдуматься...

Самый популярный еврей Лукошкина, бывший хоккейный судья, бывший беглец, бывший провокатор духовенства и пару раз практически подозреваемый мирно прошептал что-то на ухо рогатой хищнице, и корова, задрав хвост, дёрнула вскачь по мелководью. Лично я рассыпал чётко только два слова – «кошерная говядина», но, наверное, там были ещё какие-то угрозы...

Шмулинсон протянул мне жилистую руку, помогая вылезти из воды. Деревенские, перешёптываясь и оглядываясь, уходили, явно не удовлетворённые срывом обещанной шоу-программы.

Мой напарник – предатель – кстати, тоже исчез вместе со всеми. Я присел на поваленный пенёк у бережка, сушиться на солнышке. Снимать мокрые штаны не стал – всё-таки при исполнении участковый в мокрых штанах менее смешон, чем совсем без штанов...

– Рассказывайте.

– Шо и с какого момента? Пусть меня сплющит об эту землю, если вы хотите услышать горькую историю моего детства, отрочества и созревания как личности...

– Абрам Моисеевич, а погодка-то какая... Теплынь, благодать! Я вам ещё нужен или вы тоже позагорать пришли?

– Ой, шоб я так жил, как ви, весь под солнышком, в родных Палестинах с пальмами, и макал сухую мацу в сладкий кофе! – Он всплеснул руками, по-шпионски огляделся и, убедившись, что нас подслушивают только кузнечики, тихо спросил: – Ви читали Сионские протоколы?

– Вроде нет, – сонно сощурился я, хотя протоколов в жизни начитался с лихвой.

– Очень жаль. Таки вот они ко мне пришли.

– Кто?

– Масоны...

* * *

Ей-богу, сначала я просто не знал, как на этот бред реагировать. Шмулинсон, конечно, паникёр каких поискать, но человек неглупый. И если попёрся пешим ходом из Лукошкина в Подберёзовку, значит, причины для трёхчасового променада имел вполне веские. А учитывая, что именно наше отделение спасло его этой зимой от несанкционированного еврейского погрома «пана-есаула Дмытро Лыбенко», то неудивительно, что он прямиком направился не куда-нибудь, а непосредственно ко мне. Откуда узнал, где мы отдыхаем, – тоже не вопрос, наверняка Еремеев сдал.

– Хорошо, успокоились, выдохнули, сделали расслабленное лицо и мысленно сосчитали до десяти. А теперь я повторю всё то, что вы рассказали. Поправляйте по ходу. Итак...

– «Итак» я не говорил.

– Абрам Моисеевич, вот издеваться надо мной не надо, да? Я же не попугай, всё дословно цитировать...

– Таки да. Ви – не он...

– Не кто?

– Не попугай.

– Спасибо...

– Ой, да не за что! Хотите, скажу вам это снова, шоб вам было приятно не один раз?

Как вы понимаете, подобные диалоги с гражданином Шмулинсоном могут занимать изрядные бумажные площиади, а хорошую бумагу царь нам выписывает из-за рубежа, так что передаю проблему в сжато законспектированной форме.

Где-то за неделю до нашего отъезда кто-то нарисовал на входной двери в избу Шмулинсонов звезду со строительным мастерком внутри. Рисунок был сделан мелом, и супруга гробовщика-портного хозяйственно смахнула звезду тряпкой. Наутро таинственный знак появился снова, и Абрам Моисеевич внутренне затосковал...

У евреев вообще необъяснимая способность седьмым чувством ощущать надвигающиеся проблемы, безошибочно отделяя большее зло от меньшего. Три дня вся семья поочерёдно безуспешно стирала корявую звезду, неизменно возрождавшуюся утром.

В конце концов хозяин дома взял самую длинную портняжную иглу, самые большие ножницы и с вечера засел под собственным забором в засаду. К утру он нос к носу столкнулся с незнакомцем (по виду и акценту явно иностранец!), который и объяснил побледневшему «собрату-иудею» новую политику партии.

Оказывается, отныне великий масонский орден стал считать сферой своих жизненных интересов и наше скромное Лукошкино...

– Он оставил вам литературу, листовки, план подрывной информационной деятельности и обещал прийти проверить сделанное в конце месяца, так?

– Нет.

– Что – нет? – не понял я.

– А то, что я практически кричал ему в жутко знакомое лицо «Нет!», но он не хотел меня слушать, – возмущённо жестикулируя руками, надрывался Абрам Моисеевич. – Я законопослушный гражданин, моя жена трудолюбивая женщина, мои дети учатся славянской грамоте и играют в лапту с соседскими мальчиками. С чего ради я буду портить себе налаженный быт и скромный, но верный гешефт из-за происков непонятно

каких масонов! Оно мне уже надо?!

– Так вы его узнали?

– Нет.

– Что – нет?

– То, что одна половина меня была где-то уверена в нашем коротком знакомстве, а вторая сказала, шоб я не морочил себе голову, когда сюда замешаны такие люди! Шо-то приблизительно такое в глазах, хотя бороду можно было бы приkleить и получше... Но когда я его вспомню всего, ви узнаете об нём первым. Я уже почти готов думать, но меня отвлекают скорбные мысли о насущном хлебе для семьи. Ви не подготовили себя на аванс?

– Мы в отпуске, – напомнил я, – и статью расходов на «воспоминания» нам царь даже под угрозами шантажа не подпишет, его Дума съест. Лучше скажите, почему вы сразу не обратились в отделение?

– Ой, то же самое мне твердила и моя Сарочка! «Абрам, – говорила она, – иди в отделение. Я уже приготовила тебе тёплые вещи и мацу в дорогу, если будешь очень голодать в Сибири, напиши, я что-нибудь продам. Пусть лучше наши дети вырастут без папы, чем их папа будет иметь нехорошие делишки в таком хорошем городе... Иди сам, пока за тобой не пришло всё отделение. В конце концов, шо такое каторга, хорошие портные нужны везде...»

...В общем, когда он дозрел, что идти всё равно придётся, наша опергруппа была уже на отдыхе. Объяснить детали щекотливой ситуации Еремееву смысла не имело, к царю без предварительной записи не пробиться, следовательно...

– А шо такого? Вспомните, скока лет Моисей водил мой народ по пустыне, мы, бедные евреи, с детства приучены к долгим пешим переходам. Хотя от голода уже кружится голова, жажда рвёт лёгкие, ноги в мозолях и рабочий день потерян, но шо такое деньги (тьфу!), когда речь идёт о спасении Отечества... Итак, может, у вас есть какие-либо личные фонды для поощрения полезных осведомителей? Опять нет! Ой, ну шо делать... а если продуктами... или в кредит под вашу зарплату?

...Он ещё что-то там долго нудел на эту тему, а я всё ещё никак не мог уложить у себя в голове сказочное русское Лукошкино и таинственный масонский заговор по порабощению нашего народа. Чушь какая-то! Но ведь разбираться с этим всё равно придётся, и не кому-нибудь, а нам. Даже если придётся бросить к чертям отпуск и ехать в город...

Да-а, и, кстати, возвращаться-то прямо сейчас абсолютно не хочется. Погодка – чудо! В небе синь от горизонта до горизонта, цветы такие

ароматы источают, что свиристеть хочется, коровы ушли и пахнут издалека, река журчит задумчиво, ветерок освежающий, теплынь, штаны сохнут буквально на глазах... То есть ехать-срываться в раскалённую пыльную суету нашей столицы нет не малейшего желания. Так что вы там говорите?

– Простите?

– Я говорю – так что вы там говорите?

– А-а, – понятливо кивнул Абрам Моисеевич, – а то мне таки уже показалось, что ви меня дословно не слышите. Я говорю, что они оставили аванс в десять червонцев. Это большие деньги, но если их непременно надо сдавать под опись в казну, так, может, мы разумно договоримся, что я получил всего восемь? А лучше пять! В конце концов, даже два полновесных червонца – это прямая выгода государству! Неужели такие люди, как мы с вами, не сумеем правильно обсудить оставшиеся проценты? Я предлагаю...

– Деньги пока оставьте у себя. – Мне действительно ужасно не хотелось взваливать на свои плечи ещё и эту проблему. – Сейчас я окончательно высохну, мы вместе пройдёмся в нашу временную штаб-квартиру и там коллективно попросим Бабу-Ягу рассмотреть вашу ситуацию.

– Шоб сказать честно, так я боюсь вашу милую бабушку, – с чувством ответил Шмулинсон, но подчинился. – Но таки ви опять правы, надо идти, до ночи моя Сара просила быть с деревенскими яйцами к ужину... Надеюсь, что здесь они крупнее и взяты из-под кошерной курицы?

Я посоветовал на эту тему найти Митяя и порасспросить как следует, в плане ревизии качества пищевых продуктов ему равных нет. И посоветовал, видимо, зря, потому как Абрама Моисеевича словно ворона на лету склонула, удрал искать Митьку с яйцами. В смысле, искать Митьку насчёт яиц... То есть... тьфу! Фигня какая-то получается, пойду я домой.

* * *

Шагалось легко, сердце пело, местные жители частушками не донимали, поэтому дошёл без приключений. У нашей избы сидела на приступочке бабка и что-то там себе раскладывала засаленными картами на узеньких коленках...

– Новый пасьянс или сами с собой в дурачка режетесь?

– Да так, ни то, ни сё, – задумчиво пожевала губами Яга, – вот гадаю помаленьку.

– В работе эксперт-криминалиста гадания не проходят, – улыбнулся я, присаживаясь рядом. – Только сухие факты.

– А вот ты, милок, недавно штаны промочил, энто сухой факт! – съехидничала моя домохозяйка.

– Это факт подмоченный, – ёщё шире улыбнулся я. – Но вы ведь не из карт про это узнали?

– Да нет, у меня на такие вещи глаз намётанный. Опять небось в речке от коровы прятался? По глазам вижу, что так оно и было... А за карты я со скуки взялась, да всё одно они какую-то ерунду показывают.

– Поделитесь...

– Делюсь: ждёт тебя и меня серьёзная встреча негаданная с другом старым. И принесёт тот друг известия неприятные, да сам-то от проблем отмоется, а на наши плеченьки всё переложит...

– В моём случае всё уже сбылось, – честно подтвердил я, рассказывая Яге чудесную историю со спасением моей милицейской чести от коровых рогов и тайном визите господина Шмулинсона, в одиночку бьющегося в паутине масонского заговора.

– А ить сталкивались мы с ними на узкой тропочке, – задумчиво поскребла бородавчатый подбородок ходячая легенда нашей криминалистики. – Избёнка моя им, виши, для чегой-то спонадобилась. То ли схрон хотели устроить, то ль хату явочную, то ль ёщё хлеще – тюрьму тайную... Раза три, почитай, ихние агенты заходили.

– Ну и?

– Невкусные...

– Я всерьёз спрашиваю.

– А ежели всерьёз, то переехала я, – сдалась Яга. – Пнула избушку пяткою и умотыльнула в соседний лес. Не то чтоб со страху, а тока не люблю я на кладбище жить...

– На каком кладбище? – недоверчиво сощурился я.

– Дак говорю же, три раза ихние агенты заходили, – делано поразилась моей непонятливости бабка.

В последнее время она вообще разоткровеничивается не по дням, а по часам. Ещё какой-нибудь год назад ни намёка на своё преступное прошлое в моём присутствии себе не позволяла. Если помните, её в первый раз Кощей «сдал», уж потом бабушка сама начала кое-что, по чуть-чуть рассказывать...

– Пущай твой Шмулинсон покуда кота за хвост тянет да бумаги ихние, где они народ смущают, к нам в отделение шлёт, Фоме Еремееву под замок. А вот как мы с отпуска возвернёмся, так отдохнувшие да загорелые всю ту

банду одной шапкой и накроем.

– Боюсь, всё не так просто... – с сомнением протянул я, ибо опытом по ликвидации масонских заговоров не обладал даже на уровне «где-то читал, когда-нибудь вспомню»... С другой стороны, всё равно реальной информации маловато, подождём, мы – не они, нам не к спеху.

Я было вытянул ноги и расслабился, когда со стороны села раздались далёкие вопли, бабий вой и в нашу сторону, шумно дыша, вылетела из-за околицы румяная как свёкла Маня. Не знаю, кому как, а мне почему-то сразу захотелось нырнуть по-за дверь и запереться на все засовы. Вот ведь знакомы вроде без году неделя, а уже знаешь – где кузнецова дочь, там жди неприятностей. Причём очень-очень недолго жди, она их словно хворостиной подгоняет...

– Никитушка, а вот на что спорим, что энтой востроглазой наш Митенька по душе пришёлся?

– С чего это такие умозаключения?

– Дак ить опять же начнёт: «Бегите, сыскной воевода, там вашего парня всем селом бьют!» Заботится, значит...

– Батюшка-а... – едва дыша, встала перед нами отчаянная бегунья. – Там вашего... и еврея тоже... не помиловали!

– За что? – невинно полюбопытствовал я, поднимаясь.

– За яйца!

Яга сдержанно захихикала, прикрывая платочком левый клык. Я посмотрел на неё строго, в конце концов, не надо каждый раз иронизировать над своим же младшим сотрудником. У него душа открытая, доверчивость повышенная, наверняка хотел как лучше, а Шмулинсон его подставил. У Абрама Моисеевича это лихо получается, причём ведь не в первый раз, а Митька всё верит...

Яга помахала мне вслед платочком, но сама ноги трудить отказалась, ей и тут не пыльно, а услуги эксперта-криминалиста нам там явно без особой надобности. Тоже логично...

Уже по дороге дочь местного культуриста воодушевлённо описывала произошедшее якобы на её глазах. То есть сама не видела, но знает точно!..

– ...а они Марфе Петровне и говорят: «Давай сюда яйца!» А у неё и курей-то нет, откуль яйцам взяться! А они по соседям пошли, у всех яйца требуют, судом царским грозят! А Марфа Петровна от горя воет, ну, мужики и поднялись... пристыдили... дьяк подсказал опять же! А они все...

– Какой дьяк?

– Не знаю, – на скаку споткнулась она. – Обычный дьяк, не местный, в

чёрном...

– Тощий, высокий, с седой косой, пронзительным голосом и борз до чрезвычайности?

– Похож, – радостно закивала Маня.

– Ещё бы, – сумрачно нахмурил я брови.

Иногда мне кажется, что дьяк у нас один на всё царство. Прямо какой-то государственный символ, и не спрячешься от него нигде, как от бюста Ленина. Ладно, не вопрос, встретимся, побеседуем на воспитательные темы, не в первый раз, правда же? Господи, кого я собираюсь уговаривать, кому объяснять... Зато не надо гадать, чего здесь делает дьяк – если он узнал, что мы в отпуске, так куда угодно пойдёт, лишь бы его нам испоганить!

В деревне было тихо. То есть тишина тоже бывает разная – предпраздничная, гнетущая, подозрительная, значимая, торжественная, абсолютная, фронтовая... Эта была – могильная! Не вру, объясняю: у знакомых ворот дома старости внушительная толпень местных жителей, все на коленях и крестятся молча. Маняшка только обомлела, беззвучно опускаясь рядом со всеми. Я осторожно обошёл нестройные ряды молящихся, поднял руку постучать в ворота, но...

Только теперь я понял, почему все молчали, – они прислушивались! А из-за тесовых досок забора глухо доносилась прощальная Митькина речь:

– ...яйцами принародно обкидали младшего сотрудника милиции. И ведь постороннего человека не постыдились, представителя, так сказать, национального меньшинства...

– Но попрошу отметить, таки библейского народа! – раздался вдогонку гордый голос Шмулинсона. Митя выдержал паузу и проникновенно продолжил:

– Маменька родная от сына отказалася, соседи упрёками засмущали, друзья детства отвернулись, девки морды скорчили, и даже дети малые и те обидственное слово нашли, «оккупантом» обесчестили...

Я практически открыл рот, чтобы прекратить этот фарс, но на последнем предложении захлопнул. «Оккупант»! Это откуда же деревенская ребятня такое умное слово знает? Или подсказал кто...

– Посему от позора несмыываемого, от горя безысходного, от тоски змеевидной лишает себя жизни ваш Митька беспутный! Казню сам себя смертью лютою, через повешенье... Абрам Моисеевич?

– А шо я? Я с вами, Дмитрий! И нехай им всем уже через час будет жутко стыдно...

...Через венец ворот перелетела верёвка, оба конца скрывались внутри

двора. Бабы, не разжимая зубов, тихохонько завыли. Я толкнул калитку плечом – заперто. Ворота, разумеется, тоже, забор высокий, и если я хоть капельку знаю Митькин гонор, он ведь там всерьёз удавится. И старый еврей с ним, за компанию...

– Прощайте, люди добрые!

– Ай, какие они добрые! Из-за десятка паршивых яиц некошерных кур довести нас до такой драмы... Молодой человек, тяните меня туже, нет никакой мочи здесь жить...

– Младший сотрудник Лобов! – не выдержав, рявкнул я. – А ну прекратить дешёвый балаган!

– Батюшка Никита Иванович? – недоверчиво раздалось из-за ворот. – И бабуля с вами? Нет... Ну тады простите меня, дурака, приказу не подчинившегося. Ибо честь моя замарана, а один замаранный мундир – всей опергруппе позор и пятно на видном месте! Абрам Моисеевич, не дёргайтесь...

– Митька! Уволю! Вот как бог свят, уволю!

– Таки сделайте это побыстрей или ви уже понесете грустную весть моей Саре! Пусть дети знают, что их папа пал в неравной борьбе с людской чёрствостью в бою за яйца...

– Да бери сколь хошь ты энтих яиц, всю душу вымотал! – сорвался кто-то из мужиков, и вся деревня поддержала его согласным воем:

– Хоть телегу грузите, тока не вешайтесь! Никаких денег не надо, так гребите...

– Димитрий! Ви слышали? Таки это имеет некий смысл...

– Мне честь дороже.

Это были последние Митькины слова. Раздался истошный визг Шмулинсона, и верёвка на воротах резко натянулась. Подскочившее тело портного-гробовщика ударилось макушкой о венец, раздался треск и...

* * *

– Ломайте, мужики, – сипло попросил я, отходя от ворот.

Маняшин папа поднялся первым. Один удар плечом, лёгкий, без видимого напряжения, и калитку вместе с засовом снесло внутрь старостиного двора. Сам кузнец явно испугался, смущенно пропуская меня вперёд. Я автоматически козырнул... Внутри оказалась картина, достойная пера Шекспира (традиционно «обворовывающего» деревенских).

Под воротами, вниз головой, кривыми ногами вверх, стоит Абрам

Моисеевич; рядом, на обломках табуретки лежит наш Митька с самым тупым выражением лица; и на шее у каждого обрывок верёвки... Ну да, Митькин вес не каждый корабельный канат выдержит, неудивительно, что Шмулинсона так подкинуло.

Я попытался аккуратно перевернуть «жертву масонского заговора», едва не навернулся вместе с ним, но пеньковый галстук развязать успел. После чего с наслаждением нахлестал Шмулинсона по щекам. Он порозовел и поднял на меня полные глубочайшей скорби евангельские глаза... Стыда в них не было!

– Не мой сегодня день, – печально прогудел сзади бас моего напарника. – С утра не заладилось, может, к Бабуленьке-Ягуленьке сходить – вдруг сглаз какой? Мало ли у нас, честных милиционеров, завистников вокруг бродит...

– Ага, буквально табунами шастают! – резко оборвал его я. – А ну, взять наперевес соучастника по суициду и шагом марш в избу! Товарищеский суд отложим до возвращения в Лукошкино.

Митька спорить не стал, снял с бычьей шеи верёвочку, вздохнул, сунул Шмулинсона под мышку и направился восвояси заданным курсом. Я ещё немного потолкался в толпе, надеясь выяснить что-нибудь насчёт участия дьяка, и кое-кто действительно подтвердил – был тут один, не местный, смущал народ страшными историями о нашем произволе.

Всё, Груздева надо брать, доигрался... Хотя, если вдуматься, подобное поведение для него несколько странновато. В том смысле, что заварить бучу, подбивая невинных людей к пустопорожнему бунту, – это ему раз плюнуть. Но заблаговременно покинуть место преступления, не дождавшись результата, не в его правилах...

Вспомнился стоящий за леском терем боярина Мышкина. Неужели опять шамаханы в личинах? Было у нас разок такое, потом еле расхлебали... Шамахан, по мере необходимости, может перевоплотиться в кого угодно, хоть в дьяка Фильку, хоть в царя Гороха, хоть даже в меня самого! И отличить его можно лишь по маленькому поросячemu хвостику, не поддающему никакой магии. Может, пора стрельцов из города звать, или я опять себя накручиваю?

И, кстати, пообедать пора, а то как перекусил с утра, так до сих пор хоть бы яблочко зелёное кто предложил. Надо бросать всё и идти к Яге, она меня голодного на дух не переносит. В хорошем смысле... Вот так я и поступил, и оказался только в выигрыше.

...Уже практически на закате донельзя довольного Абрама Моисеевича отправили в Лукошкино на телеге, под завязку гружённой корзинками с

яйцами. Гешефт полный, театр двух актёров взял реванш, деревня надолго запомнит их яркую постановку.

Митька сумрачно слоняется по двору, гоняя мелких пауков и подманивая на свист крупных. Почему они шли, фиг их знает! Может, он свистит по-особому, может, пауки всё равно в нашу избу лезут, а так хоть парень при деле. Мозги ему бабка вправила, Марфа Петровна ещё не заходила, но ведь придёт точно – до конца сына стыдить...

Чувствую, у них тут это любимое занятие – стыдить и просить прощения. Староста вот уже приходил, извинялся, что ворота низкие и верёвка некрепкая, когда снова надумаем вешаться, чтоб к нему шли, уж он-то понадёжнее положит...

– Никитушка, – Яга ненавязчиво оторвала меня от грустных размышлений, – ты бы поел чего, а? Ить ноченькой в засаду пойдёте, на голодное брюхо всех злодеев упустите...

– У меня морда лица треснет, и вам придётся накладывать мне швы шерстяными нитками, – самокритично пошутил я. – А если серьёзно, так там всех злодеев один дьяк Филимон. И то не факт, что этой ночью он непременно будет шастать у боярского терема. Может, всё-таки надо было сначала самого Мышкина спросить?

– Так он тебе и сказался… Ить обсуждали уже, голубь ты наш, надо завсегда первым Фильку ловить – ежели его за жабры взять, так он сам всех сдаст! А уже с информацией можно и боярина за седьмое ребро щупать…

Идея ночного бдения была бабкина. Мне лезть в засаду не улыбалось никаких. Ну не чувствовал я в этом перепелёсом деле серьёзного уголовного подтекста. Так, невнятная суeta, сплошные неувязки, недомолвки, непонятки и нестыковки, а кончится, как в плохом детективе, – пшиком… Однако же, забегая вперёд, скажу, пшиком не кончилось, кончилось другим звуком.

В «секрет» залегли с Митькой, он приволок полстога сена, и мы устроились под шумящими на ветру берёзами с максимальным комфортом. Ночь была звёздная, тихая и располагающая к жутким историям. Таких страшилок на уровне детского сада мой напарник знал на три тома с продолжением, поэтому без приглашения запустил очередную деревенскую мистификацию:

– А за околицей мужик один жил, Донькой его звали, Долдон – полное имя будет. Бабник бы-ыл… страшеннейший! Тока где бывало юбку увидит, сразу туда шасть – и прям тут же соблазнит! Всех подряд соблазнял, что девок, что молодух, что жен, дитями обложенных, а иногда по скучности и

бабок каких, что посимпатичнее... Наобещает им с три короба сластей, бусинок да полотну разного, они сами собой на него и прыгают! Дуры бабы, известное дело... Ну, мужики-то тоже на энто баловство сквозь пальцы не смотрели – били его, бывало, по-чёрному. Однако ж сам инструмент греховоднический навек отбить стеснялись, из мужской солидарности. А тут прослышил Доныка, что у бабы одной муж помер, да лично к ней лыжи и навострил...

– Её случайно не Анной звали? – встрепенувшись, уточнил я. Вообще-то Митькины байки кого угодно убаюкают, но ведь я привык, что обычно он Шекспиром пользуется, а тут вроде Пушкин...

– Точно, Анька-рыжая! – не удивившись, подтвердил он. – Ох и дедукция у вас в развитии, Никита Иванович, завидую по-доброму... Так продолжать али вы сами доскажете?

– Ври дальше.

– Обижаете, батюшка, – совершенно не обиделся он, с хрустом потянулся, перевернувшись на спину и, удовлетворённо крякнув, продолжил: – Вот они, Доныка с Анной, чёй-то заспорили про любовь, но ненадолго... Известно же, сердце бабье на ласку падко, на отзыв сладко, на взятки гладко. Тока-тока обниматься-миловаться и начали, как вдруг – нате вам...

– Каменный гость?

– Не-а, хуже...

– Муж вернулся!

– Не-а, да что вы всё о глупостях каких, – раздражённо подскочил Митяй. – Я ж говорю, вона – дьяк побежал!

Филимон Груздев (а это был он, вне всяких сомнений) дюзнул мимо нас со скоростью Мюнхаузена на ядре! Причём ядро было о-очень горячим... Мой напарник кинулось было в погоню, но я успел удержать его за штанину. Нет, вру, тормознуть Митьку на стартовом рывке и пятерым стрельцам не под силу. Я удержал его штаны. Парень запутался, матюкнулся и грохнулся, скоростной дьяк скрылся в перелеске.

– Возьмём на обратном пути, – запоздало объяснил я. – Не думаю, что он туда очень уж надолго...

Митяй мрачно подтянул штаны и надулся, но время подтвердило мою правоту. Нравоучительная сельская история про Доныку и Аньку так и осталась незаконченной, а думный дьяк уже спешил обратно. Либо разговор был чересчур коротким, либо он что-то получил и несёт передать кому-то с рук на руки. Заговорщик тот ещё, хотя уровень интриг не перескакивает через барьерчик мелких пакостей. Мы взяли его в клещи, как

два медведя беззаботного зайца, Груздев даже ушами всплеснуть не успел...

– Пройдёмте, гражданин!

– Аспиды милицейс... – только-только и опознал бедолага, как мой напарник профессионально заломил ему руки и прикрыл ладонью рот.

– В отделение его, Митя. Там предъявим обвинение в бродяжничестве и... и...

– Дискредитации морального облика служителя религиозного культа? – предложил Митяй.

– Годится, потащили!

...На полпути скандальному дьяку удалось выплюнуть собственную скуфейку (использованную нами в качестве кляпа), и окрестности Подберёзовки огласил нечеловеческий вопль душевной драмы, полный такой страсти, пронзительности и тоски, что в ответ залаяли собаки, замычала скотина, всполошились куры, а весь деревенский люд повскакал с лавок и полатей, дабы лишний раз перекреститься и... спокойненько спать дальше. Менталитет, мать его, чего зря будоражиться, всё одно завтра утром узнаем! А там и частушку по теме споём...

Видимо, это понял и задержанный (тайно рассчитывавший как минимум на международный резонанс в поддержку его оскорблённой особы!), а потому скромно заткнулся. То есть я надеюсь, что он это добровольно, потому что звука звонкого подзатыльника за моей спиной я точно не услышал... Демонстративно. Хоть это и милицейский произвол. Но вы бы знали дьяка, как знаем его мы...

* * *

Яга встретила нас горячим самоваром, но допрос рекомендовала отложить до утра. Тем паче что и сам гражданин Груздев нелицеприятно заявил:

– Вообще ничего не буду говорить! А вот как сгину весь у вас, волков позорных, смертью безвременной, так ужо узнает государь, кто его волю царскую изменять дерзнул, а над слугой его верным надругался...

Черт его знает, обычно дьяк врёт естественней, чем делает всё остальное естественное... Но, с другой стороны, от Гороха тоже всяких сюрпризов ожидать можно, утром выясним. Наш парень уже дрых в сенях, временно задержанный (и надёжно связанный) аппендицит в рясе мстительно храл рядом. А бабка, усадив меня за стол, заказала у

домового варенье из зелёного ореха и начала наконец делиться соображениями:

– Уж больно путаный узелок завязывается, да ни один кончик наружу не торчит, и потянуть-то не за что... А ить чую, в деле сем весьма злой умысел имеется! Вот тока сути его я покуда не уразумела... Митеньку в колодец сунуть, тебя коровой напугать, меня, старую, до похмелья довести – это ж разве цель?

– Истинная цель – это испортить нам отпуск, – неуверенно предположил я.

Яга улыбнулась левым уголком рта, типа очень смешная шутка...

– Может, и так, Никитушка, а тока ты думал, кто нам эдаким благорасположением удружила? Дьяк Филька, боярин Мышкин или сам Кощеюшка? Мелковато болотце будет, чтоб там таких чертей крупной сетью ловить...

– Намекаете на то, что у нас по-прежнему нет состава преступления?

– Да составов-то хоть отбавляй! Признаки, приметы, улики, подозрения – всё есть, ан преступления нет как не было! Мы ж обычно любое совершившееся правонарушение рассматриваем, а профилактику стрельцы еремеевские проводят. Вот убьют тут кого-нибудь, так всерьёз и возьмёмся.

– Особенно если убьют Митьку или меня?!

– Тоже логично... – прикинув, пошла на попятный бабка. – Но всё одно труп нужен!

– Каво надо, я зарэжу, э? – с щедрым кавказским размахом уточнили из-под печки.

Я аж дёрнулся, а наша домохозяйка цыкнула зубом на домового. Тот извинился, сказал, что хотел как лучше, и, понизив голос, предложил свои услуги ещё раз, «савсэм бэсплатна, для такой жэнщины!»... Пока они сдержанно выясняли отношения, я тихо уснул там же, за столом. Сны были короткие, сумбурные и не запомнились.

Утро встретил с петухами... Ещё два дня, и я начну на них охоту. Или арестую всех по подозрению в заговоре, подлые птицы наверняка организовали нечто вроде закрытого профсоюза и получили указание от нашего гада из Лукошина – портить мне кровь... Но это им даром не пройдёт! Я страшно отомщу... чем-нибудь... лучше тяжёлым... скоро... может быть, даже сразу после завтрака. Они меня просто ещё не знают...

А после завтрака был учебный допрос дьяка. «Учебный» – это в том плане, что его проводил Митька, а мы с Ягой только подсматривали и конспектировали.

– Ещё одну плюшку, гражданин?

– Не-эт! Буду я говорить, галилеянин распогоненный, буду, тока не мучь более...

– А ну не раскрывать рот без разрешения! Бабуля старалась, сам Никита Иванович содействие в месилове теста оказывал, а вы вона как мало нас уважаете... Ну-кась, ещё одну!

– Смилуйся, царица небесная... (ням! чавк!) Уп... ить моченьки уже нет, а энтот ирод слугу твого верного погубить решил оскормлением... (ням!) Лопну же...

– А вот я вам чайком малиновым заполишу, – продолжал добрейшей души Митяй, впихивая в Фили蒙на Митрофановича семнадцатую (или сорок вторую?) румяную плюшку. Назим за занавесочкой только успевал подносы менять.

Прошу понять нас правильно, общеизвестно, что дьяк идёт на контакт с милицией только под пыткой либо из личных корыстных интересов. А так мы на любом служебном расследовании легко отопрёмся – типа всего лишь потчевали дорогого гостя свежим печевом...

– Итак, гражданин, с какого рожна вас так к боярам Мышкиным попёрло?

– Да ить мимо же шёл!.. И чёй-то, думаю, теремок такой за забором загадочный, а вы мне руки крутить...

– Ещё плюшечку?

– Ах, к Мышкиным! – мгновенно вспомнил задержанный. – Дык с Мышкиным-то я, знамо дело, уж почитай месяц втайной переписке состою. Государево дело! Ко дворцу царскому они вернуться намерены, на том и меня уговаривают – грамоты покаянные надёже-государю носить... Я и ношу, чё преступного-то?

– Митя, насчёт колодца уточни, – напомнил я, видя, что все наши подозрения к гражданину Груздеву тают, как масло в блинный день. Спрашивать про то, кто довёл моего напарника до попытки суицида, бессмысленно...

– Не был я там, – уяснив суть вопроса, твёрдо вскинул бородёнку дьяк. – Хошь, так побожусь, а хошь, запрос в Лукошкино дай, твой пёс Еремеев небось подтвердит. Ибо собственоручно мне в сей день и час загривок метелил нещадно, без вины виноватому! За что – не ведаю, а...

– ...а без вины у нас Еремеев и комара не застрелит, – строго оборвала бабка и повернулась ко мне: – Не врёт он, Никитушка. Давай отпускать с извинениями. Охти ж, сама не верю, что таковые слова крамольные произнесу... Отпустить... с извинениями... и кого? Фильку-прощелыгу!

Если наша эксперт-криминалистка логично рассчитывала, что после таких слов дьяк ударится в ответные оскорбления и даст нам повод для задержания, – её план рухнул с треском... Филимон Митрофанович лишь состроил мученически-страдальческое лицо и скромненько промолчал. Яга насупилась, а толку? Я кивнул Митяю: развязывай! Освобождённый дьяк шагнул поближе ко мне и с наслаждением оттопырил волосатое ухо...

– Извините, гражданин. Вы свободны, – картонным голосом пробурчал я.

Отпетый скандалист гордо выпятил хрящевидную грудную клетку и, придерживая набитое пузо, мелкими шажками посеменил на выход. Я тупо отмечал следы его грязных лаптей на чистых полах нашей горницы. Озарение пришло, когда за дьяком захлопнулась дверь.

– Лапти! Почему лапти, Митя?! Мы же видели чётко выраженные следы сапог!

– Воистину так, – поражённо выдохнул восхищённый моей дедукцией наш умник и метнулся в погоню.

Со двора раздался придушенный заячий визг гражданина Груздева.

– А ну как он просто переобулся, Никитушка?

– Извинимся ещё раз, чего проще...

– Ну тады, Назимушка, давай ещё плюшек!

Домовой только крякнул из-под печки, но за дело взялся споро. Наш человек, труженик, и чувство юмора имеет, жалко будет с ним расставаться... Но зачем о грустном, на десятой плюшке гражданин Груздев от всей души принял наши извинения за вторичное задержание, а на восемнадцатой признался, что последний раз надевал сапоги аж в марте! По лету лапти куда сподручнее, и легче, и нога не преет, и в плане починки не в пример экономичнее будут.

– А вы, что ль, кого другого за меня, грешного, приняли? Дык было такое дело, могли бы прямо спросить... Нешто я родной милиции когда врал?

Мне сразу захотелось припомнить, что правду дьяк говорил всего один раз, когда впоследствии тайного эксперимента Яги хлебнул у нас Кощеева порошка. Последствия этой «сыворотки истины» мы потом полдня расхлёбывали, но сейчас главным было не это...

Получается, что действительно к дому Мышкиных подходил кто-то другой, в длиннополом одеянии, сухопарый и шустрый, тот, кого на расстоянии, при беглом взгляде, я вполне мог принять за дьяка Груздева.

Именно этого «кого-то» и видели на деревне, но мельком, не наверняка, даже дочь кузнеца Маняша не может припомнить толком... А

кому здесь надо так старательно скрываться? «Неужели всё-таки шамаханы?» – Я вопросительно глянул на Ягу, та неопределённо повела плечиком...

– Давайте подробности!

Филимон Митрофанович приосанился, выгнул кустистую бровушку и только-только приготовился озвучить астрономическую сумму своих услуг, как на наш двор шумно вошла целая делегация. Сам староста с женою, двадцати старца из возрастной группы «ещё до царя Гороха...», вездесущая Маняша с шестью подругами, чьи-то ребятишки, а верховодила сельским табором Митькина мама. Приехали...

* * *

– А ну, цыц всем! – гулко разнеслось со двора. – Неча батюшку сыскного воеводу разными глупостями от отдыха законного отвлекать. Щас сынуленьку моего вызовем, так кровиночка наша, дедуктивному методу ускоренно обученная, всю пропажу-то и возвернёт!

– Митя, иди, это к тебе, – тихо указал я. Он упёрся спиной в печку и протестующе замычал:

– Н-ни за что... н-не пойду я к ней!

– Иди, Митенька, иди, касатик, а не то Марфа Петровна нам невзначай дверь вышибет али стену поломает, – сочувственно поддержала Яга. – А уж как выяснишь суть проблемы, сюда с докладом ворочайся. Решения судьбоносные сам не принимай, у тя ещё не до такого размеру интеллект-то разросся...

– На верную гибель провожаете... – перекрестился он.

– На свидание с мамой гоним! – поправил я.

– Это что ж за женщина такая, хоть бы единым глазком окинуть? – неожиданно заинтересовался дьяк.

Этого нам только не хватало, я грозно рыкнул на Митяя, и он подчинился приказу, решительно, словно в крещенскую прорубь, шагнув из дома наружу. Суматоха и крики во дворе стихли.

– Продолжим, гражданин Груздев. Итак, когда и где вы видели постороннее лицо, по силуэту и костюму схожее с вашей фигурой? – чисто литературно завернул я.

Дьяк Филька дёрнулся от окна, отвлёкся, вспомнил – зачем он здесь, и торопливо пустился рассказывать. Уложился эдак, чтоб не соврать, в четверть минуты. Мне записывать дольше, а у него одной фразой всё

описалось – сюжет, герой, мысли по поводу и два дежурных оскорблений в наш адрес:

– Третьего дня, в полночь, видел мужика подозрительного, в балахоне католическом, вдоль усадьбы мышкинской, в лесу скрывающегося, а мне-то какое дело, я не милиция легавая, на каждый след с лаем не кидаюсь...

В иное время я бы охотно прижучил его за... за... ну, хотя бы за «отсутствие социальной бдительности», но сейчас были дела поважнее.

– А ить справился-то Митенька наш, – меланхолично протянула бабка, постукивая жёлтым ногтем по подоконнику. – Уходят сельчане со двора. Одна тока Марфа Петровна и осталась...

– Слыши, участковый, – вновь напомнил дьяк, – ежели я те навстречу пошёл да все показания как есть выложил, так и ты нос не задирай – представь меня красивой женщине.

– Как зануду и скандалиста?

– Как мужчину с характером, – надулся он.

Яга только ухмыльнулась в платочек, дескать, что тебе стоит, Никитушка, сходи, поизображай агента брачного бюро... тьфу! Но гражданин Груздев, видимо, и сам понял несоответствие запросов, а потому, как только наш младший сотрудник шагнул в горницу, тут же шмыгнул у него под мышкой во двор, знакомиться. Бабка с удвоенным интересом уставилась в окно. Митяй, проследив её взгляд, неожиданно посмурнел и тоже переключился на пристальное созерцание...

– Младший сотрудник Лобов!

– Ась?

– Ась, Мась, Вась... – передразнил я. – Обстановку докладывай!

– Какую обстанов... Бабуль, это он маменьке по-серёзному глазки строит или так, косоглазием занимается?

– А маменька твоя завсегда так неприступна бывает али просто защемить мужика в опасении?

– Нет, меня тут хоть кто-нибудь будет слушать?! – уже не на шутку разобидевшись, вылез я. А толку-то?

Дьяк вовсю ходил кругами, павлином распуская хвост перед Марфой Петровной, а та лишь томно обмахивалась платочком, делая вид, что вообще не замечает его жарких усилий. Шоу «за стеклом» продолжалось... Я понял, что надо искать другие методы:

– Вообще-то должен признать, что парочка складывается довольно трогательная. Мне нравится... А зачем сюда народ заходит?

– Да никакая они не пара. И нравиться тут нечему... А пришли сказать, что Прошка с Ерошкой пропали.

– Бабуль, вам не кажется, что у дьяка нет шансов? По-моему, он чрезмерно себя выпячивает... Так вы хотели труп, вот целых два!

– Шансы у него есть, чё зря наговаривать. И выпячивается он не весь, а лишь грудью щербатую... Да итъ и не трупы они, а только-только пропасть и успели... Ой, стыдобушка-то какая, – первой спохватилась наша эксперт-криминалистка. – На селе, оказывается, горе горькое, а мы, сыскная милиция, в окошко на глупости полюбовные всяко-разно таращимся!

– И не глупости энто, а... – Митька тоже отлип от стекла, почесав пятерней в затылке. – Ладноть, щас он к ней обниматься не полезет, заботиться сразу-то, а ужо потом я его поучу! На пятнадцать суток сподобите, Никита Иванович?

– Сподоблю, – важно пообещал я. – Ты о деле говори, и поподробнее, пожалуйста.

Тем, кто помнит, что такое «рассказ поподробнее» в исполнении нашего «Смоктуновского»-бугая, поймут меня правильно – пять страниц плотного текста ушло бы на одно вступление. Поэтому документирую протокольно, по существу и без излишеств.

Два местных жителя, братья-близнецы Ерофей и Прохор (Бурьянены, кажется?) отправились вчера в короткий переход по лесопосадочной полосе за солью. Все деревенские знали, что где-то в тайном месте они её копают, в мешке на своём горбу ташат и так дёшево продают, что не взять грех. Начался этот бизнес у них относительно недавно, в прошлом-позапрошлом месяце. Обычно туда-сюда, в секретное местечко и обратно, укладывались часа на четыре.

Поэтому, когда парни не явились на второй день, староста выразил беспокойство и поимел глупость обратиться за советом к Марфе Петровне. Типа уж она-то всё знает, у неё сын младший милиционер. Вот так, всем миром, со скуки к нам и двинули – дескать, отыщи пропажу, батюшка сыскной воевода, а то итъ на осень и огурцы солить нечем будет, как самогон закусывать? Всё просто, а вы говорите – отдых в деревне...

– Время обеденное, – подумав, сообщила Яга, кое-как отрываясь от подоконника. – Итъ и ничегошеньки уже толком и не поймёшь, погодим развития событий. Так ты бы, добрый молодец, маменьку свою до дому сопроводил. Да и Филимону Митрофановичу дорогу прямоезжую в Лукошкино указать надобно, навряд ли он теперича самостоятельно до дому добрести сумеет. Ещё, не ровён час, сороки по дороге склюют...

– Отравиться побрезгуют, – уверенно сдвинул брови Митька, но подчинился. Отогнать дьяка от крупной вдовицы было в его интересах – не

приведи господи такого отчима...

– Ох и мудрёные штуки нам жизнь выкидывает, участковый, не находишь?

– И не говорите. – Только сейчас я вдруг ощутил чугунную тяжесть собственных погон и попытался мысленно распределить всю предыдущую суматоху по полочкам.

Вышло нечто запредельное, словно мы из неторопливого течения русской сказки неожиданно перекинулись в бешеный ритм китайского боевика. Кстати, китайцев нам тут только и не хватало. В том смысле, что их много, все на одно лицо и шустрят не переставая... Прошу простить, отвлёкся, начал нести чушь, надеюсь, хоть не вслух? Тогда переходим к делу...

– Что думаете насчёт исчезновения двух шутников-балагуров, по совместительству торговцев контрафактной солью?

– Утро вечера мудренее, – уклончиво ответила бабка. – Без экспертизы гипотезы на рыхлом тесте строить не начну...

– Неужели всё так плохо? В принципе они могли где-нибудь загулять, остаться на ночёвку в лесу, уйти на поиски новых путей сбыта в город, мало ли...

– В том-то и беда, что мало. – Яга неторопливо встала, с хрустом выпрямила спину и, поморщившись, осторожно села обратно на лавку. – Охти ж, радикулит проклятый... Никитушка, уж ты сам к обеду на стол накрыть потрудись. А я тебе за то мысли свои тайные поведаю...

– Никаких проблем, уже накрываю!

– Нэ нада! Сам падам, он маладой, пусть сидит, всё равно так нэ умээт...

* * *

И мы сидели с нашей задумчивой бабушкой за «файф-о-клоком», а старательный Назим, словно есенинский чайханщик, заставил весь стол зелёным, с чабрецом, чаем, пахлавой, вареньем из лепестков роз, кизила, оранжевой айвы и кусочками колотого желтоватого сахара. Всё, кстати, жутко вкусно, хотя Митька Назима почему-то недолюбливает... Но не всё ж время на русской национальной кухне сидеть, душа разнообразия требует! Ещё по Москве помню, есть что-то неуловимо грациозное в азербайджанских официантах, плавно перемещающихся вдоль столов, наклоняющихся к клиентам и, широко улыбаясь, обещающих «Щас,

дарагой, всё тебэ будэт!» А рожи притом зачастую буквально наиуголовнейшие! Но улыбка, но зубы, но галантность... ах!

Болтали мы с Ягой долго, на разные темы – от погоды до царской политики, потом перешли на мою будущую жизнь с Олёнай. Как я и говорил, бабка и слушать не хотела о том, что мы можем жить своим домом, непрозрачно намекая, что внуков она дождётся, а детишек не ела никогда и в этом смысле все сказки врут наглейшим образом! И как-то, знаете ли, здорово засиделись, потому что к насущным делам мы подошли уже в предзакатное время...

– Вот и слушай меня, сокол ты наш участковый... Чую я, завело нас энто дело фактом последним во глубину серьёзную. При сопоставлении очень некрасивые моменты вырисовываются, ровно чья-то рука преступная невесть какую сложность пакостливую затяла. Мало не с трёх сторон обложили наше отделение... Давай вместе считать: в Лукошкино масоны пожаловали, Шмулинсона нашего к сотрудничеству склоняют бесчинно. В деревеньке скромной соль ядовитую копают, а весь её яд ить не сразу в организме проявление даст, небось года два протянут люди, прежде чем непривычно помирать начнут... Русалки две о том своё знание имеют да поделиться им сполна опасаются. А многого ли русалки боятся? Да окромя засухи и рыбачьих сетей – ничего! Дъяк с боярином опальным дружбу водит, в переписке тайной состоит, а лихой человек под его личиной тебя в колодезь подтолкнул. И не спорь ужо, я до энтого путём измышлений логических сама собою додумалась...

– Опять Кощей? – равнодушно предположил я. В принципе запросто, у гражданина Бессмертного и с отделением, и со мной уже практически личные счёты...

– О том не ведаю, может, и он, – развела руками бабка. – Соль отравить, двух добрых молодцов загубить – энто в его вкусе будет. А вот тока с масонами он за один стол не сядет, повышокомерничает. Ему с заграницей подвластными территориями делиться ну никак не в масть.

– И вы полагаете, что за всеми действиями стоит именно один человек? Тот кукловод, что дёргает за ниточки...

– А того не ведаю. – Яга вновь виновато развела руками. – Но чую, от того, что мы всей опергруппой в Подберёзовку на отдых нагрянули, – злодею неведомому одна головная боль! Он небось и на Шмулинсона-то наехал в надежде нас в городе делом занять...

– Значит, основная проблема здесь, в деревне?

– А вот в проблеме ты бы меня нипочём не убедил, ежели б близнецы энти не запропали. Чую, влезли они в беду по дурости, и выручать их тебе,

сыскной воевода.

– Может, Еремеева в помощь вызвать? Ой, нет, за ним ещё царь увяжется...

– Да уж, давай покуда сами справиться попробуем, а будет нужда – тот же дьяк за подмогой сбегает!

Вот где-то на этой мажорной ноте наше позднее заседание было окончено. Митька так и не вернулся, наверняка, махая оглоблей, сторожил маманю от нежных происков Филиона Митрофановича. Я лично уснул, как вырубился, едва коснувшись головой подушки. Ночью никуда не бегал и, собственно, никого, кроме снов, не видел. Вот сны были, хотя, как полагаю, не вещие. Что-то сумбурное снилось про улицу Тверскую, про мою прошлую жизнь, но не запоминающееся, так... ерунда всякая...

Утро началось с петушиного крика. Я накрыл голову лоскутным одеялом, тихо размышляя, у кого бы прикупить вирус птичьего гриппа. Реальных кандидатур не было, поэтому всё равно пришлось вставать. Яга была уже во всей красе на ногах, в новом платочек, с кудрями и чуть припудренным носом, что-то мудря у печки.

Свежевыбранный, как всегда, Назим крутился на подхвате с ухватом. В отличие от нашего лукошкинского домового меня он не стеснялся никак и никогда не прятался. В дружки, впрочем, тоже не набивался, поскольку слушался исключительно Ягу, а на меня смотрел чуть свысока, типа «маладой, глупий, такую жэнщину прасматрэл!»

На завтрак обещали хинкали с бараниной и мацони, я отправился во двор, умыться и сделать зарядку. Солнышко длинными лучами, словно ресницами, щекотало край горизонта, воздух был свеж и напоен птичьим пением, небеса голубели, облака изображали нарисованных лебедей, а прямо из деревни, вздымая клубы пыли, нёсся в нашу сторону одинокий всадник.

Присмотревшись, я едва не сел в лохань – у нашего забора красиво встал на дыбы здоровущий рыжий кобель, а на его спине с ковбойской лихостью восседал наш кот Васька! На моих глазах Василий небрежно спрыгнул на землю, по-хозяйски потрепал своего «скакуна» по холке и отпустил восвояси. Счастливый пёс, поджав хвост, пустился наутёк, пристыженно оглядываясь по сторонам – не видели ли его позора другие собаки!

– Ба-Вася? – зачем-то уточнил я.

Спутать откормленного бабкиного любимца с другими представителями кошачьей породы просто невозможно – он один такой... Матёрый чёрный кот козырнул мне на ходу и чуть косолапящей походкой

кавалериста направился в избу. Через мгновение оттуда донёсся счастливый бабкин всхлип и придушенный, но привычный «мявк». Обнимаются, понимают...

Кстати, завтракал я один. Яга с Васькой сразу же умотали из избы куда-то за окопицу, переговорить без свидетелей. Ну, естественно, не случись в городе нечто из ряда вон выходящее, кот ни за что в жизни не покинул бы свой пост, тёплую печь и подвал со сметаной. Ладно, пусть пообщаются наедине.

– Ищё хинкали будишь, э? – Повесив нос, у моего колена возник поскучневший Назим с чугунком в руках.

– Спасибо, не откажусь, – от удивления согласился я, хотя и был сыт. Обычно домовые общаются только с непосредственными хозяевами, я такой чести удостаивался впервые...

– Слушай, давно у неё... с этим... Васком?

– На моих глазах уже год...

– Ай! – Домовой скривился так, словно его сердце пронзила стрела.

Он что, ревнует?

– Это шутка, неудачная, – торопливо поправился я, – не надо так убиваться. У неё к нему самое чистое, скорее даже материнское, отношение, Яга воспитывала Ваську с младых когтей.

– Тощно? Не врёшь, да?

– Не имею такой привычки, да и должность, знаете ли, не позволяет, – внаглу соврал я, причём дважды, но домовой, кажется, поверил. – Назим, я хотел... нет, хинкали больше не надо. Нет, они очень вкусные, но... нет, понравились, очень понравились, не надо на меня так смотреть! Я спросить хотел...

– Спрашивай.

– Вы как к паукам относитесь?

– Нэ люблу.

– Вот и я о том же...

– Но уважаю! – Он, видимо, счёл разговор законченным и практически скрылся за печью, но я догнал его прямым вопросом в спину:

– Что они прячут в доме?

Домовой вздрогнул, быстро огляделся по сторонам и, не оборачиваясь, бросил:

– Дырка!

Сначала я его не понял, даже решил, что это какое-то азербайджанское слово, и затребовал русский перевод. Назим побагровел и серьёзно обиделся:

– Какой ещё перевод-шмеревод! Дырка они прячут. Обычный дырка! Бальшой. Паутиной закрывают... Всё!

Всё так всё, и на том спасибо, зачем же сразу кричать-то? Нервные они все, кавказцы, ревнивые и шумные, не умею я с ними. А вот бабку слушается! Хотя её попробуй не послушай...

Легка на помине, наша эксперт-криминалистка порхающей походкой влетела в горницу. Судя по её блестящим глазам и отсутствию привычной хромоты – Васька доставил действительно очень важную информацию...

* * *

– Ну, участковый, с тебя магарыч! Ибо по ночке вчерашней на двор наш милицейский диковинный гость пожаловал. Обликом вроде как чёрный ворон, а речь человеческую имеет. Не шумел, не скандалил, твою милость искал. Говорит, будто бы сообщение у него для тебя важное... Ничего не напоминает али мне самой за тебя логическую цепочку достроить?

– Кощей...

– Да уж, зря клювом не щёлкаешь! На лету мух ловишь, – искренне похвалила Яга. – От него, Кощеюшки, нарочный прибыл, и на сей раз не он нас в гости зовёт, а сам, своей персоною разрешения побеседовать просит. Видать, шибко мы ему запонадобились, а?

Да уж, чтобы Кощей Бессмертный, знаменитый злодей и популярный местный уголовник, просил меня об аудиенции! Похоже, и впрямь затевается что-то неординарное. Наши отношения с этим некоронованным королём преступного мира были прозрачны и чисты. Мы рушим его планы, ловим его самого, сажаем и ставим охрану. Он – плетёт интриги, ворует секретную документацию, губит людей и постоянно пытается убить нас всех самыми причудливыми способами.

Был грех, один раз мы пошли с ним на сотрудничество. В заговоре Чёрной Мессы этот старый маньяк-одиночка исполнил-таки свой гражданский долг и задержал на границах европейскую нечисть из арьергарда демона Вельзевула. С которым, между прочим, в то же самое время мы разбирались, нос к носу, в центре Немецкой слободы.

Но это акция разовая, я бы даже сказал, вынужденная... Буквально через месяц мы его посадили, но он бежал, а совсем недавно мне удалось отбить у него мою невесту Олёнушку. О чём, будьте уверены, Кощей забудет не скоро. Если забудет вообще...

– Так что конкретно ему от нас нужно?

– Про то не сказано, – отвлечённо протянула бабка, глядя куда-то в окно. – Вот ужо к обеду чёрный ворон сюда прилетит, так и выясним. Вроде Маняша к нам бежит, али кажется?

– Не кажется, – присмотревшись, признал я. – Готов даже угадать её первые слова.

– «Здравствуйте, бабушка!» – наивно предположила Яга.

– «Там вашего Митьку бьют!» – уверенно опроверг я.

Мы почти успели побиться об заклад, когда дочь кузнеца влетела в горницу. Забегая вперёд, скажу – проиграли оба...

– А там Митька ваш религиозное преступление вершит!!!

– Какое-какое-какое... – переспросили мы.

– Ой, и до чего же котик-то красивый! А откуль же он у вас такой? У нас в деревне таковых росту и статей близко не водится! Дай-ка почешу за ушком кысю-мурысю, – умилилась искренне эта румяная деревенщина, но, подняв на нас взгляд, быстро вернулась в колею: – Дык дьяка городского головой об притолоку в избе стукает. Дьяк – лицо духовное, стало быть, и преступление на религиозной почве будет...

– Откуль она слов-то таких нахваталась? – настороженно покосилась моя домохозяйка.

Я пожал плечами:

– От Митьки же! Он наверняка сейчас на всю деревню умными словами с крыши вещает, так ведь?

– Ага, – кивнула Маня и вновь развернулась к коту. – Ой, какой милый, а какой толстый, и какие у нас усы-усищи...

Васька, округлив глаза, смотрел на неё как на полуумную и, пятясь задом, отступал под моё прикрытие...

– Это не про него ли в деревне поют:

На собаке бабкин кот,
Ехал задом наперёд.
Чёй-то много стало как
Необъезженных собак!

– Вы со мной? – спросил я бабку, прикрывая сражённого в самое сердце кота своей спиной. – Всё это неправда! Василий ехал не задом наперёд, и вообще, кому какое...

Наша старослужащая жестом остановила меня, на секундочку

сощурила левый глаз, потеребила бородавку, взвесила все «за» и «против», а потом решительно кивнула:

– Ты уж, Никитушка, сам сходи. Мы с Васенькой здесь останемся. В любой миг может гонец пернатый пожаловать, сам знаешь от кого...

– Ох, да у вас тут тайны служебные, дела секретные, правда? – мигом втёрлась в разговор неутомимая дочь местного кузнеца. – А можно и мне послушать? Я вам помогать буду и никому, никому, никому ничего не скажу!

– И впрямь, Никитушка, – в ответ на мой полный безмолвного ужаса взгляд смилиостивилась бабка. – Оставил бы ты мне девицу энту. Мало ли тут чем милиции подсобить понадобится. Вона в углу веник секретный без дела стоит, да тряпка половая тайная от скуки мается, а ещё посуду вымыть надобно, чтоб врагов в заблуждение ввесть... Иди, сокол ясный, мы ужо сами управимся.

Вот и распрекрасненько. Я даже не уточнял, куда идти, «религиозное преступление» могло происходить только у дома Марфы Петровны. Спокойным, размеренным шагом добрался бы минут за десять – пятнадцать, но практически едва ли не за поворотом столкнулся нос к носу с «главой масонской ложи» нашего Лукошкина.

Абрам Моисеевич приветствовал меня, вежливо приподняв коленкоровую шляпу и ненавязчиво демонстрируя полукилограммовую звезду Давида, тайно висевшую у него под лапсердаком. В середине звезды красовались циркуль и мастерок...

– Вы бы ещё молот и серп повесили, – козыряя на ходу, попробовал отшутиться я, но портной-гробовщик, видимо, воспринимал свою миссию чересчур серьёзно.

– Есть первые шаги. Я буду докладывать трепетно и кратко, а вы уже сами напишите в блокноте всю мозаику их козней. Подчёркиваю, как законопослушный гражданин, я не настаиваю на непременной оплате моих сведений. Клянусь трудовым потом Иакова, мне и думать противно о какой-либо зарплате, когда речь идёт о таком и прямо тут... Но моя Сара вчера испекла мацу из самой горькой муки, а завтра она пойдёт продавать штопаную простыню, чтобы мальчики смогли на что-то покушать. Ви знаете, у моего младшего такие способности на скрипку, но...

– Абрам Моисеевич, у меня важное дело, – не выдержал я, пытаясь обойти его футбольным финтом слева.

– И шо, оно таки уже важнее моего?

– Да пропустите же... там... у меня там, может, Митька пропадает!

– Ой, это да, – неожиданно легко согласился он, подцепив меня под

локоть и пристраиваясь строевым шагом слева. – Таки я готов подтвердить, что оно «да»! Когда я шёл через эту гостеприимную деревню, то слышал очень неприятные звуки с одного двора. Похоже, там жутко пытали свинью. Она вырывалась и кричала шо-то очень жалобное, но с угрозами. Туда ещё стекался народ, на послушать их представление...

– Точно, там сейчас три клоуна одновременно выступают, – буркнул я себе под нос. – А у вас что нового?

– Ха! Таки оно вам всё равно интересно! Не отвечайте, у вас такое, мягко говоря, красноречивое лицо... Я вам скажу. По дороге. А что ви скажете моей Саре и мальчикам? Не надо, не повторяйте вслух! Таки мы вернёмся к этой теме чуть позже, когда ви поймёте, что я для вас – самая маленькая проблема...

В общем и целом, заболтать этот гражданин может кого угодно. Но должен признать, если откинуть весь словесный сор, то информацию он доставил вполне весомую. Наших он обо всём предупредил, царя поначалу никто не беспокоил, и правильно! А вот при ненавязчивой поддержке переодетых в гражданское платье стрельцов нашего отделения удалось устроить следующее...

Во-первых, Шмулинсон умудрился подключить ко всему проекту недоверчивого Еремеева, и они коллективно по ночи kleили листовки «прелестного» содержания. В смысле то, что должно было «прельстить» среднестатистического лукошкунца...

«Свободу прессе!» (кому, какой, зачем – непонятно, но работает).

«Свободу трудовому народу!» (работает всегда, везде и по-любому).

«Деньги богатых – бедным!» (с какого бодуна, почему и как – без разницы, людям нравится).

«Народ – задумайся!» (вообще-то несколько затёрто, но до сих пор как-то функционирует).

Листовки Абрам Моисеевич писал собственноручно, налепили всем отделением, наутро сами же делано возмущались, но срывать не позволяли, дали повисеть до вечера. Грамотные читали сами, остальным наши же парни и разъясняли. Вечером Шмулинсона доставили к царю. Вышел он оттуда уже профинансированным «за муки и радение к Отечеству», а утром сегодняшнего дня неизвестные подбросили ему в окно кошелёк с двумя рублями. После короткого спора портной-гробовщик признал, что все пять. Думаю, если бы было время, я бы его и на все десять раскрутил, масоны платили щедро.

А к нам в деревню он прибыл с докладом, уточнить дальнейшие планы, скорректировать совместные действия, заключить договора на

бесперебойные яичные поставки и выяснить насчёт «акта возмездия...». Здесь я сделал правильную расстановку приоритетов, заткнул фонтан Абраму Моисеевичу и переключился на Митьку. Пора, пора, итак, что у нас тут?

* * *

...А тут у нас, наверное, около двух третей местных жителей обступило дом вдовы Лобовой, из-за ворот раздавался истощный вой, а сама гражданка Марфа Петровна сидела почему-то на крыше в обнимку с закопчённой трубой. Местные тётки интерпретировали её сидение по-своему:

— Говорят, чё дьяк-то городской на неё с насилием побежал. Вот она, аки кошка от кобеля, вверх-то и взлетанула! Дура баба, рази ж в её годы кто от такого счастья прячется? Эх, мне б этого насильника в рясе, а то уже четвёртого мужа хороню... Зато от исполнения долгу супружеского ни один не отвертелся!

— А куды сын ейный смотрел?! Небось тока званием милицейским похваляться горазд, а как родную маменьку под венец спроворить, так и упустил дьяка! Ан нет... визг-то, поди, не Митькин будет. Молодец парень, видать, крепко отцу новому руку пожимает. Под такими-то пытками любой женится...

— Бабы, а может, он и не хотел? Может, и в мыслях не было? Может, он вообще до женщин не охочий? Может, ему посочувствовать надо? Может, на волю отпустить? А там уж наперегонки, кто поймаёт, та его и... того!

Милые женщины в деревне, простые и общительные, аж сердце не нарадуется. Хотя что с них взять — мужики в дефиците, пьянка — норма жизни, культурные начинания на нуле, все праздники — в обнимку с самогоном, а о тяжёлой бабской доле ещё Некрасов написал. Или, правильнее сказать, напишет... А с другого конца улицы уже залихватски неслись новые экспромты местного барда-частушечника:

Что ни поп, да то и батька!
Говорила сыну мать.
Сын загнал её на крышу,
И не хочет понимать...
Митьке-то, что поп, что дьяк —
Не даёт любить никак!

Ах вот она в чём причина. Сексуальные домогательства к ближайшей родственнице младшего сотрудника лукошкинского отделения милиции, даже при всём либерализме нашей царицы Лидии, потянут лет на пять каторги. Есть шанс прищучить дьяка! Ну хоть попугать чуточку...

– Добрый день, Марфа Петровна-а! – как можно громче проорал я, козырнув ей на крышу.

– Ой, да что ж это, прости меня господи? – Всплеснув в деланом изумлении руками, она едва не сверзилась вниз. – Сам сыскной воевода в гости пожаловал, а я-то, как дура, трубу печную в обнимку держу. Мой грех, моя беда, мне и ответ держать... Люди-и!

– Не надо, – попробовал протестовать я, почуяв, куда ветер дует, но меня не услышали. Марфа Петровна отважно встала в полный рост и, рукоплеща юбками на ветру, изобразила народу речь:

– Люди-и! Судите меня, вдову честную, бабу порядочную, соседку добрую, подругу верную... А уж ежели кому какое зло сотворила, руку там сломала али овин снесла, так за то и прощения молить буду, и на Страшном суде ответ держать! Ныне же скажу прилюдно...

– Где ваш сын? – успел выкрикнуть я, пока она держала паузу по Станиславскому.

– Сын... где сын... сынок мой единственный, – демонически захочотали с крыши, причём с таким глубоким трагизмом, что пара тёток невольно перекрестилась. – Нет у меня сына ноне, есть – милиционер! Чин служебный, богатырь законопорядочный, сердца не имеющий... Родную маменьку ужо небось в третий раз перед всем селом на людях позорящий. Выйди, неслух, покажись гражданину участковому! Вот хоть он-то, поди, тебя пристыдит по-начальственному...

Ворота открылись практически сразу, но не полностью. В узкую щель выглянула красная Митькина физиономия, мокрая от трудового пота.

– Здравия желаю, Никита Иванович! Чего надо несрочного? А то я уж больно занят сейчас...

– В дом пустишь? – прямо спросил я.

– Нет, – столь же честно ответил он. – Боюсь, вы вмешиваться начнёте, а у нас тут дело узкое, семейное, служебного расследования не требующее.

– Тогда почему у тебя за забором дьяк орёт? – не уступал я.

– Кто орёт, это кто тут орёт?! Щас вернусь, да как дам по сусалам, чтоб людей не дивил... Разорался тут... Я скоренько, Никита Иванович, дожму его только. До свиданьица вам...

– Митя, а маму твою кто на крышу загнал? – Сунув ботинок в щель ворот, я попытался усилить напор. Мой напарник тяжко вздохнул, кинул быстрый взгляд вверх и призадумался...

– Никита Иванович, вот, помнится, мы с собой в телеге пищаль стрелецкую привезли. Вы б за ней сбегали по дружбе, а? В единый миг маму дорогую с трубы снимем, не промахнёмся ежели...

– Открыть дверь, младший сотрудник Лобов! – не своим голосом взревел я, потому что эта семейство меня уже достала. Но над ухом тихо раздался укоризненный голос Абрама Моисеевича:

– И шо ви так разоряетесь? У вас одно горло, простудите гланды, не сможете петь, и вам станет грустно. Пустите меня, мы таки сумеем договориться. По крайней мере двое участников конфликта – всё ещё вменяемые люди.

Я махнул рукой и отступил.

– Димитрий, – проникновенно, но не повышая голоса, обратился к воротам Абрам Моисеевич. – Димитрий, откройте, это таки я. Ви можете не пустить в дом любимого начальника или друга детства; можете отказать в аудиенции надоедливой соседке и перенести встречу с проверенным партнером по делам; ви вправе не слушать никого и даже родимую маму (шоб она так и сидела там, где ей удобно, разгоняя ворон), но... Вслушайтесь, Димитрий, таки я говорю – но!

– Ну?

– Никакого «ну», я говорю вам, вслушайтесь!

– Абрам Моисеевич, – взмолился Митяй, судя по приглушенным звукам, левой ногой удерживающий кого-то, пытающегося уползти. – А нельзя ли побыстрее чуточку? Вот вам крест, занят я, ну прямо жуть как занят...

– О, ви всегда торопите события, но, Димитрий, время нельзя обмануть, – мудро определился старый еврей, каким-то совершенно невероятным образом просачиваясь в щель ворот. У меня бы туда и нога не пролезла... – Вам нужен совет, их есть у меня больше двух! Честь вашей маменьки (шоб её не продуло, не дай бог почки, это же не налечишься, уж поверьте мне) будет спасена. Мы с вами вместе вешались, мы уже стали родственниками, и ваши проблемы бьют мне по большому мозолю на исстрадавшемся сердце. Таки я весь почти тут!

Гражданина Шмулинсона рядом со мной уже не было. Я думал, такие фокусы только американские иллюзионисты откалывают. Хотя почему удивляться: Гудини тоже был еврей, значит, умение пролезть в любую щель у них национальное...

– Ша, считайте три минуты, – напоследок пообещал Абрам Моисеевич уже с той стороны. – Я ему всё уложу. Кстати, счёт на ваше имя оставить тут или занести в отделение? Можете не отвечать сразу, ви же ещё не досчитали трёх минут, да? Вот досчитаете и...

Ладно, потом посчитаемся. Я обернулся к народу, никто и не думал расходиться. Интересно, всё-таки какое же тайное слово Яга им в прошлый раз вылепила? Ведь даже навскидку не придумаешь... С одной стороны, наверное, нечто мистическое и пугающее, а с другой – явно простое до невозможности. Эх, всё равно расшибусь, но узнаю! И только тут я вдруг неожиданно вспомнил, что, пока стою здесь без дела – мог бы задать пару вопросов деревенской публике. Всё-таки отдых расхолаживает, на службе я обычно собраннее...

– Граждане крестьяне! У кого есть новые сведения о ваших исчезнувших односельчанах, братьях Бурьяновых?

– Прошке и Ерошке, что ль? – первым сообразил кривоногий дедок слева. Я кивнул. Все задумались. Слышался лишь надсадный скрип мозгов в обстоятельной фермерской неторопливости...

– А сколь им дадут-то? – вновь подал голос старичик.

Местные затаили дыхание...

– Пока у органов нет оснований предъявлять им какие-либо обвинения. Презумпция невиновности...

– Тады точно посодют, – удовлетворённо кивнул дед, и все радостно загомонили.

Я так понял, что шаловливые братцы чрезмерной любовью в Подберёзовке не пользовались...

– Воры оне, разбойники и тати безбожные! С малолетства яблоки по чужим садам тырить обученные. Помнится, когда им ещё-то годика по два было, изловил я шалопаев да хотел крапивою поучить... Так они меня... той же крапивой... везде где могли... и набили и накормили, и... голым в Африку пустили! Тока я вернулся к вечеру...

– Люди, а когда аспиды энти, рожи-схожи, у Спиридоновны козу увели да и надругались! Выпустили животину в стадо, с одного бока стрижену, с другого бриту, а рога якутской резьбой по кости разукрашены, с причудливостью... Ну не злодеи ли творческие, ась?!

– Прошка да Ерошка, что ль? Энто братья которые? Близнецы в смысле? Которые хулюганы да баловники известные? Как же, как же... Не помню! От не помню их, и всё, хошь стреляйте! Хотя тады, может, и вспомню...

Это, как вы понимаете, наиболее внятные версии, прочая галчиная

разноголосица и внимания не заслуживала. В общем и целом всё сводилось к одному – вы уж нам найдите их обоих, а тогда и сажайте, долго плакать не будем...

– Никита Иванович, позвольте-ка. – Ворота за моей спиной с лёгким скрипом распахнулись, и могучая Митькина длань, цапнув меня за ремень, утянула внутрь двора. Тоже правильно, здесь ловить абсолютно нечего...

* * *

– Ну как, договорились?

– Мы – да! – Довольный Митяй приобнял за покатые плечи ещё более довольного Абрама Моисеевича.

– И с чем вас можно поздравить?

– Со свадьбой!

– Э-э... что ж, совет вам да любовь, как говорится, – не сразу нашёлся я (от этой парочки всего можно ожидать!). – Главное – зарегистрируйте брак у отца Кондрата, и... ну, чтоб детишек побольше. Не знаю как, но вам виднее...

– Ой, вот только не надо так на нас при всех иронизировать, – внёс необходимую ясность гражданин Шмулинсон. – Я таки жутко ценю ваш милицейский юмор, но моя Сара его не поймёт, а мне ещё зачем-то хочется жить.

– Тогда... кого женим? – не споря, переключился я.

– Дык маменьку же мою и Филиона Митрофановича, – смущённо пробасил мой младший сотрудник. – Мы уж с Абрам Моисеевичем, дай ему Йегова здоровья всякого, всё обсудили и на полнейший консенсус вышли.

– А молодожёны?

Вот это, как вы догадываетесь, был совершенно лишний вопрос. Марфа Петровна по-прежнему сидела на крыше, а дьяк, связанный по рукам и ногам, лёжа в лопухах у ворот, отчаянно жевал проверенный кляп в лице собственной скуфейки. Хотя кто, собственно, в их историческое время всерьёз спрашивал желания молодых?

Все вопросы, связанные с бракосочетанием, загодя решались родителями или ближайшими родственниками, а то и просто начальственным самодурством. Как скажут, так и живут. Всякая там любовь считалась баловством и легкомысленным чувством, в таком важном деле, как брак, просто недопустимым... Что, несомненно, плохо! С другой

стороны, я здесь уже год живу, а о разводах пока даже не слышал. То есть они в нашем государстве не то что коллекционная редкость, а практически невероятнейший факт. Живут люди годами, детей плодят, семью сохраняют, и старятся вместе, и даже помирают в один день... Что тоже, по определению, не может не радовать!

О чём это я и к чему? А к тому, что, подхватив под мышку тоскливо сопящего дьяка, Митенька быстренько уволок его «делать предложение». Причём все переговоры вёл портной-гробовщик, ставленник масонов, а бледный гражданин Груздев мог только мычать на все лады. Я не вмешивался, я любовался, мне тоже интересно, и я здесь не на службе... Оказывается, в отпуске есть свои прелести! Итак, сцена первая. Только диалоги, лица проставьте сами.

– Таки он приставал до вас, ви ушибли ему сердце красотою, и он вас весь любит!

– Не может быть!

– Ой, да шо ви мне говорите... Слушайте его самого. Димитрий, нажмите!

– Мэ мумлю, мумки муморные!!!

– Вот вам ваш крест и моё «ввек Шаббата не видать»! Он хотел по-хорошему и просит вас всю, шоб жениться, как честный человек.

– Правда, что ль ва!

– Ой, ну ви прямо как ребёнок... Склоните ухо! Димитрий, дайте слово будущему папе.

– Мемлю месть муду, а мэ мемлюсь!!!

– Тока не надо думать долго. Ви отдаёте ему свою руку и всё прочее? Ну хоть взгляните, какие у него жалобные глаза...

– Согласиться, что ль ва?

– Ой, я буквально не понимаю ваших сомнений. Это ж самый популярный религиозный деятель Лукошкина! Димитрий, просите жениха добавить.

– Мэмимите, мюди! Мэмты с евмэями масимъно менют!!!

Ответа дьяк не дождался. Или я путаю и ответ был, но чрезмерно выразительный? Судите сами, дородная Марфа Петровна, видимо для того, чтобы лучше слышать, чуть сместила угол посадки и... всей массой грохнулась вниз! Я стоял в сторонке, Митька и Шмулинсон тоже успели отпрыгнуть. Весь вес принял на себя бесстрашный мученик в рясе думского приказа. Это было поистине ужасающее в своей поучительности зрелище...

– Ну надо же, и впрямь упала... копчиком на мужика...

– Маманя, вы живы? – по-прежнему держась в сторонке, зачем-то уточнил заботливый сынуля. То есть я бы отнёс этот момент к разряду очевидных...

– А что со мной сделается, живая я! – погромче прокричала Марфа Петровна, и деревенская публика ответила ей из-за ворот слегка разочарованным вздохом. – Тока вот знакомец ваш городской молчит чегой-то...

– Возможно, что он таки имеет нечто вам сказать, – вставил своё слово Шмулинсон. – Но оно будет лучше, если ви сначала с него встанете.

Маму мы поднимали все, в шесть рук. После чего Абрам Моисеевич лично сопроводил её в дом, а нам с Митькой пришлось выкапывать дьяка. Что вы хотите, не меньше ста сорока кило, да с высоты, хорошо, травка спружинила и земля мягкая, жить этот шелкопёр будет. Внешне переломов и сотрясений спинного мозга у пришибленного не наблюдалось, хотя хитрый гражданин Груздев намеренно продолжал притворяться недееспособным. Нам, естественно, пришлось нести его в дом, сдавать под опеку заинтересованной вдовы.

Абрам Моисеевич вспомнил, что ему жутко пора, мой младший сотрудник обещался быть через полчасика. Провожая нашего «главного жидомасона» до околицы, я наметил ему план ближайших действий:

– Учить вас вести подрывную работу не стану. Здесь вы и сами отлично справляетесь, но главное – в любом случае держите Еремеева в курсе. А вот по поводу того таинственного нанимателя не сумели вспомнить?

– Я бы сразу сказал! – задумчиво покривил губы деятельный еврей. – Но таки если оно вам поможет, то я готов его красочно описать.

– Пишите.

– В смысле аккуратными буквами на бумаге или ви хотите, чтоб я изобразил его в акварели?

– Нет, – не вдаваясь в споры (себе дороже!), вздохнул я. – Просто опишите мне его на словах.

– Шо, и всё? Ладно, ви – гражданин начальник, вам виднее... Перечисляю: рост – средний, худоба – умеренная, глаза – неприятные, лицо – неопределённое, усы, борода, волосы – фальшивые. И самое обидное, шо я с ним уже точно был знаком.

– Не густо... Но тогда хотя бы попробуйте при ближайшей встрече выяснить следующее: имена, фамилии, адреса, гражданство, пароли, явки, агентурную сеть, связь с международными террористическими организациями. Если он уверен в вашей «преданности делу» и даже уже

платит за неё, то скоро наверняка расслабится и где-нибудь даст прокол. Напоминаю ещё раз, царя стараться не тревожить! Горох ринется в бой, наломает кучу дров, набьет шишку на лоб, а отмазывать вас обоих перед государыней придётся именно мне. Не забывайте, ей всё ещё кажется, что Лукошко – это европейский город. Навесит какую-нибудь парламентскую комиссию с проверкой на нашу голову и...

– ...вылетим все, далеко и на холод! – раздумчиво согласился Шмулинсон, по-шпионски, не глядя в глаза, пожал мне руку и бодрым шагом покинул нашу тихую Подберёзовку.

Впрочем, тихую ли? Кажется, я оговорился... За те три-четыре дня, что мы здесь «отдыхаем», прилагательное «тихое» применительно к этому рассаднику проблем, тайн и недоразумений выглядит слишком уж откровенной издёвкой. Хотя, возможно, всему виной сам род нашей деятельности...

Вспомните, что было, когда в то или иное дотоле спокойное местечко приезжал какой-нибудь там Эркюль Пуаро, мисс Марпл или (не приведи господи!) Даша Васильева – там же сразу происходило убийство! Причём место значения не имело, хоть деревня, хоть крупный город, хоть дача друзей, хоть вообще поезд и даже пароход – людей однозначно гробили везде, где появлялся сыщик... Такой закон бытия – преступник видит знаменитого детектива и его словно бы накручивает тут же, из вредности, совершив ужасное преступление! А не будь там нашего брата, никто бы и не почесался кого-то убивать... Вывод: всякие Коломбо, Ниро Вульфы, отцы Брауны – социально опасны. Ну и мы, получается, тоже...

* * *

Надеюсь, хоть у Бабы-Яги всё хорошо и она неторопливо готовит место для нашей аудиенции с Кощеем. По идеи, надо бы вызвать стрельцов, предупредить надёжу-государя и загодя отправить докладную в дипломатический корпус при царице. А то может сложиться впечатление, будто бы мы ведём закулисные переговоры с «врагом народа номер один».

Но, с другой стороны, там теперь такая европейская канцелярия, такая волокита... И нам стопроцентно не разрешат с ним разговаривать без конвоя, свидетеля, писца, пары доверенных бояр и так далее. Плюс самого Гороха, ибо он такого случая не упустит, а, следовательно, и матушки-государыни Лидии, так как ей тоже «ошень интересно-о»...

Митька догнал меня почти у наших ворот. То есть обернулся

действительно быстро и собой был горд до чрезвычайности.

– Вот и радость-то наступила великая! Ну не чудо ли – маменьку любезную замуж пристроили, дьяка активного счастьем обеспечили, люд деревенский со зрелищем поучительным ознакомили... И всё земной поклон Абраму Моисеевичу – уговорил да устроил! За смешную буквально компенсацию... да и ту в рассрочку!

– Мить?

– Ага!

– Я тебя предупреждал насчёт Шмулинсона? Я тебе говорил быть осмотрительнее!

– Так... ить... но ведь выгорело же дело-то!

– Да ну? А теперь быстренько уточни мне, на какую конкретно сумму «за содействие» ты попал?

– Ой, так всего... десятина с зарплаты, ежемесячная... – не сразу въехав, пустился перечислять он. – Да с дьяковского жалованья... так же... ну а маманя, ясное дельце, свою долю отсыпет, яйцами свежими, деревенскими... И это... ещё...

– Добавляй.

– Семью Шмулинсонов на всё лето в гости, при полном обеспечении... – всё ещё не до конца веря, куда вляпался, продолжал загибать пальцы наш недоумок.

– А если свадьба не состоится?

– А тогда и платить не надо! Тока неустойку... в том же разрезе... и чтоб всей семьёй на лето... но ить зато уже без яиц! Чё не так-то, отец родной?

– Дьяк Филька тебе отец, – устало отмахнулся я, шагая на порог. – Заходи давай, у нас тут, кажется, внеочередное расследование на носу. Вечером напомни мне по поводу Абрама Моисеевича, я с ним сам отдельно побеседую.

– Тсс!!!

– Это ты мне?

– Тсс! Ну нешто не слышите, Никита Иванович? – припадая ухом к закрытой двери, умоляюще глянул на меня Митька. – Шум, сопение, стоны, как бы не убивали кого!

– А может, совсем наоборот. – Я вспомнил масляные взгляды домового и нашу бабушку, кокетничающую с ним напропалую.

– Вы о чём энто? – разом набычился маменькин сын. – Негоже такие мысли о своём же почётном сотруднике лелеять, а Назиму ихнему я самолично нос через ухо выверну! Вот ужо, ужо, ужо...

– Отставь засучивать рукава! Давай хоть постучим сначала, как культурные люди...

– Вежливость, она добра молодца завсегда с ног до головы красит, – чинно согласился он и двинул в дверь кулаком. Две доски треснули... Шум внутри на мгновение прекратился, потом раздался гневный мяук Василия и грозное «на шашлык зарэжу, да!», а ещё вроде бы тихий всхлип Яги.

Мы с Митяем, не сговариваясь, ударили плечом в дверь. Короче, мы её практически выломали из косяка... Хотя «мы» – это громко сказано, моя помощь была минимальной. Но не фиг было запираться! Тем более что там действительно происходило убийство... или что-то в этом роде... слегка напоминающее...

– Руки вверх, все арестованы! – как можно громче рявкнул я. Хотя на самом деле... Ох! Только бы не заржать в голос – бабка не простит...

– Никитушка, Митенька... Вы тока гляньте, что ж тут такое деется! – еле слышно пролепетала наша опытнейшая эксперт-криминалистка, обводя руками растерзанную избу. Ну а что особенного – Бородинское поле, говорят, похлеще выглядело...

Белёная печь облита тремя видами соусов, битая посуда на полу скрипит под каблуками. Стол перевёрнут, а под ним, путаясь в сорванных занавесках, насмерть бьются две низкорослые фигурки – наш Васька и наш же домовой! Какая муха укусила их одновременно, да ещё за одно и то же место?

– Младший сотрудник Лобов, примените профилактические меры в виде окунания хулиганствующих элементов в бадью с водой. И макать обоих до полного успокоения!

– То есть покуда не осознают, – сурово кивнул он, сгрёб смутьянов в охапку, сунул в бадью и принял упоённо полоскать, невзирая на вой и жуткие проклятия. Я поставил табурет в уголок, скромно присел и достал планшетку...

– Заявление будем подавать, гражданочка?

– Так ить... они ж! Васенька-то, кровиночка родная, первым начал... а Назимушка и не подумал... Ну, и... увлеклись оба... Я уж и так, и так, а ты заявление! Да вот, буду! И подам! Что ты думаешь, раз я сама в отделении без сна, без продыху спину гну, меня милицией и защищать не надо?! А ну пиши сей же час и сажай обоих по всей строгости закона!

От изумления кот и домовой разом прекратили бултыхание в бадье, возврившись на Ягу круглыми как пятаки глазами. Мой напарник если и удивился чуточку, то виду не подал и процесс окунания продолжал с прежним рвением.

– Составляю протокол, рассказывайте.

– Как тока ты, сокол, по служебным делам отправился, я Васеньку усталого, приезжего, в дом повела, сметанкою баловать. А Назимушка-то и говорит из-за печки...

Далее я не писал ничего, потому что закусил кожаный ремешок планшетки и втихую гоготал, отвернувшись к стене. Благо разгорячённая дачей показаний Яга внимания никакого уже не обращала, а добрейшей души Митенька видел во всём произошедшем истинную шекспировскую трагедию...

Короче, если кто не понял – Васька и Назим не поделили бабку! Как – конкретно, по-пацановски; какую – одну, нашу. Кот не понял, что можно чесать за ухом кого-то, кроме него; домовой неправильно оценил женскую любовь к домашним животным. Слово за слово, зуб за зуб, и пошла потасовка... Сама Яга в это дело не вмешивалась, пускай мужики по-свойски разбираются. Когда «разборки» перешагнули все разумные пределы, появились мы. То есть жутко вовремя, как всегда...

– Что делать с ослушниками будем? – подняв присмиревших ревнивцев за шиворот, спросил мой младший сотрудник. – По суду судить или по совести? Ибо с моей, товарищеской, точки зрения вина их велика и токмо смертью искупима...

Наша заслуженная сослуживица охнула, схватившись за сердце. Митя удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Хотя, с другой стороны, при взгляде незамутнённом видно, что бабуленька наша сама энто противостояние спровоцировала. Я ить давно замечал, как она с котом заигрывала... А тут вона домовому глазки строить начала! Хоть в нём, как в мужчине, и красы-то всей – один нос впечатляющий...

Яга скрипнула зубом и пришла в себя.

– Граждане Василий и Назим что-то могут сказать в своё оправдание? – поспешил вмешаться я.

Кот, чуть развернув корпус, не глядя пнул домового под коленку, тот, подпрыгнув, дал противнику по уху. Мирного разрешения ситуации не предвиделось.

– Мить, выводи обоих во двор, бери еремеевскую пищаль... да, не забудь спросить о последнем желании.

– Это святое, – серьёзно согласился мой младший сотрудник. Переглянувшись, один из задир упал с морды, другой – с лица.

– Никитушка, – очнулась бабка, – а ежели я, тьфу, да и не буду энто заявление писать?

– Поздно. Разрешаю подойти и проститься... – Мне с трудом удалось удержать замогильность голоса и незаметно подмигнуть Яге.

Наша эксперт-криминалистка тоже дурой никогда не была, а потому, кряхтя, подошла к каждому, мелко перекрестила и, молча достав из сундучка чёрный платок, не торопясь повязала его на седую голову. Назим, закатив глаза, молился кому-то по азербайджански, а Васька всё пытался хрипло мяукнуть что-то жалобное и не по существу, но под неподкупным Митькиным взглядом сдался окончательно...

– Однако, исключительно из уважения к Бабе-Яге, как опытнейшему и ценнейшему сотруднику нашего отделения, – строго продолжил я, – на первый раз расстрел заменяется устным порицанием. Обещаете больше не огорчать бабушку?

Кот и домовой со слезами бросились в объятия друг друга, изо всех сил демонстрируя дружбу навеки! Примерно в этот вот умилительный момент за окном раздалось знакомое хриплое карканье. Что ж, выслушаем, что нам имеет предложить гражданин отпетый уголовник... Надеюсь, речь пойдёт не о попытке возвращения Олёны? В противном случае даже я из пищали с такого расстояния не промахнусь...

Чёрный ворон размером с хорошую бройлерную курицу ждал меня, нахохлившись, на завалинке. Он неприязненно косил фиолетовым глазом, угрожающе задирая отполированный до блеска клюв. Я по-хозяйски присел рядом, заставляя его подвинуться.

– Чему обязан?

– Давненько не виделись, участковый...

– Работы много... Как родное гнездо, жена, яйца?

– Я по делу, – сухо отмёл все сантименты пернатый посланник Кощея. – Господин мой повелевает тебе, рабу ничтожн... В общем, дальше лучше я своими словами. Встретиться ему надо с тобой и переговорить лично. Дело тонкое, семейное, для лишних ушей недопустимое...

– Так я и думал... Передайте Кощею, что мои личные, семейные дела его уже не касаются. Олёна свободный человек, полноценная гражданка Лукошкина и, находясь под защитой закона, имеет право...

– Да тыfu на тебя с твоими правами! – возмущённо подпрыгнул ворон. – При чём тут бывшая Олёнка-бесовка! У Кощея таких-то небось не одним десятком мерится. О его семейственной жизни речь идёт!

– ...!

Других слов не нашлось. Значит, у этого костлявого маньяка ещё и семья есть! Жена, дети, тёща, зять, свёкор, золовка, троюродная тётя и две прабабушки... не надо сказок!

– Вот тока смеяться тоже не надо! – в тему поправила меня говорящая птица. – Кощей, он, знаешь ли, не чурбан бесчувственный, и ничто человеческое ему не чуждо. К примеру, проведал он, что ни ступы, ни избушки на курьих ножках, ни Сивки-Бурки у вас с собой не наблюдается. Потому господин мой благородно сам сюда пожалует... И просил передать к сведению, что визит его сугубо мирный. Так чтоб и с вашей стороны чего всякого не было – капканов там, волчьих ям, ловушек глупых...

– То есть он идёт к нам на переговоры. А явку с повинной захватить не намерен?

– Не шути так, участковый, я ж животик надорву... Кощей, он – вор в законе, на фуфле не ведётся, с ментами не сусолит. А дело серьёзное...

– Договорились. – Я встал, хлопнув себя по коленям. – Жду гражданина Бессмертного в двенадцать ночи, у нас за околицей, близ реки, под высокой берёзой.

– Один придёшь?

– С Ягой и Митькой.

– Их знаем. – Ворон тоже расправил крылья. – Желаю здравствовать... до ночи!

Улетел он с традиционным карканьем, не отказав себе в удовольствии перепугать по пути полдеревни. Когда чёрная точка окончательно скрылась с глаз, я вернулся в дом...

* * *

На столе дымился чугунок с харчо, томились бараньи потроха в виноградных листьях, ароматно пах свежий лаваш, отдельно стояла объёмистая бутылочка азербайджанского сухого красного. Кот под печкойupoёенно обнимал миску сметаны с мелко нарезанной зеленью. Сосредоточенный Митька в задумчивости скрёб себя под мышкой, и выражение лица у него было самое философское. Это плохой признак...

– Садись за стол, Никитушка, – приветливо поднялась мне навстречу Яга. – Изголодался небось на переговорах-то? Вот ужо откушаешь да и расскажешь...

– А у меня вопрос есть, чисто исторический, – издалека начал наш умник. – Вот в Древней Греции, помнится, рабы с хозяевами за один стол не садились. Но мы-то вроде не рабы, а служебные товарищи. Тут вон целый пир намечается, аж скулы судорогой сводит. Даc скока же веков вашего младшего сотрудника будут в сенях горелой пшенкою кормить?!

Али у нас ноне не демократию афинскую матушка-царица пропагандировать изволит?

Вообще-то он прав. Я с первого дня открытия отделения ругался с Ягой, потому что она Митьку вечно отдельно кормит «субординации ради»... Ну хоть на отдыхе-то могут быть некоторые послабления?

Моя домохозяйка пожала хрустящими плечиками, дескать, ладно, пущай уж... И пожалели мы об этом оба, наверное, уже минут через пять. А что вы хотите, это же Митя!

– Никита Иванович, чёй-то много вы себе накладываете. Ить в мундир скоро не влезете, аки боров со стажем! Ну-кась, дайте-ка тарелочку уполовинить...

– Бабуленька, что ж вы так чавкаете! И кетчупом вона как извазюкались. Хоть на улицу не выходить – коровы оборжут...

– Нет, Никита Иванович, нет, отец родной! Не могу я вам винца налить до дегустации... Мало ли какой кислятины энтот иноверец туды набулькал! Щас... ага... не расprobовал... Назимка, повтори в двойном объёме! Тады и бабушке в чайную ложку плеснём...

– Бабуля, отдайте хинкалину! Фу! Плюньте её сей же час, пищу мучную вредную... Да при вашем возрасте да болезнях (как то: склероз, остеопороз, бронхит, радикулит, хромота да конъюнктивит!) тока пюре морковное через тряпочку сосать. А хинкали сюда давайте, ужо я им покажу, как вредничать...

– Ник-к... Ивныч... чёж он т...кое туды плеснул, з...дей! Бабуля! Баб...ля, р...ки прочь, я не пь...яный!!!

Раздался лёгкий хлопок, и Митька исчез. На его месте сидела здоровенная деревенская мышь с явными признаками опьянения.

– Он мне понадобится к вечеру, – напомнил я всё ещё бурой Яге.

Характер у неё вспыльчивый, но расколдовать расколдует... свой всётаки.

– Стало быть, к полуночи Кощеюшка пожалует. – Выслушав меня до конца, наша эксперт-криминалистка задумчиво ущипнула себя за волосатую родинку на подбородке.

– Сами справимся?

– А то! Чую я, что и впрямь на энтот раз душегубец костлявый большую нужду в нашей опергруппе испытывает. Уж, поди, грозить да пыжиться не станет, однако ж и о семейственности его ничего тебе толком сказать не сумею. Вроде был он женат, а вроде и брехня энто... Я-то ещё девчонкой короткокосой была, когда злодей наш покражами принцесс да царевен баловался. Может, от непристроенности мужской, может, похоти

ради, а может, и впрямь невесту искал да с выбором мучился, кто ведает? На моей-то памяти семьи у него уж точно не было. Хотя, ежели вдуматься... нет! Точно тебе говорю, не было у него никого... Никитка!

– А? Что!

– Да ты ж не слушаешь!

Я действительно отвлёкся. Кот Василий тихо вылез из-под печки и начал осторожно подкрадываться к мыши, так и сидящей на краешке лавки. Митяй уморительно шевелил усиками и подмигивал мне бусинками глаз, когда на него обрушилась вся охотничья мощь бабушкиного любимца. Нет, Вася у нас умный и заколдованный человека в любом обличье видит, просто поиграть захотелось. А вот мой младший сотрудник с дуру да перепугу оказал рьяное сопротивление... Я с трудом оторвал взгляд от этих борцов сумо и вернулся к делам насущным:

– Так, говорите, о его семье ничего толком не известно... А как же тогда шамаханы?

– В каком разрезе? – не въехала Яга.

Пришлось объяснять долго и терпеливо, с фактами, догадками, физиологическими предположениями.

– Помните наше первое серьёзное дело о краже царского перстня с хризопразом? Мы впервые столкнулись с шамаханами, а вы ещё тогда рассказывали, будто бы они произошли от Кощяя. Ну там, все они всерьёз называют его родным папой, а он их считает своими детьми...

– Помню, да и что с того?

– Так возникает законный, хотя и нескромный вопрос: если Кощей – папа, то кто мама? Ведь не сам же он их рожал, в таком-то количестве, орду за ордой, как штампованных... Шамаханы когда-нибудь что-либо говорят о своей праматери?

– Вроде нет... – окончательно стушевалась бабка. – Ить и впрямь, дыма без огня не бывает. Каким-никаким чародейством ни обладай злыдень наш, а всё одно нет яйца без курицы, а брюхатости без беременности...

– Исключая отца Кондрата, – подправил я.

– Истинно, – перекрестилась Яга. – То есть ведёшь ты мысль дедуктивную, сокол ясный, к тому, что ноченькой этой Кощей нам всю правду о супружнице своей поведает. А тока чего ж он её скрывал столь тщательно?

– Вот и выясним... – рассеянно ответил я, вновь переключившись на Митьку.

Дело в том, что под шумок к их беготне присоединился и Назим. Теперь кот с домовым старательно «топили» пропревевшую мышь в той

же бадье, где сами не так давно проходили экзекуцию. Пора спасать парня...

Я выловил Митьку за хвост и попытался водрузить сущиться на стол, но бабка замахала на меня руками, типа такой мерзости она рядом с самоваром не допустит... Пришлось переселить напарника на печь, там тепло. Митька пригрелся и даже показал Яге язык, цепко держа в передних лапках уворованный кусочек пахлавы...

До ночи время пролетело незаметно. Домовой бегло наводил порядок, кот жеманно «намывал» к нам гостей, а со стороны засыпающей деревни вновь доносились новые произведения отчаянной смелости певуна:

Как Митяеву маманю
Дъяк позвал гулять до бани.
Будет Митьке новый папа,
Или неча мамку лапать...

Я чуточку смущился, но, видимо, зря... Бабуля только хихикнула два раза, а наш младший сотрудник на печке вообще повалился кверху брюхом от хохота и в восторге размахивал хвостиком над головой. Ну, это дело личного вкуса, как говорится... Лично мне деревенский юмор по-прежнему представлялся чересчур прямолинейным.

Заносил еврей к нам в дом
Всяку околесицу.
Умоляли всем селом,
Тока б не повесился...
Воз увёз яиц одних,
А нас оставил при своих!

Нет, злободневность, конечно, била на раз! Ритмика, музыкальность, некоторое разнообразие стиля и подачи как-то варьировались, насколько я в этом понимаю. В школе милиции народные частушки обычно не проходят, там у нас вообще с поэзией туго. Но, пожалуй, парочку образчиков такого провинциального фольклора я как-нибудь и запишу, Гороху наверняка понравится...

Солнце село плавно, звёзды зажглись даже раньше, а лунный серп неукоснительно толстел с каждым закатом. К назначенному часу все мы

(расколдованный Митька, Яга и я), плюс в засаде на берёзе кот Васька (лихо замаскировавшийся в темноте) ждали гостя.

Незваным его назвать уже было нельзя, но и особой радости от лицезрения беглого каторжника никто не испытывал. Это только в детективных романах жулик и сыщик, постарев, пьют вместе кофе за столиком в маленьком пражском бистро и беззлобно вспоминают, кто, кого, когда засадил или как, кто, где успешно скрывался...

Уточняю сразу – ничего хорошего о Кощее я сказать не могу. С первого дня личного знакомства наши отношения строились исключительно по принципу «кто стреляет первым...», и прогрессивных изменений в этом плане не наблюдалось. Мы вечно перешагивали ему дорогу, он, в свою очередь, тоже в долгу не оставался, пару раз проводя практически безупречные преступные операции. Взяли мы его чисто случайно, посадили по закону, но ненадолго, а наш последний визит к нему на Лысую гору, наверное, мучит его в кошмарных снах до сих пор...

Для лукошкинского мира Бессмертный – фигура хрестоматийная, гипертрофированное зло, и по-хорошему никаких мирных переговоров с ним быть не может. Хотя, с другой стороны, выслушать его мы обязаны... даже его... работа такая.

* * *

– Запаздывает, злодей непунктуальный, – настороженно озираясь, зевнул Митька. Оружия он сегодня не взял, неожиданно объявив, что вполне надеется на силу своего ораторского искусства, а Кощея, как психотипа, знает ровно облупленного.

– Возможно, проверяет, всё ли чисто.

– А может, в кустах сидит да меч-кладенец коварно по наши головы точит? С него становится, ибо преступному элементу слово держать необязательно...

– Наша эксперт-криминалистка с полной уверенностью заявляла, что... – Я заткнулся, поймав бабкин взгляд вверх. Почти неразличимый в темноте Васька дважды просемафорил направленным светом зеленых глаз за мою спину. Всё ясно, объект прибыл...

– Выходите, гражданин! Мы здесь не в индейцев играем, могли бы и не подкрадываться...

Ветви ближайшего орешника распахнулись едва ли не со зловещим дверным скрипом. На освещённую серебристым сиянием полянку шагнул

беспрецедентный злодей нашей эпохи – Кошечка (как мы шутили, «Кирдыкбабаевич»...) Бессмертный! Выглядел он практически бесподобно, всегда подозревал, что ему шьют где-нибудь в Париже...

Чёрный, до пят, балахон, струящийся складками, кожаные сапоги на высоком каблуке, а на голове некое подобие капюшона средневекового палача, тоже чёрное и с дырочками для глаз. Судя по фигуре, так и не поправился. Значит, в силу не вошёл, хотя начал, как всегда, с угроз и запугиваний:

– Вот и свиделись, участковый. Недолго тебя судьба берегла, недолго в одну дорожку наши пути сводила...

– Только не надо снова петь фальцетом «пришла твоя смерть безвременная...», – резко осадил его я. – Либо – чего надо и коротенько беседуем по существу, либо – я вас арестовываю, благо всегда есть за что!

– Никитушка, угомонись, не могёт он иначе, – укоризненно вздохнула Яга. – Ить традиции литературные да исторические такового подходу требуют. Дай срок, нагрозит да пошумит, а потом, поди, и сам в ножки поклонится...

– Ну... это тоже... вряд ли... так-то уж... – смущённо откашлялся наш злодей. – В ножки, конечно, не поклонюсь, но дело важное имею. Потому и вызвал тебя, сыскной воевода, отдельного разговору ради. Ежели твои холопы насмешки чинить не станут...

– Митя!

– А чё сразу я-то! И улыбнуться нельзя, что ль? Может, я не со зла, может, у меня настроение столь игривое от мыслей приятных сообразовалось...

– Каких ешё мыслей? – почему-то одинаково заинтересовались мы все.

– Даык деревня ж рядом, – не выдержав, бросился взахлеб рассказывать наш младший сотрудник. – А ну как я сейчас петухом взвою! Вот вам крест всем целовать буду, как все петухи наши от такого крику внепланового голос подадут! Свершится над оскорбителем суд божий, отольются слёзки мышкины...

– Это он вам никак забыть не может, что вы его год назад «петухом» обозвали, – доходчиво пояснил я отшатнувшемуся Кощею.

Нет, шутки шутками, а с Мити вполне станется и покукарекать не вовремя. Не знаю, по какой причине (плохие гены? психические заболевания? комплексы детства?), но гражданин Бессмертный панически боится петушиного крика. Всерьёз боится, до колик, до судорог, до хрипоты и пены изо рта.

Собственно, в какой иной момент никто из нас не преминул бы

воспользоваться такой слабостью противника, но взгляд Яги был слишком серьёзным. Я доверился компетенции нашей эксперт-криминалистки и молча погрозил Митяю пальчиком. Тот честно покаялся, но злорадно улыбаться не перестал...

– Итак, что же всё-таки случилось?

– Вот, прими заявление, участковый. – Моднявый преступник и маньяк, с хрустом кивнув, протянул мне скрученный в трубочку лист бумаги. – Убедительно прошу прочесть, рассмотреть и принять к сведению. При благоприятном разрешении и я в долгу не останусь...

– Взятку предлагаете, – автоматически брякнул я просто потому, что произошедшее ставило меня в тупик. Кощей, сам, мне, приносит заявление, прося помочи и защиты у милиции!

– Никак нет, – гордо выпрямился он. – Вы – люди государевы, вам за службу и без того жалованье положено. А вот материальную базу в отделении за счёт пожертвований частных лиц улучшать не возбраняется. Крышу перестелить, забор кой-где подправить, ступени в поруб поменять...

– …трубу прочистить, дорожку бульдожником вымостить, газон опять же хотелось, да и сруб колодезный давно поменять пора, – неожиданно для самой себя включилась в перечисление бабка.

Мне пришлось умерять её хозяйственный пыл двукратным поднятием правой брови в самом строгом изгибе... Яга поняла и притихла. Я демонстративно развернул листок, света ночных светил (прости, Господи, за тавтологию!) вполне хватало для чтения. Митяка бесстыже заглядывал мне через плечо...

– «Нечестивому рабу, холопу лукошкинскому да хаму Никитке Ивашову от самого Великого да знатного, того света господина, а этого – страха и ужаса, сильномогучего тёмного царя Кощя Бессмертного...» Значит, так вот? Это у вас нормы вежливости такие, да? Митя, кукарекай!

– Дозволяете? – счастливо уточнил он.

– Поддерживаю, – подняла вверх два пальца Яга, она у нас тоже грубиянов не любит...

– Смируйтесь, аспиды милицейские, – тонко взвыл злодей, едва ли не хлопаясь на колени. – До конца дочитайте, а уж тогда и суд чините!

– Ладно, попробуем, – скрипнул я зубом, но дочитать это действительно стоило. Судите сами...

– «Письмишко с просьбочкой униженной, прости отец родной за слова неразумные, торопливые, по чину обязательные да без желания писанные. На том молить тебя буду – избавь от беды неминучей, характеру семейного!

Женат я был браком честным, шумной свадебкой с супружницей молодою, по молодости безрассудной. Уж как жили-были, описывать не буду, глаза слезами полнятся и старые раны мукой болят... А только почитай уж после „медового месяца“ овдовел я. Явил господь такое чудо, милость великую... Жену схоронил достойно, в гробу хрустальном, под курганом высоким, в лесу дремучем, чтоб (не дай бог!) не встала... А тока в последнее время чую в воздухе вибрации нехорошие, дуновения неприятные, да и сама мать-сыра земля ровно от боли вздрагивает. Неужто просыпается Карга-Гордынюшка? Уж ты разберись, сыскной воевода, а я-то никаких богатств не пожалею, тока б жена моя с того свету не обернулася. Ить тогда никому жизни не будет... сам её боюсь... как вспомню... Засим и кланяюсь! Вся надежда на тебя, участковый. И всякого тебе здоровычка, нечестивый раб, холоп лукошкинский да хам Никитка Ивашов. В чём и подписуюсь, великий злодей и сильномогучий тёмный царь – Кошеч Бессмертный...»
Это всё?

– Вроде да, – прогудел за моим плечом верный напарник.

– А Кошеч где?

А вот Кощеч-то уже и не было. Преступный элемент исчез так же неожиданно, как и появился.

– И кукарекнуть-то не успели... До чего шустрый уголовник пошёл, не находите? А у меня ещё и мыслишка одна по ходу наблюдения образовалася... Костюмчик его ничего не напоминает! И сапоги опять же...

– Намекаешь на то, что именно Кощеч, а не дьяка я мог видеть в ту ночь?

– Истинно, отец родной, – довольно просиял Митька. – Ну а экспертиза наша домашняя что по энтуому поводу думает? Ой... а где ж она?

Вот именно «ой»... Бабка тоже словно бы растворилась в ночном воздухе. Хотя в отличие от гражданина Бессмертного не бесследно – далеко в поле, за околицей, мелькал белым пятнышком её головной платок. Похоже, старушка изо всех сил улепётывала к дому...

– Круто, – задумчиво признал мой напарник, когда Яга взяла забор практически без разбега.

Согласен, но рассуждать особо некогда, надо догнать и выяснить, что так напугало нашу отчаянную сотрудницу.

Мы пустились наперегонки... И должен признать, что бег по пересечённой местности ночью, по колено в холодной росе, под светом звёзд и треньканье сверчков – незабываемое ощущение плюс отличный способ снятия стресса! Мы прыгали через кусты, как мальчишки, мы

обгоняли друг друга на поворотах, мы толкались корпусом, и я даже умудрился один раз сбить Митьку подножкой, правда, сам едва не налетел на пень и не растянулся рядом...

* * *

У ворот он всё же догнал меня, и мы финишировали одновременно. Заглянув в горницу, я понял, что ночь пошла насмарку – спать сегодня не будет уже никто... Причина проста – бабка лихорадочно паковала чемоданы! В такой тараканьей суматохе я её не видел НИКОГДА.

– Что происходит?

Яга молчала, не удостоив меня и взглядом. Васька и Назим сидели под печкой, прижухавшиеся, как вороватые мыши, даже не пытаясь влезть с предложениями услуг. Хотя какие к чёрту услуги! В более неуправляемом состоянии нашу эксперт-криминалистку просто трудно представить. Это нонсенс, ей-богу...

Старушка с похвальной скоростью перетаскивала в телегу всё, что плохо лежит или плохо приколочено. На мгновение мне показалось, что вслед за скатертями и занавесками она потащит скамейки и стол. Митька, мельком сунув нос в двери, только присвистнул выразительным образом, подумал и убрался от греха подальше.

– Бабушка!

– Ась? Никитка, ты, что ли? Ну-кась, помоги половичок скатать...

– Легко, а печку по кирпичам разбирать будем?

– И печку будем, – продолжая пчелиный труд, себе под нос бормотала Яга. – Отчего ж нет? Чай, хорошие кирпичики-то где-нибудь, а сгодятся. Крепость построить, землянку укрепить, да то и просто вход в пещерку заложить поплотнее. Кирпич – он штука полезная, ежели к нему с разумением подойти. А мы с тобой люди разумные, мы всему применение найдём, да ить на чужбине-то, почитай, таких кирпичей добротных никто и делать не умеет...

– Драпаем, значит?

– А то! – радостно согласилась бабка. – Драпаем, ясное дело, как же не драпать-то? Уж ежели сам Кощей опосля произнесения имени её поганого лыжи навострил, дак нашей опергруппе небось сам Бог велел! Крышу бы ещё с собой забрать. Хорошая крыша, не текёт...

– Не плывёт и не едет, как у некоторых. – Я перехватил бабку за плечи и взвултыхнул от души.

Ласковое безумие в её глазах гасло медленно, но поскольку меня под горячую руку ни в кого не превратили, то... шансы есть, бабуля вернулась.

– Назим, Вася! – не оборачиваясь, приказал я. – Накрывайте на стол, мы чай пить будем. И Митю пригласите непременно, он за домом прячется... Будет упираться, ведите силой. Вас двое, справитесь...

Буквально каких-то десять минут спустя мы втроём, чинно, благородно сидели, выпрямив спины, попивая из блюдечек крепкий азербайджанский чай с жёлтым сахаром вприкуску. Давление нормализовалось, нервы устаканились, паниковать с блюдцем горячего чая на растопыренных пальцах – чревато, поэтому беседовали тихо и размеренно:

– Итак, услышав имя покойной жены гражданина Бессмертного, вы, как эксперт по вопросам нечисти и колдовства, ничего не объясняя, предпочли удариться в бега. Будьте добры, расшифруйте нам причины столь неадекватной реакции...

– Вспомнила я имя ейное, Никитушка... Этой стервою меня ещё моя бабка в младенчестве пугала, когда я под столом её лапти холодной кашей из шалости мазала. Уж правда то али неправда, не ведаю... а тока говорят, будто жена Кощеева, Карга-Гордыня, во сто крат лютее мужа была! В её жилах кровь богов древних, языческих, что из-под земли и голоса своего подать не могут, ибо сгинет всё живое в единый миг от дыхания их...

– То есть, как наш злодей уголовный понял, каку кралю под венец забрал, он её тотчас в гроб и упёк! Коленкою тощею по темечку дал разок, да и в могилу жену законную прямиком из постели брачной. Никита Иванович, а ить за такенное безобразие его, по сути, привлечь бы следовало? Я так думаю, вот он вдругорядь заявится, вы ему с оформлением заявления потяните туда-сюда, дескать, почерк не тот, печати нету, бланк неправильно заполнен, а я сзади, с дубиною и...

– Спасибо, Мить. Ага, и блюдечко с вареньем передай. Спасибо ещё раз. Бабуль, давайте по второму разу, чтоб я всё понял. Итак, гражданин Бессмертный предупреждает о возрождении своей покойной жены, которую сам же и схоронил. Где конкретно, он не указывает. Подразумевается, что мы должны найти сами. Это как-то может быть связано с теми намёками на пробуждение великого зла, о котором толковали русалки?

– Отчего же, может! Да токо и девки мокрохвостые тебе места не сказали, а где оно на Руси пробуждается-а... Покуда отыщем, Карга-Гордынюшка уж, поди, сама к нам в отделение заявится. И чую я, не пирогами потчевать...

...За окном пропели петухи. Утро. Сон уже перебит, укладываться бессмысленно. В принципе во всех подобных ситуациях мы обязаны действовать стандартно, по уставу и без самодеятельности. Доложить царю, поставить в ружьё стрелецкую сотню Еремеева, высаживать муторные заседания по общей обороне в боярской Думе, таким образом сложив ответственность с собственных плеч и сделав её коллективной. Главное, ничего не пускать на самотёк. Я достал лист бумаги из планшетки и подготовился писать царю. Митька с Ягой вполголоса продолжали разговор...

– Маменьку-то успокой, скажи – сняты с неё все подозрения.

– За недостатком улик али по-родственному?

– Олух ты, Митенька, сняты, потому как теперича мы точно знаем, что не она соль портила, а братцы пропащие продукт в таком виде продавали. Кстати, не нашлись ли оба?

– Никак нет... Сами объявиться не соизволили, а окромя нас кто ж их искать станет! Я думаю, нам бы Васю вашего по следу пустить надо. Раз мы из-за евонных капризов по сей день без служебной собаки, то пусть... ой! Чё драться-то сразу!

– А не доводи меня, старую! Собаку ему подавай, ишь, какой кореец выискался...

Они спорили о чём-то ещё, мой младший сотрудник словил и второй подзатыльник, а я тупо уставился на чистый лист бумаги, и мысли мои водили хоровод вокруг всего одного слова... Соль! Прошка и Ерошка где-то тут, рядом, копают соль. Соль – плохая, кладбищенская или могильная. Может быть, это шахта или курган. В курганах хоронили вождей, а в шахты сбрасывали тела казнённых молодогвардейцев. Но соль... а солью... именно! Именно солью мы сумели одолеть в своё время Кощяя, завалив его по самые борта на летучем корабле.

Значит, он вполне мог использовать тот же природный материал, «запирая» в хрустальном гробу свою агрессивную супругу. То есть если братья-близнецы начали рыть сквозь соль, то защита ослабла, и Карга-Гордыня почувствовала возможность выхода! Представляю, сколько злобы тётка накопила за это время... Неудивительно, что Кощей в страхе побежал звать на помощь милицию-у!

– Никитушка, ты чего так орёшь-то? – испуганно отшатнулась Яга, едва не падая на столь же перепуганного Митьку. Ага... видимо, я увлёкся...

– Прошу прощения, всё в порядке. Просто сложилась чёткая гипотеза. Послушайте...

Наш умник перебивал меня раз шесть, пришлось пригрозить, что выведу во двор и расстреляю! Шутка... Мою «логическую гипотезу» он разбил в пух и прах по семи направлениям посредством безупречной логики и псевдоисторических аллюзий. Да я бы и рад оказаться неправым, но бабка выразительно пощипывала уродливую родинку на подбородке и в наши споры не встревала. То есть надеялся на что-либо хорошее уже бессмысленно, мы влипли в это дело, невольно встав на первых рубежах обороны.

— Царя покуда не буди, — наконец медленно протянула наша опытнейшая сотрудница. — От лишней суматохи да государевых слуг с пушками нам тока боли головной прибавится. Надо все силы на поиск близнецов энтих бросать! Через них на курган выйдем, а там уж... как знать... Ежели и сгинем, так в бою открытом, а не от страха подкроватного, от каждого шороха вздрагивая, да в стрессах прединфарктных... Так ли, сослуживцы?

Мы кивнули. Митька порывался что-то добавить, но я опередил:

— Может быть, следует ещё раз побеседовать с гражданином Бессмертным? Мне кажется, он что-то недоговаривает. Хотя, учитывая его уголовное прошлое, возможно, он вполне не прочь одновременно покончить и с воскресшей женой, и с нашей опергруппой. Вот теперь слушаем тебя, Митя.

— А поздно, — простодушно развёл он руками.

Я вопросительно глянул на Ягу, та демонстративно оттопырила ухо. Откуда-то нёсся явный топот, на столе стала подпрыгивать посуда, кот выгнулся спину, и нашу входную дверь едва не снесло растрёпанным ураганом по имени Марфа Петровна. Вот уж кого нам совершенно не хватало для полного комплекта неприятностей...

* * *

— Великое горе, участковый, — гулко выдохнула она и бухнулась на колени.

— Младший сотрудник Лобов, поднимайте маму, — привычно попросил я.

Наш парень кивнул, поплевал на ладошки, как перед подходом к штанге, и попробовал взять вес. Маманя обвисла, поджав ноги — первая тяжелоатлетическая попытка провалилась...

— Охти и горе мне! Горе, горюшко горькое, горемычное и горючее...

Сынуля, не лезь, не до тебя сейчас мамке. Не лезь, говорю! Так о чём энто я? Ага, на том и Бога буду молить, заступись, сыскной воевода!

Далее пошли в ход поклоны, битьё лбом об пол, гулкие всхлипы, хватание за сердце и бурные слёзы... Сценарий не менялся никогда, оттачивался веками и передавался по наследству. Коррективы минимальные, воздействие на зрителей стабильное, достижение заданной цели – практически стопроцентное... Теперь о главном, суть проблемы – дьяк сбежал!

– Вот так, иссрамили мать вашу, мать милицейскую... Как жить теперь? Как соседям в глаза смотреть? Уж дозвольте милосердно прямо здесь смертью умереть, ибо вы ж мне энного дьяка в женихи и подсунули...

Короче, все стрелки и все рельсы переведены, мы вечно крайние, с нас спрос и ответ, и никого не волнует, если сами мы считаем иначе. Есть такая категория женщин, которые правы ВСЕГДА! Та же Яга, например, под давлением неопровергимых фактов всё же способна признать собственную ошибку и даже извиниться... иногда... редко... ну, вроде я помню пару случаев. А тут...

– Мить?

– Слушаюсь, Никита Иванович, – послушно вскочил он. – Разумную инициативу дозволяете?

Я быстро кивнул: чёрт с ним, дозволяю. Времени мало, в столь экстремальной ситуации, может, чего уж чрезмерно особого он натворить не успеет. И тут я не ошибся, не успел... Он нам в другом месте наверстал с лихвой!

– Бабушка, как вы полагаете, сколько у нас времени? – спросил я, когда мама с сыном вымелись вершить справедливость. Яга повела плечиком, задумалась, послюнявив палец, подняла его над головой и сообщила:

– Безмерных изменений в атмосфере не чую. Стало быть, уж никак не менее недели будет...

– Убежать успеем?

– Куды? – вздохнула наша эксперт-криминалистка. – Стара я по Парижам юбками пыль трясти, здесь родилась, здесь и помру. Как раз вон опосля Гордыни гроб хрустальный освободится... Представь тока, лет эдак через сто приедет царевич-королевич во гробу спящую красавицу целовать, а там – я! Вот смеху-то будет...

– А если у него сердце слабое?

– Дак уж, поди, в гробу-то и на двоих места хватит...

– Не слишком оптимистично, но давайте пока вернёмся к делу. – Я развернул планшетку, подчёркивая карандашом номер каждого абзаца. –

Итак, пункт первый: необходимо срочно выяснить, откуда именно братья Бурьяновы брали соль? Второе, где конкретно на данный момент находятся сами близнецы-контрабандисты? И третий момент, скорее уже из области чистой теории – не смогли бы вы поинтересоваться по вашим каналам насчёт жены Кощея? Ну, там, более полное досье: как, что, откуда, какие слабости, есть ли хобби, пристрастия по жизни, «ахиллесовы пятки» – всё, что удастся, сами понимаете...

– Умом-то понимаю, а вот как сделать, не ведаю, – принасупилась бабка. – Ну да ладно; ты, участковый, в деревню иди, там следы Прошки с Ерошкой искать надобно. А я здесь мыслишками пораскину, авось и выйду на чё-нить информационно-полезное...

Собственно, с моей стороны тоже других идей не было. Митька на задании, у Яги нога хромая, остаюсь один я, мне и бегать по селу, веселя местных жителей смешными вопросами об исчезновении их предприимчивых земляков. То есть деревенька-то небольшая, обойти все дворы можно и за час, но сколько мороки в этой рутинной болтовне, кто бы знал... Да и толку, как правило, немного. Однако почти сразу за околицей мне жутко повезло – меж кустов ракиты мелькнул знакомый сарафан, и кузнецова дочь Маняша преградила дорогу следствию.

– Добрый день вам, Никита Иванович, сыскной воевода, батюшка участковый!

– И вам здравствуйте. Я пройду?

– Ой, да конечно же! А тока на минуточку ли не задержитесь, у меня вести важные, вам полезные будут.

Я хотел было припомнить ей корову и театрализованное крещение милиционера в рукаве речки Смородины посредством масона-гробовщика, но передумал.

– Слушаю.

– Вы ведь сейчас Прохора с Ерофеем искать будете, а я про них та-ко-е знаю... – заговорщицки пропела она и сразу уточнила: – А скажите вот мне как на духу: в милицию девок берут?

– Зачем? – не сразу включился я. – То есть берут, конечно, а вам-то это зачем?

– Надо, – уклонилась она. – А тогда ещё вопрос важный до вас имею: милиционерам, вообще, жениться можно? Или им и впрямь серьёзные отношения Уставом внутренней службы возбраняются, и поп такие браки без благословения бросает, венчать отказываясь, потому как тогда его самого посодют?

– Что за бред! Маня, мне правда некогда, у меня дела... Давайте мы

эту ерунду как-нибудь в другое время обсудим, а?

– Ну ещё вопросик, один, маленький, – взмолилась, не давая мне пройти, румяная кузнецова дочка. – А вот ежели один милиционер на другом женится – это можно?

– Можно, – сорвался я. – В демократическом западном обществе – геям можно всё! Но боюсь, у нас столь энергичных шагов по защите прав сексуальных меньшинств даже царица не одобрят...

– То есть можно? Ага-а... Тогда пишите меня в штат милицейский самым младшим сотрудником – я замуж хочу!

– Митька! – прозрел я. Маняша стыдливо кивнула. Я говорил, что он успешно наворотил дел в другом месте? Так вот оно, именно здесь, разбирайтесь с новой невестой, дорогой Никита Иванович... – Ладно, идёмте в село. Всё расскажете по дороге.

Нет, если кто чего не так подумал относительно нравственного и морального облика нашего парня, то зря. Девушку он и пальцем не тронул, даже на робкий поцелуйчик не пошёл. То ли меня боялся, то ли Маниного папу-кузнеца. Но наплёт он ей семь километров вдоль шоссе по мотогоночной трассе пешкодралом! Обнадёжил, короче, – любовь-морковь, страсть мексиканская и увезу тебя я в тундру! А потом и заявил конкретным текстом, что по зрелом размышлении жениться никак не может, ибо в отделении все тока меж собой браками сочетаются, оттого милиционеры и плодятся! Девка, дура, поверила, поплакала, а потом и направилась к нам со светлой идеей – возьмите на службу, гражданин участковый, так небось Митя от женитьбы не отвертится. Деревня-а-а...

– Так возьмёте ли?

– Подумаю, – временно выкрутился я, тут же решив использовать сложившуюся ситуацию. – К нам ведь кого попало не берут. Надо пройти собеседование у царя, принести серьёзные рекомендации, пройти кандидатский стаж, показать себя, одним словом...

– Показать себя! – маxом забурела Маняша, обеими руками прикрывая пуговки сарафана на высокой груди. Вот ей-богу, если эта девица способна хоть что-нибудь понять неправильно, она поймёт неправильно!

– Я имел в виду, что вы могли бы помочь нам в расследовании. Давайте вместе пройдёмся по всем дворам, вдруг кто-то всё-таки знает, где примерно искать близнецов Бурьяновых.

– А-а... в этом смысле, – с явным облегчением выдохнула она и решительно взяла меня за рукав. – Так это мы охотно, от всей души, покажем, на что я способная!

Я согласился. И правильно, она же местная, поэтому дальше дело

пошло веселее...

– Здрасте, дядя Федот! Как здоровычко, как нога к непогоде, как под ребром, не давит? Ой, да ну! Ой, быть не может! Ой, а как это? Ой, ну дак полечитесь... А где Прохор с братом соль брали, не ведаете? Жаль, жаль, ну да Бог вам судья...

– Здрасте, тётка Серафима! Как муженёк-то ваш? Всё пьёт? Всё горькую? Всё без просыху? А вот есть, говорят, средство одно верное. Тока вы скажите, откуль Ерофея с братаном соль везли? Вона как... так, значит... ага... Ну, тады и я о средстве том ничего не ведаю!

– Здрасте, бабка Кузминична! Как у вас... не слышите? Как у вас, говорю... не слышно, да? Как у вас, я ору уже, вообще по жизни!! Не слышит... Вот такая морока с ней, дурой старой! Ой, кажись, услыхала-а...

И примерно в таком ключе на каждый двор. Никто ничего не знает. Можно подумать, без Маняшиной помощи я бы это не выяснил. Но с другой стороны, положа руку на сердце, признаю – старалась девка изо всех сил! Наш человек, милицейский...

* * *

Мы сели с ней отышаться где-то через час, не раньше, за околицей на пригорочке в пасторальном окружении васильков и одуванчиков. Там наверняка и всяких других цветов (типа «мечта коровы») хватало, но нам же не гербарий из них составлять...

Откуда-то из-за рощицы доносились приглушённые расстоянием вопли Митиной мамани. Ха, а ведь в той стороне вроде усадьба боярина Мышкина? Вот, значит, где сбежавший из-под венца дьяк нашёл защиту и понимание. Честно говоря, мне даже почему-то было его жалко, и я искренне надеялся, что Афанасий Фёдорович не даст в обиду бывшего подельника.

Тем паче что у самого гражданина Мышкина были трогательные проблемы в интимной жизни. Яга обещала помочь ему тайным набором мужеусиливающих трав, но не успела, приговор царя был невероятно мягок – ссылка...

– Надо напомнить бабушке, – скорее разговаривая сам с собой, пробормотал я. – Обычно наша домохозяйка слово держит.

– А близнецы-то небось на Проклятую гору ходили, – тоже ни к кому особенно не обращаясь, призадумалась кузнецова дочь. – Ить ежели утром выйти, а к вечеру назад гружёными быть, то иного места и не измыслишь

сразу. А так, по времени сходится вроде...

– И что за Проклятая гора? – как можно равнодушнее полюбопытствовал я.

– Да местечко одно в лесу, нехорошее, – разморенно протянула наша «новая сотрудница». – Его все в деревне знают, там трава не растёт, грибы не селятся, ягоды не живут. Земля там холодная, ни цветочка, ни камушка, и как-то неприятно так-то...

– А далеко это?

– Проклятая гора, что ль?

– Нет, Манхэттен! – не сдержался я.

– Манхэттен далеко-о, – не задумываясь, признала девушка. – Уж верно далеко, раз мы о нём и слыхом не слыхивали...

– А это нехорошее место, оно как, в плане досягаемости? – честно повинился я. – За пару часов дойдём?

– И быстрее дойдём, отчего ж не дойти, а тока чего ж нам с вами одним, в лесу, у Проклятой горы, на пару делать? Подозрительно как-то... может, мне батюшку с собой позвать?

– Кузнеца? Нет, кузнец нам не нужен, – твёрдо определился я, вставая. – Время не позволяет, идём. Если кто потом что-то невежливое скажет, ты мне переадресуй – посадим на пятнадцать суток за оскорбление органов при исполнении.

– За любое, любое оскорбление?

– Ну, не так уж чтобы и...

– А вот если вчера дед Фионтист меня в своём саду за подол поймал да «яблоневой плодожоркой» обозвал прилюдно. За это ему будет что-то?

– Не уверен...

– Ну хоть намекнуть ему на каторгу сахалинскую можно?

– Можно, намекай.

Счастливая девица вприпрыжку побежала впереди меня, указывая дорогу. Шли через всё село, куда-то к лесу, местные при виде разрумяненной Маняши и сурового меня тихо шушукались, но вслух неудовлетворённости не проявляли. Зато когда мы практически шагнули на опушку, вслед ударила скорострельная очередь мобильной деревенской частушки:

Шла Маняша тёмным лесом
С милицейским мракобесом!
И какой же интерес
Энту пару тянет в лес!

Найду я этого голосистого сатирика, ей-богу, найду... И, как говорится, первым же этапом за Уральский хребет, «на гастроли». Шучу, чёрный милицейский юмор...

По лесу шли довольно долго, маловразумительными тропинками. То есть, если меня одного здесь бросить, я дорогу назад ни за что не найду, ни по солнышку, ни по мху с северной стороны деревьев. Деятельная кузнецова дочь скакала, как коза, не зная усталости, оставалось надеяться, что фамилия её папы не Сусанин...

В самой чаще было не в пример прохладнее, воздух казался едва ли не объёмным от насыщенности зеленоватым хвойным ароматом. Деревенская жительница болтала без умолку, видимо искренне считая, что чем больше она на меня вывалит информации, тем вернее мы возьмём её в отделение.

Сначала я даже чуточку вслушивался в безумно знакомую историю о заезжем купце, который занял деньжат у богатого мужика из соседней деревни, а тот, смеху ради, возьми да и потребуй взамен купеческого мяса с левой ноги... Если Шекспир не переворачивается в гробу каждый раз при этой деревенской брехне, то я уже не знаю, где справедливость?

– А вот же она!

Я не сразу замедлил шаг и почти вписался носом в широкую крестьянскую спину девушки. Угу, вот это, стало быть, и есть та самая Проклятая гора. Обычный холм посреди лесного бурелома, сходство с Лысой горой, где живёт Кощей, едва ли не зеркальное. Приведи меня сюда с завязанными глазами, я бы легко обознался.

– Вот оно, место дикое, страшное, нелюдимое...

– Здесь, наверное, загорать хорошо, – чуть натянуто улыбнулся я. – Песочек тёплый, и не подсматривает никто... Курорт!

– Песок холодный, – недоумённо покосилась на меня кузнецова дочь.

Я шагнул вперёд и, приложив ладонь, вмиг отдернул её, как после ожога. Песок не был холодным, он был ледяным! И это прямо на солнечной стороне, в полдень, среди белого дня. Либо необъяснимый научный феномен, либо... то, что мы ищем. И, кажется, скорее второе...

– Ну что, попробуем обойти вашу гору кругом. Может быть, попадётся что-то интересное!

– Ой, а что?

– Не знаю, не знаю... К примеру, хотя бы, вот-вот... есть!

На песке чётко отпечатались следы крестьянских лаптей примерно сорок шестого размера. Рядом отыскались такие же отпечатки, но уже

босых ног. Ерофей и Прохор, близнецы-братья (кто более матери-истории ценен?). Маняша опять ускакала вперёд, и её звонкий голос звенел как колокольчик во ржи:

– А я вона чего нашла-а!

Подойдя поближе, мне оставалось только присвистнуть – действительно, уж нашла так нашла. Две лопаты, старый мешок, до половины набитый кусками грязно-серой соли, и буквально в двух шагах разрытый ход, ведущий в глубь холма. Следы пребывания подберёзовских коммерсантов нашлись, вот только самих их не видно...

– Так я внутри посмотрю?

– Стоять! – вовремя рявкнул я. – Смотреть, что там внутри, имеет право только старший по званию. Вам разрешаю стать с лопатой вот здесь, справа, и бить по башке каждого, кто попробует приблизиться. Враг может быть в любом месте и в любой момент, не теряйте бдительности...

– Ой, да уж как скажете, батюшка сыскной воевода, – не совсем впопад отрапортовала Маня, подхватывая одну из лопат на плечо. – Ежели чё подозрительное замечу, так так вдоль хребта оглажу – до старости стройным ходить будет!

– Угу, но помните, своих не бьют, – на всякий пожарный заострил я и, поправив фуражку, нырнул внутрь.

Холод удариł со всех сторон одновременно, как неожиданно налетевший полярный фронт. Первые шага три-четыре под пальцами на стенах скрипел песок, потом явно стала скользить слежавшаяся соль. Итак, место захоронения найдено. Один вопрос – где пропавшие братья Бурьяновы...

Я дошёл до самого конца раскопа, нашёл брошенный молоток и согнутый непонятной силой лом. Но на первый взгляд ни тел, ни крови, ни костей, ни обрывков одежды. То есть там темно, конечно, но глаза привыкают, а на ощупь точно ничего подозрительного нет...

На выходе едва не был огret лопатой! Маняша от скуки слегка мандрожировала, а как единственной дочке кузнеца ей с детства приходилось таскать папе то молоток, то железку какую. В результате бог девочку тоже силой не обидел. Иногда мне казалось, что в Подберёзовке самое физически недоразвитое существо – это я...

Вместе мы дважды обошли Проклятую гору и даже взобрались на ее макушку. Тот же ледяной песок, но больше никаких улик и никаких следов.

– Возвращаемся, – скомандовал я.

Смысла торчать тут далее не было, надо тащить сюда Ягу и думать на месте. Без серьёзной консультации нашей эксперт-криминалистки в этом

мутном супе ловить нечего.

В целом расследование явно сдвинулось с мёртвой точки, хотя и скорее добавило новых вопросов. Предположительно Кощей устроил усыпальницу своей супруги по принципу собственного же дома. Сверху навалил гору соли, через которую ей ни за что не выбраться, а... стоп! Она же покойная, то есть умерла!

Неужели не добил или всерьёз боялся, что может воскреснуть? Или же (не приведи господи, но маньяки всякие бывают...) он замуровал женщину живьём?! Просто кошмар какой-то... С гражданина Бессмертного, конечно, станется, но мы пока ТАКИХ семейных дел не расследовали. Нет, всё-таки хорошо, что Олёна уехала к тётке, я бы, наверное, с ума сошёл от беспокойства, будь она сейчас рядом.

– Никита Иванович, а тут вон какая-то монетка валяется. Можно я себе подберу?

– Можно, – не отвлекаясь, буркнул я, даже не глядя, за чем она там нагнулась...

И в этот момент грянул выстрел! Шагов с двадцати, не дальше, ей-богу... То есть сначала я услышал грохот, а потом с меня сорвало фуражку. Помнится, я ещё успел её подобрать, отметить на окольше дырочку, в которую свободно влезал большой палец, и только тогда броситься на застывшую столбом Маняшу...

* * *

– Ложись, дура!

...Следующий кусочек свинца влепился в смолистую кору сосны, около которой она только что стояла. Я прижал её всем телом, стараясь максимально закрыть от пули, и слышал, как её девичье сердечко бьётся мне в грудь.

– Ой...

– Что? Ты не ранена, не зацепило, кровь не идёт?

– Благодарствуем, – тихо, в самое ухо, прошептала приличная девушка. – А тока я ить это... другого люблю.

– Не понял! – не понял я.

– Ну... вы бы слезли с меня как-то... не ровён час, увидит кто – жениться придётся. А оно нам обоим не в радость...

– Логично. – Я осторожно скатился с неё под куст и внимательно осмотрелся.

Из-за дальних сосенок всё ещё виднелся пороховой дым, но ведь это абсолютно не значит, что неизвестный стрелок всё ещё там. Табельного оружия при мне – только планшетка, ей особо не навоюешь. Кто бы по нам ни палил, ему нужно время на перезарядку пистолетов, благо техника ещё не шагнула так далеко, как хотелось бы киллерам.

На нас, честных милиционеров, часто охотятся, и за год своей службы в Лукошкино я бы мог все покушения в то же лукошко складывать. Но об этом лучше потрепаться в другой раз, сейчас не время. Если нет возможности защищаться, надо убегать! Я сделал знак пальчиком воодушевлённой Маняше, и мы дружно дали дёру на полусогнутых. Стреляли нам вслед ещё три раза! Один прицельно, но мимо, и два наугад, в белый свет, как в копеечку...

Кузнецова дочь ржала как ненормальная! Ей это, видите ли, в диковинку – стрельба, опасности, развлечение такое, ага... Ну а мне эти радости уже приелись, и я волок визжащую от переполненности новыми ощущениями красавицу, максимально петляя, пригибаясь и прячась за деревьями. Каким седьмым (восьмым, девятым!) чувством милицейской интуиции мы выбрались к Подберёзовке – ума не приложу!

Чудом, просто чудом, иначе никак! А когда наконец отдохнули, я от бега, она от хохота, прямо у окопицы нас встретила взлетевшая из-за забора частушка:

Участковый из лесу
Вывел за косу красу...
Знать, теперь уже не наша –
Милицейская Маняша!

Спасибо, очень вовремя, конкретно, трогательно и, главное, чувствуется искреннее внимание ко всем нам. И от этой самой Мани, как я понимаю, нам уже по гроб жизни не отвертеться. Что Яга скаже-эт! Но, как ни парадоксально, проблемы начались не с Ягой, а с моим младшим сотрудником... Он ждал нас у дома кузнеца, мрачный как грозовая туча и даже, кажется, заметно увеличившийся в размерах.

- Как успехи, Мить, докладывай.
- Да уж доложу...
- Дьяка нашли?
- Да уж нашёл...
- Обошлись без членовредительства?

– Да уж без того и другого...

– Мить, случилось что? Какие-то проблемы? – Я его раньше в таком состоянии никогда не видел. Вот словно бы его кто-то самым предательским образом обидел, и этот кто-то... я? А отчаянная кузнецова дочь лишь демонстративно стряхнула соломинку с сарафана (приподняв подол выше колена!) и томно попрощалась:

– До свиданья вам, Никита Иванович! Ежели опять понадобится где чего – по дворам там али снова в лесу, тока свистните... Завсегда помочь рада всем моим девичьим старанием!

– Э-э, Маняша, – хлопнув себя по лбу, я вспомнил о том, что она подбирала какую-то монетку, – а деньги?

Она молча, с непередаваемой крестьянской грацией опустила мне на ладонь маленький серебряный кружочек и, покачивая бёдрами, скрылась за калиткой. Митяй взвыл, словно раненый слон в индийском кино, и рухнул плашмя – грызть землю! Зрелище редкое, но если не обращать внимания на его актёрские припадки, то он быстро успокоится и сам расскажет, что произошло...

Поэтому я не глядя сунул монету в карман и под любопытствующими взглядами вездесущей деревенщины пошёл в наш домик. Дело уже к вечеру, я голодный, ужин наверняка заслужил, бабка за одну простреленную фуражку закормит меня до отвала. А ведь ещё удалось раздобыть целую кучу ценнейшей рабочей информации! Нет, сегодня я мог по праву гордиться собой...

– И что, вот так вот бросите меня, и всё? Даже не выслушаете боевого товарища в горе великому! И не окажете внимания к страданью моему душевному, покуда страсть африканская меня поедом не съела?

Я не отвечал. Митяка, гулко топая за моей спиной, продолжал жалостливо стенать:

– А ить я скажу, скажу, как бог свят, всё, что на душе накипело, на сердце налегло, на... В общем, уж не помню, в каком ещё месте, но тока мне и там как есть плохо!

Вот видите, я же вам говорил, главное – не оборачиваться. Ему деваться некуда – он же молчать не может по определению...

– Когда я вас в деревню родную на молоко парное от дел служебных отдохнуть вёз – вот уж не думал такое поведеньице в благодарность словить... То вы у нас скромник холостой, то за единственной преступницей снами грезите, а то уже и девок наших, подберёзовских, с собой в лес прилюдно волочёте! Нет, ежели у вас полюбовность резвая, что аж до венца дотерпеть невмочь, так я начальству любезному всё как есть

уступлю! Ужо не заплачу небось, не зарыдаюсь на людях-то... И не узнает никто, какова змея Митьке милицейскому сердце сушит!

Ага, дошёл до сути. Тут, главное, не мешать и не перебивать вопросами. А там его уже и силой не удержишь...

– Ить я же и не ревную ни капельки! Нет, упаси меня боже, вас с вертихвосткой энтой... которая мне, про между прочим... вот тока вчерась... такого всякого наобещалася – в двух ладонях не удержишь! Да тока непонятно, куда же нравственность в наших рядах катастрофически падает? И на кой она вам... в смысле... я ж сам думал... Не погуби, Никита Иванович, отец родной!

– Митя, – наконец обернулся я, – прекрати истерику. Между нами ничего такого не было, исключительно рабочие взаимоотношения. Марш в дом, расскажешь нам с Ягой, как прошёл день.

– Точно, ничего не было? – привередливо сощурился он. – А побожитесь!

– Вот те крест, – широко перекрестился я, нагло пародируя отца Кондрата.

Сработало, мой напарник удовлетворённо шмыгнул носом и распахнул передо мной дверь, вежливо приглашая войти первым.

* * *

Так... картина не помню какая, но дубль точно второй. Лежит наша опытнейшая эксперт-криминалистка на лавке кверху пузом, а на её узкой груди восседает здоровеннейший паук! Кто куда, а Митяй за оглоблей... Минута делов, и он уже в боевой готовности, вздымает дрын и дышит с мясницким кхэканьем. В общем, всё красиво, зрелищно, но меня уже понемногу напрягает однообразием...

– Митенька, будь умницей, брось палку свою дурацкую да на стол накрывай. Вот уже участкового ужином отпотчуем, так и информацией на круг все и поделимся.

Наш начитанный ревнивец невольно вздрагивает и хоть дрын уже не роняет, но по лицу видно: борется с собой – сил нет... Думаю, я даже оказал ему услугу, с третьей попытки вырвав оглоблю из его рук.

Яга встала, аккуратненько сняла паука и передала его на лапы бдительно сторожащему Василию. Кот унёс насекомое за печку и... надеюсь, не съел. Бабка танцующей походкой, даже не прихрамывая, прошлась по горнице, явно довольная собой и достигнутыми результатами.

Что ж, по крайней мере, у двух из нас сегодня был продуктивный день.

…Ужин состоял из смешанной кухни братских народов – азербайджанское харчо с бараньей печенью и русская картошка с грибами. Сладкий стол тоже был разноплемёным – знаменитая назимовская пахлава и бабкины блины с ягодами и мёдом.

Митька за свой прошлый обеденный демарш был выдворен с чугунком в сени, отныне субординацию Яга блюла ещё более свято, пришлось соответствовать. Впрочем, как и всегда, я об этом не пожалел…

– Ну вот, а теперича, сытый-напитый, давай и меня, старую, слушать будем. Во-первых, скажу тебе, соколик, как есть на духу – здесь её могила, скрыта в лесах тутовых! Я ажно две экспертизы серьёзные провернула, кучу времени потратила, гору снадобий извела, а до истины докопалася.

– Проклятая гора. Два с половиной часа по лесу пешим ходом. На вид – копия Лысой горы Кощея. Песок ледяной. Внутрь ведёт раскоп метра три-четыре в длину, две лопаты, мешок, молоток и скрученный в узел лом. Я там был сегодня.

– Тады… тьфу на тебя, Никитка! Ну да у меня, поди, ещё пара козырей в рукавичке припрятана, уж давай теперича ты первый рассказывай.

– Может, Митьку позовём?

– Зови, – легко согласилась Баба-Яга. – Дело верное, чё ж по два раза будем ему детали растолковывать…

И вот когда мы уже всей опергруппой уселись за столом, я красочно и как можно подробнее описал свою сегодняшнюю одиссею. И то, как ко мне привязалась Маняша, и как обходили с расспросами всё село, и как нашли следы братьев Ерошки да Прошки, и, естественно, как в меня стреляли… Последний факт возмутил моих сотрудников до глубины души!

– Никитушка, сокол ясный, – едва сдерживая рыдания, беспомощно лепетала бабка. – Да как же ты так… да ить убили бы тебя злодеи неведомые, всё отделение без главы оставив… Вот ить, ещё на пальчик ниже, и нет у нас сыскного воеводы… Ой, да и за что ж таковые напасти! Ты ж ещё молоденький совсем, тока-тока жениться надумал, а они в твою головушку светлую свинцовы орехи пулять удумали… Ой горе горькое!

– Бабушка, я – живой…

– Энто покуда живой, – рычал Митька, меряя горницу тяжёлыми шагами. – А вот как вдругорядь возьмёт злодей неведомый прицел получше… Я бы, к примеру, точно в пузо вам целил – и мишень крупная, и ежели даже не в самый центр, так и всё одно больно! Ох, покажите мне мазил энтих, я с ними по-свойски покалываю – по гроб жизни запомнят, куда при виде участкового дуло пистолетное себе засовывать следует…

— Вась, хоть ты их угомони, — в отчаянии взмолился я.

Кот поднял на меня горящие глаза и в трёх супервыразительных жестах объяснил, что сейчас выйдет на улицу, найдёт эту стреляющую гангрену и порвёт так, как ни одному Тузику с грелкой и не снилось!

Да, в этом смысле наши стоят друг за друга горой. Как бы мы меж собой ни цапались, но едва кто-то посторонний (а уж тем паче преступный элемент!) оскалит в нашу сторону зубы... Ей-богу, я бы посоветовал ему выбить их собственоручно, что будет менее болезненно, чем это сделает Митька. Да и Яга, как вы помните, инвалидов уже не трогает, но если припечёт... Поэтому, когда все чуточку подуспокоились, бабка взяла мою простреленную фуражку на экспертизу...

— Значится, кто стрелял, ты, Никитушка, и не приметил?

— Естественно, нет. Первый раз пальнули из кустов, за сосновами, кто его знает, какой герой-партизан там прятался...

— Но не Кощеюшка, это точно. — Наша эксперт-криминалистка страстно внюхалась в дырочку от пули. — Не Кощеева рука энтот свинец в ствол совала, не его запах чую, иноземное чтой-то мерещится...

— Минуточку, — нахмурясь, застопорился я. — Что значит — иноземное?! Разве не гражданин Бессмертный являлся к нам на встречу в чёрном балахоне и сапогах? Разве не совпадают эти приметы со следами и внешним обликом того типа, которого я видел ночью и принял за дьяка? Разве не на него смутно намекала всё та же Маняша в случае у колодца, когда некто в чёрном, возможно, подтолкнул меня окунуться в колодец?

— Точно, точно, и я об том же подумал, сразу как увидал морду его преступную! Эх, не дали мне ему в ухо кукарекнуть... а ить такой случай был... теперича жди, пока ещё раз представится. Меня б все честные петухи в энтом начинании поддержали!

— А то, — охотно согласилась бабка, — им, петухам, вмешаться тока дай повод, они и рады горло драть. Да тока ежели вы, сослуживцы, думаете, что энто Кощей по селу в чёрном платье дурью маётся и ночами сыскному воеводе тощий зад кажет, так не смешите зазря меня серьёзную!

— Но...

— Не он это, Никитушка, уж на что поверь мне, старой, не он! Не в его привычках, не в его манерах, не в его замашках злодейских с пистолетом кремнёвым по кустам в засадах ползать. Ты вот вроде про монетку какую-то говорил, ась?

— Да, секундочку, её Маняша нашла, а...

Меня прервал вежливый стук в ворота. Негромко, неагрессивно, но ворота упали...

– Там кузнец пришёл, Маняшин папа, – без особой радости доложил наш младший сотрудник, глянув в окошко. – Небось насчёт дочки вопросы интимные задавать станет…

Я не знаю, что в Митькином тоне мне не понравилось, но выходить за дверь почему-то сразу же расхотелось. Мысль о том, что такой крутой культурист-пауэрлифтер может понять мой невинный поход с его дочкой в лес чуточку превратно… не грела ни капли. Знаем мы этих деревенских, сначала бывают, а уже потом спрашивают. Нет, иногда, конечно, говорят, за что, хотя последнее обычно выражается в общедоступной формулировке, типа «сам знаешь…»

– Мить, – чуть дрогнувшим голосом попросил я, – ты это… сходи, разберись по-вашему, что там, в чём проблема-то?

– На верную смерть посыпаете, – широко перекрестился он. – Однако ж пойду, отчего не пойти? Не за-ради славы ратной али долга служебного, так… Давненько мы с ним силой не мерялись, а повезёт, дык и с тестем будущим поближе познакомимся. Прощайте на всякий случай…

Яга что-то мудрила над моей дырявой фуражкой, зачем-то пытаясь протолкнуть найденную монетку в пулевое отверстие. Снаружи раздались голоса, короткий (вопрос – ответ) диалог, и тяжёлый звук упавшего тела…

– Никитушка, – не отрываясь, бросила бабка.

Я всё понял, встал и пошёл. Ноги были ватными, настроение похоронным, зато уверенность в том, что мой напарник как-то не так попытался разрешить ситуацию, – полновесной, как кулак Майка Тайсона!

* * *

У ворот, виновато переминаясь с ноги на ногу, стоял Маняшин папа. Непривычно тихий Митька безмолвно висел на заборе штанами кверху. Мне это очень не понравилось…

– Гражданин, вы что это себе позволяете!

– Да я… прощенья просим… – Игнат Андреевич со вздохом развёл руками, больше похожими на ковши экскаватора.

– Не понял… Так вы что, пришли сюда вывесить на заборе нашего младшего сотрудника и попросить прощения?

– Я… это…

– Пили?

– После работы и поп не запрещает, а пью оттого, что вдовье мы. Единственная радость – дочь любимая. – Неожиданно кузнец заговорил

длинными предложениями, показывая начитанность и ум, которые всегда трудно предполагать в большом и сильном человеке физического труда. – Я бы на парня вашего отродясь руку не поднял, соображение имею и законы чту. Сам он с глупостями непонятными полез, всё твердил что-то вроде: «А ну, тесть неведомый, посторонись, зашибу!» и «Не бывать двум медведям вокруг одной лебёдушки...». Мне и самому невдомёк, чего хотел? В грудь меня кулаком ударил два раза... зачем? Я и... передвинул его, от греха подальше...

– Тогда уж вы нас извините. – Я смущённо вытер выступивший пот. – Митя в целом хороший, только заигрываетя в непримиримую борьбу с преступностью. Мы его поругаем, он больше не будет...

– Да я и не в обидах, я чего приходил-то... Маняша говорила, будто стреляли в вас сегодня. Так вот, я человека чужого за селом видел. Важно ли?

– Важно, заходите! Пожалуйста, пожалуйста, не стесняйтесь...

– А..?

– А Митя пусть повисит, придёт в себя – поумнеет.

Он ушёл от нас примерно через полчаса. Кстати, Митьку всё-таки занёс сразу и сгрузил в сенях. Наш хитрец успешно притворялся мёртвым, пока Маняшин отец не откланялся. Кузнец действительно принёс важную информацию.

Ему заказывали каминные щипцы и кочергу узорной ковки для мышкинского терема, боярин решил несколько переустроить быт в европейском ключе. А вот возвращаясь домой, он едва не сбил выскочившего на дорогу незнакомца в чёрном платье. Игнат Андреевич готов поклясться, что от неизвестного исходил слабый запах пороха.

Человек в чёрном извинился и быстро скрылся из виду, а за ужином счастливая дочь разболтала папеньке, как она вела взаправдашнее расследование, и там в них с Никитой Иванычём даже стреляли! Кузнец сделал выводы и пошёл к нам...

– Получается, что преступник (предполагаемый преступник!) ходит в чёрном, ростом ниже Кощея, знаком с огнестрельным оружием и...

– Монетка вот, иноземная. – Яга припечатала серебряный кругляш к столу. – Тока чьего государства, не ведаю...

– Тут вроде орёл изображён. – Я в раздумье наморщил лоб. – Значит, может быть, немецкая или польская. А может, и ещё чья-то, надо у Абрама Моисеевича спросить, он ростовщик, он их все знать обязан... Есть ещё что-то по делу о Карге-Гордыне?

– А то нет, – бодро вскинула бровь наша лихая экспертиза. – Уж я-то

на ноги всех подняла: и птиц, и зверей, и гадов подземных-наземных-плавучих, да надобное и выяснила! Тока выяснение для нас не особо выгодное, бают, не победить её нам никак. Кощеюшка-то по молодости ейной да наивности девичьей в гроб её заманил, а ныне она за стока лет... ух, и накопила злобушки, никого не помилует!

– Одна тётка покойная! – недоверчиво влез Митя из сеней.

– Да ежели б покойная, – со значением ответствовала Яга. – Покойные, вишь, так и прозываются оттого, что спокойно лежат. А уж коли и встанут, так им кол осиновый в грудь, да и вся недолга! А энта особа живой захоронена была... Да ёщё один секрет имеется, о котором нас злодей вдовый в известность не ввёл – угадайте-ка?

– Шамаханы, – безошибочно поморщился я.

– Истинно! Прав ты был в прошлый раз, Никитушка, не растёт дитё без матери, не мог один Кощей мощами своими такие орды плодить. Она ему их нарожала, да много-о... Не способом природным, человеческим, а магией древней, сакральной. Оттого-то шамаханы долгие годы мать свою Гордыню более отца почитали. Вот он и не стерпел, зависть его взяла, а может, и перепугался всерьёз, что жена с шамаханами верными сама от него избавится. Ну и... упёк её, знамое дело... От мужиков бабам всегда одни проблемы были. Удовольствию-то, ежели вдуматься, с гулькин нос, а уж забот! Да и удовольствие тоже, баба с вымыслом всегда сама себя и не так приласкает, а куда как заковыристее...

– Бабуль, – опомнился я, – что-то вас явно не в ту степь понесло... С чего бы это?

– Охти ж мне, – краснея, хлопнула себя по щекам Яга. – И впрямь переклинило где-то... а тут ить Митенька-скромник неженатым будет. О чём-то, бишь мы?

– О том, как остановить эту беспокойную красавицу!

– Дык, – снова влез Митька, по-прежнему подавая голос из сеней, – раз Никита Иванович говорит, будто раскоп в горе Проклятой есть, так надо бы его солью сзынова засыпать, и вся недолга!

– Это сделать стоит в любом случае. – Я пометил себе пунктик в блокноте. – Но мы по-прежнему не знаем, куда подевались два местных соледобытчика и кто стоит за «человеком в чёрном». Вырисовывается непонятная заинтересованность некого субъекта (или группы лиц) в дестабилизации российской внутренней политики. Мы имеем на руках практически активированную ядерную бомбу с тикающим таймером. И мне кажется, это дело ёщё только начинается...

– Ровно льдина плавучая, что по-научному айсбергом называемая, а

водится в морях северных, — серьёзно подтвердил наш начитанный младший сотрудник. — Льдины той пока кусок малый над водой и виден, а глыбища подводная, неведомая глазу, в десять раз больше будет! Я к тому, что как ни верти, но ить проблема...

Все призадумались. Время позднее, прошлую ночь мы бодрствовали, как римские гуси, может, спать пора? Я тёр покрасневшие глаза, Яга тоже украдкой позёвывала, и только Митька, резко вскинувшись, вспомнил, что так и не рассказал нам самого главного:

— Да ведь мы ж почитай весь день честь матушкину у хором боярских благородно отстаивали! Уж они нас и взашей гнали, и псами цепными грозились, и пушку на колёсиках к воротам выкатили, и ругали прилюдно словами неприятными... А мы на своём стоим — сей же час выдать сюда дьяка-искусителя! Не обломилося нам... Меня-то гражданин Мышкин в единий миг узнал, да тока в дом не пустил, ибо у меня постановления на обыск не было. Энто справедливо. А тока грустно... Уж ежели мы всегда на законе стоим, так нешто нельзя хоть маленьку поблажечку в виде евонного (закону!) переступления?

— Нельзя, Митя, нам закон особенно переступать нельзя, — сонно ответил я. — В другой раз расскажу почему. А сейчас спать очень хочется...

— Так я и ушёл оттудова, но маменьку родную в засаде оставил. Она кустиком придорожным укрылася, да и бдит! Не уйдёт от нас Филимон Митрофанович...

В дверь забарабанили так, что я едва не свалился с табурета. Что за чёрт, кого несёт посреди ночи? Видимо, Митькина речь убаюкала всех, и даже он сам сопел на лавке, поэтому мне пришлось лично топать в сени, разбираться, кто там, собственно, буйнит. На пороге стоял недавно обсуждаемый дьяк.

— Вот, покаяться пришёл перед смертью. — Лицо гражданина Груздева было невыразимо благообразно, а на правом боку рясы темнело расплывающееся пятно крови!

* * *

Я едва успел его подхватить... Бабу-Ягу, мгновение назад ещё немузыкально прихрапывавшую прямо за столом, неведомой силой поставило на ноги, и она уже расстилала свою шаль на лавке, указывая, куда положить раненого. Тощий служитель культа оказался почему-то невероятно тяжёлым, к тому же, пока я его волок, он за всё цеплялся

лаптями...

– Кидай его на спину, сюда вот, да осторожненько. – Наша эксперт-криминалистка уже мыла руки. – А теперь бери ножи острые, точи топор мясницкий, да самогону ему в рот лей обезболивания ради – давненько я мужикам ничего не ампутировала...

– Бабушка-а! – в один голос с дьяком поразились мы.

– А то ить такой опыт пропадает, – с явной издёвкой добила бабка и успокоила: – Да будет он жить, нам ёшё крови попьёт... Раз сюда добрести умудрился, значит, не столь уж страшно и израненный. Ну-кась, поглядим, чё ему там надырявили...

Рясу пришлось резать, пулевое ранение нашего неубиваемого распространителя скандалов и сплетен оказалось скорее зреющим, чем действенным. Тот, кто хотел убрать дьяка, недорассчитал его худобы. Свинец рассёк кожу под мышкой довольно глубоко, но всё равно в скользящем режиме. Впрочем, сам потерпевший, несмотря ни на что, внаглу отнёс себя к первохристианским мученикам и вёл соответственно...

– Темнеет вокруг, и рожи ваши безбожные в единые пятна сливаются. Вот уже и ангелов пение слышу недалече, и ароматы сада райского разносятся, и верую, что сам Пётр-ключник ворота мне отворит. Скажет не без сочувствия: «Заходи, сын мой, ибо настрадался ты на земле от всяческого произволу, и бит был, и поруган, и осмеян безвинно, а за то вот те пропуск в Царство Божие, нимб симпатишный да лира новая. Бряцай себе в удовольствие, Господу во славу!» Завидно небось, менты беспробудные?

– Никитка, я те самогон для обезболивания принесть велела али для спаивания? Ты ему скока налил?

– Стандартные сто грамм, вот где-то с полкружки...

– Кружка-то полулитровая!

Я пожал плечами. Митька по-прежнему храпел, а дьяк продолжил нетрезво изгаляться так, словно его изнутри наворачивало:

– А ить я Петру-апостолу всё-всё-всё про вас расскажу, не побрезгую! Небось у Всеышнего до вашей милиции руки не доходят, так опосля моих стенаний и он не сдержится. Серу и пепел ниспошлёт он с небес на лукошинское отделение! Гореть вам прижизненно в Геенне огненной за поминутные надо мной извращенчества! Я ваш хоккей энтов зимний и в раю помнить буду! А казаки у «святых отцов» нечестно выиграли, им Шмулинсон еврейский подсужива-ал...

– Никита, я ить и построже могу! Ну куды ты смотришь, он у тебя из-

под руки кружку тянет! Лакает ить, как пёс, без удержу...

– Да я же вам помогаю, бинты держу. Долго ещё эту царапину зашёптывать надо? Может, плюнуть и добить из милосердия...

– Сама себе дивлюсь... Дьяка Фильку лечу! В Лукошкине никому не говори, люди застыдят...

Собственно, вся наша медицина на тот момент состояла из промывки раны, посыпания её какими-то травами и наложения чистой повязки. Плюс бабка ещё и колданула малость, по-бытовому, для обеззараживания, микробов она гасит лихо...

– А уж когда Господь сподобит меня самого на пропуске в райские кущи усадить вместо святого Петра, вот тогда и всплакнут горестно враги мои вольные и невольные! Особливо... особливо... ох, и не знаю даже, дюже список длинный получается... – На этой фразе гражданин Груздев глубоко призадумался, зевнул и уснул сном праведника.

Мы с Ягой молча присели на другую лавку, это вторая или третья ночь без сна?

– Скоро петухи орать начнут. Может, самовар поставить, всё едино не уснём.

– Ничего не имею против, – тупо согласился я.

Мой младший сотрудник и недостреленный дьяк счастливо хранили в унисон.

Итак, новый вопросик – кто стрелял? Случайный охотник? Боярин Мышкин? След от пули был очень аккуратненьkim, значит, скорее пистолет, чем пищаль или ружьё. Снова человек в чёрном? Но кто он и зачем ему эта бессмысленная, на первый взгляд, жертва! И самое неприятное, что ответ практически напрашивался сам собой – стрелял тот, кто знал Филиона Митрофановича и боялся быть им узнанным! На мгновение мне показалось, что я даже готов назвать имя...

– Никитушка, а я вот что не пойму – ежели про энту гору Проклятую вся деревня знает, дак что ж нам-то не сказали?

– Понятия не имею. Но могу догадываться, что им это наверняка и в голову не взбрело. О нехорошем месте известно каждому, но никто не ассоциировал гору с копанием соли, а уж тем более с исчезновением Прохора и Ерофея. По ассоциации – «хочешь быть незамеченным – стань под фонарём»...

– Образ идентифицирован, – важно согласилась бабка; за год нашего общения Яга нахваталась от меня всяких слов и применяла их с хорошей пенсионерской смекалкой. – Я-то, покуда тебя не было, весточку Кощею отправила. Пущай ещё раз придёт на собеседование. Чую, темнит он, на

горбатой козе нас между трёх сосен карусельно катает, и цель у него про то есть, тайная...

– В смысле?

– Охти ж мне, участковый! Своей головой будешь думать, али она у тебя, чтоб туда пироги класть? Ну положим, что за стока лет супруга его, Карга-Гордыня, ненависти да ярости преисполнилась. Но нешто сам-то злодей преступный все годы крючком кружева на продажу вывязывал? И сил, и опыта, и хитрости у него уж как-никак, а всё ж поболее будет! Доведись им всерьёз драться, я б на Кощя последний зуб ставила...

– Так он вроде... не в полной спортивной форме сейчас, – для виду опротестовал я, но внутренне признал сразу – бабка права.

– Мошью ослабел, мяса не нарастил, – согласно отхлебнула чаю моя домохозяйка. – Но ум-то не растерял, а значит, хитрую паутину плетёт... Хочу на нём пару провокаций испытать, авось где да и проколется. Нам с ним честно играть нельзя, а за выигрыш небось никто не поругает.

– Когда назначено randevu?

– Да вечером же, после заката солнечного.

– То есть опять не спим?

– А куды денешься...

...Над пробуждающейся деревенькой взлетел вверх крик первого петуха. К нему мгновенно подключились остальные, старательно перекрикивая друг друга. Вот если бы они меня так будили, я был бы очень недоволен. А сейчас... просто очень устал... глаза пощипывает, и ноги как ватные, может, днём удастся прилечь хоть на пару часов! Должен же кто-нибудь жалеть бедных милиционеров...

Добрый Назим заставил меня выпить на завтрак холодный айран с мелко нарезанной зеленью, и я почувствовал себя значительно бодрее. Митьку всё так же кормили в сенях, дьяка (как тяжелораненого бойца неизвестно какого фронта) перенесли на печь и сунули диетическую тыквенную кашу. Отпетый скандалист материли нас вполголоса, но всё съел и даже выклянчивал у Яги тушёных баклажанов с чесноком. Не дали, это еда для здоровых мужчин, мне самому мало... кстати... и ещё... вот...

– Никитушка, Никита, Никитка-а!

– А? Чёчилось? – Я вскинулся так резко, что едва не прикусил язык. На меня в упор смотрели три пары глаз.

– Да ить спит же на корню ваш филин участковый, – наконец прощедил дьяк и вовремя пригнулся, уйдя от карательной затрешины моего напарника. Бабка сострадательно покачала головой:

– Просыпайся уже, сыскной воевода. Гости к нам пожаловали.

Я честно поплескал в лицо водой и достойно поздоровался с входящим в горницу боярином Мышкиным...

* * *

Афанасий Фёдорович с нашей последней встречи здорово прибавил в весе, но выглядел розовощёко и самодовольно, видимо, деревенская жизнь шла ему на пользу. Первые десять минут говорили практически ни о чём, так, дежурные фразы, приветствия, вопросы о семье, жесты взаимной вежливости. Я с трудом удерживался, чтобы не зевать слишком откровенно, а потом он наконец перешёл к делу...

– В столицу я вернуться хочу, не след родовитому боярину моих кровей по имениям дедовским штаны просиживать. Мы для службы государевой предназначены, Отечеству служить, на том стояли и стоять будем. Дьяк Филька грамотки мои да прошения ничтожные в царёвы бумаги подкладывал тайно. Вроде уж и не гневается отец родной, отошёл сердцем... А чтоб достойно ко двору прибыть, надобно его и какой-никакой услугою порадовать, так вот... я и... думаю, что... а иначе-то... и...

– Ау-у-у! – Я подскочил на скамье, едва не опрокинув на себя чашку с чаем, потому что кто-то больно ущипнул меня за бок. Разноцветные глаза Бабы-Яги были крайне выразительны и полны скрытого подтекста по актёрской системе Станиславского. Я что-то сделал не так!

– Да ить он же опять спит прилюдно, аспид милицейский, – не преминул вякнуть дьяк и на этот раз не увернулся от подзатыльника.

– Н-ничего подобного, – хрипло соврал я, отхлёбывая абсолютно остывший чай. – Я внимательно слушаю и всё помню, но никак не могу уловить, при чём здесь интересы нашего отделения?

Ход беспроигрышный! Этому меня в своё время гражданин Шмулинсон научил, практически час ведя вполне содержательную беседу всего на двух предложениях: «А вам оно зачем?» и «А оно мне надо?!» Мышкин задумчиво откашлялся в бороду и вынужденно пояснил по второму разу:

– Мы ить хоть и на окраине да за забором высоким, однако же не в лесу живём, земля слухом полнится. Говорят, два парня деревенских пропали, да вроде ещё по селу человек в чёрном рыщет, а вчера и выстрелы пистолетные слыхали будто бы... Так вот, скажу прямо, ежели я тебе, сыскной воевода, на человека энного укажу, так... перед государем... слово... дескать, боярин помог... живота не жалея... то... и...

Бабах-дзынь-брям!!!

Кто-то незаметно спихнул со стола самовар, и я вновь оторвал тяжёлую голову от столешницы. Митяй невинно смотрел в потолок, спрятав обе руки за спину. Назим его потом точно убьёт, а что случилось-то?

– Да ить он же и храпеть себе за столом дерзает принахальственno, филин в погонах, – уже не таясь, взвыл Филимон Митрофанович, и на этот раз поймав очередного леща, но уже от Яги.

Я с великим трудом распрямил спину, величаво встал, извинился и, шагнув к бадье с водой, с наслаждением окунул туда голову... Мне заметно полегчало.

– Следовательно, у вас есть проверенная информация? Никаких обещаний заранее дать не могу, но... Диктуйте, записываю!

Я проснулся окончательно. Боярин, как ему и положено по чину, уснащал свою речь кучей высокопарно-словесного мусора («вот чем хошь на себе клянусь»... «да за-ради Отечества»... «чай, в нашем-то роду дураков не бывало»...), а в результате важного сообщил немного, но оно того стоило.

Оказывается, ещё с полгода назад, зимой (отметьте!) мимо его усадьбы проезжал некий иностранец. Остановился на ночлег, разговорились – гость безупречно владел русским и в результате загостился аж дня на три. Уехал сам, когда Афанасий Фёдорович стал замечать некие перемигивания иноземца со своей законной женой.

А вот буквально с месяцем назад он появился снова, один, без кареты, с приклеенной бородой, и предложил выгодное дельце. Дескать, боярин даёт ему жильё и пропитание, а он, используя свои дипломатические связи, возвращает хозяина ко двору. Да не просто, а как былинного героя, победителя страшнейшей нечистой силы, которая вот-вот объявится повсеместно...

Поначалу предложение казалось интересным, но вот когда в Подберёзовку заявились мы (всей опергруппой!), опальный боярин с чего-то струхнул... Якобы указал гостю на дверь и даже пытался задержать, чтобы сдать с поличным. Ну и, естественно, после кровавого боя злодей умудрился сбежать, положив трёх холопов и дав самому хозяину лавкой по голове, хотя тот дрался как лев! Последнее я поставил в скобки как явную ложь...

– Да и Филька вон уже вторую недельку слёзы мои письменно к царю носит. Чё ж мне с иноземцем возжаться? А описать я тебе его примерно опишу, имя назову и... Вот тока куда удрал да где прячется... как бог свят,

не ведаю!

Далее было отмечено, что в речи беглого гостя временами проскальзывал лёгкий немецкий акцент, роста он среднего, телосложения сухого, носит усы и бороду (фальшивые!), глаза неопределённые, бегают, зовут Александром Борисовичем.

– Сашкой я его кликал, он и отзывался. А борода точно не его, ибо за месяц не выросла ни на вот столько, и волос подстриженных дворовые девки не выметали. От людей прятался, даже дьяка избегал, по делам своим незаметно шастал... Ну как что теперь скажешь, сыскной воевода, есть моя заслуга для следствия? Укажешь ли надёже-государю на чистосердечное сотрудничество? Я ить как на духу, сам пришёл, а надо, так и всю челядь свою на розыски подниму... Чуешь ли, участковый?

– Чую, чую, – не совсем понимая смысл, но улавливая общую идею, согласился я. – Возможно, нам понадобится навестить вашу усадьбу, как будем посвободнее... Хочу осмотреть комнату, где квартировал ваш гость. Не возражаете?

– Стол накрою, – важно пообещал боярин и, уже выходя из горницы, сделал пальчиком тайный знак Яге.

Та, опустив глазки, скромно просеменила следом. Я уткнулся носом в записи, дьяк и Митька тихо препирались за моей спиной.

– Не будет вам от нашего отделения никакого служебного расследования, покуда на маменьке моей супружеский долг не исполните как следоват. Два раза! Так маменька говорила...

– Да ить во мне ж слуга сатанаилов стволом огненным дыру вертел, а милиция и в затылке не почешет, и зад не поднапряжёт! Ох, матушки-государыни на вас сей же час нету... Она б тут всем дала... всем показала!

– А вот на государыню таковой поклёт и возводить грехно и безосновательно! Царь узнает, дак собственноручно рожу вашу скособочит, а всё Лукошкино подтвердит, что так и было. И раною своей подмышечной не мельтешите мне под носом, и так дышать нечем... Идите вы к маменьке! Вот ей-богу, лучше вам на неё добровольно сдаться, чем она вас по запаху отыщет да с бою добычей законною возьмёт!

– Митенька-а... соколик ты ясный, голубь сизый, ну поимей же ко мне хоть капельку состраданья. Я ли тебя, сволоту ментовскую, грамоте не учил? Я ли тебя, бугая беспросветного, не поил, не кормил, не лелеял, как мог со скучности средств, но величины желания! А ты мне таковую Сусанну библейскую, от цветущую да десятипудовую поверх хрупкого телосложения кладёшь... Смилиостивись, отпусти душу на покаяние, не хочу жениться-а!!!

...Я не прислушивался особо, ну болтают два комедийных типажа за спиной, что ж, каждый раз оборачиваться? А потом мельком глянул в окно и понял, что вмешаться попросту необходимо. Если я, конечно, дорожу тишиной и порядком в доме...

– Митя, прячь Филиmona Mitrofanovicha под печку. Сюда идёт твоя маман и тащит за шиворот Abram Moiseevich. По лицу видно, разборки будут кровавыми...

– Да, а... – не сразу сообразил мой напарник. – А чего ж нам его прятать? Сдадим маменьке, вот она и обрадуется! Али на Shmuilinsona обменяем, покуда живой... тоже прямая выгода.

– Митя, блин! Да потому, что дьяк у нас важнейший свидетель, которого пытался убрать этот чёрный тип по кличке Александр Борисович. Прячь его, говорю! Мама дня два потерпит...

– Вашему милосердию предаюся смиренно, ввергаясь во тьму египетскую, – фальцетом пропел дьяк, ныряя под печь. Фигушки нам! Сухопарые ноги Филиmona Mitrofanovicha предательски торчали в обе стороны и обрезать их было нечем...

– Мешок! – вовремя сообразили мы оба.

Далее короткая импровизация на гоголевские мотивы, и плотно укомплектованный дьяк брошен в сенях, как куль с мукой. В смысле мешок точно был из-под муки, хотя впоследствии это не сыграло никакой роли...

* * *

– Дома ли хозяева-то? – громогласно донеслось из сеней. После чего, не дожидаясь ответа, крупная женщина головой гражданина Shmuilinsona распахнула входную дверь и шагнула к нам в горницу.

– Где Яга? – широко улыбаясь, прошипел я. Митя пожал плечами:

– Откуль же мне знать, она не докладывалась. Видать, боярина вышла за околицу проводить...

– Ладно, мы сами... Доброе утро, Marfa Petrovna! А мы очень заняты, так, может, вы в другой ра...

Договорить мне не дали, да и когда она кого всерьёз слушала! Такую женщину даже в наш поруб на перевоспитание сажать бессмысленно – разнесёт...

– Суди его, участковый, а то я за себя не ручаюсь, – твёрдо заявила Митина мама, практически швырнув нам под ноги бледнущего, как шампиньон, Shmuilinsona.

– В чём обвиняется? – кротко уточнил я.

– Во грехе! – Такой убеждённости мог бы поразиться и прокурор с восьмидесятилетним стажем. – Меня, порядочную вдову, прилюдно обманул, присоседно обесчестил! Мужа посулил, обманом завёл, словами красивыми запутал, всю душеньку обнадёжил... А женишок-то возьми, да и сбеги!

– Не может быть, – фальшиво ужаснулись мы с напарником, стараясь прикрывать от её горящего взгляда дрожащий мешок, полный дьяка.

– Так, сегодня наутро явился энтот сводник библейский и стал законом Моисеевым у меня яйца требовать! А я ж тока-тока из засады от боярского дома пришла, водицы испить, горбушкой сухой пропитаться, да и дальше бдить неусыпаемо! – Она гордо выпрямилась, посмотрела каждому из нас в глаза, словно подчёркивая значимость момента, и встряхнула Шмулинсоном. – А тут энтот хмырь горбоносый отпиравельства клеит! Дескать, на всё воля Всевышнего, и ежели мне сейчас в супружестве не повезло, дык и у Авраама с Лией тоже не всё гладко выходило... А мне до них что за дело, они не тока евреи, так небось ещё померли давно! Меня-то за каким русским хреном опорочили! Нет ему ни яиц, ни проценту со сделки, а вот пущай теперь сам на мне женится! В качестве компенсации и контрибуции, а не то...

По-моему, даже Митька разинул рот, сражённый тем, что его мама знает такие слова. Думаю, это она у того же Абрама Моисеевича подхватила, но неважно... Важно, что спасти его можно было только одним способом:

– Младший сотрудник Лобов, арестуйте брачного афериста.

– Шо?! – ахнул еврей-гробовщик, представитель масонского меньшинства. – Ви это обо мне и про меня? Митя, скажите в лоб – после того, шо мы с вами совместно пережили, ви тут будете крутить мне руки за спину и бить лаптём по почкам?!

– Попрошу без грязных намёков! – сурово прикрикнул я, изо всех сил стараясь понравиться Митиной маме. Без Яги я её почему-то попугиваюсь. – На вас поступило устное заявление, оснований для возбуждения уголовного дела по статье сводничество и мошенничество – предостаточно. А вас,уважаемая Марфа Петровна, мы благодарим за проявленную бдительность и активную гражданскую позицию. До свидания. Ждите вызова в суд как свидетель и потерпевшая...

– Чёй-то? – не поняла она.

– Домой идите, мама, – попробовал объяснить Митька. – Абрама Моисеевича мы щас по-войскам допросим, протокол напишем, а там ему за

васи обиды лет пятнадцать с конфискацией, за Уральским хребтом строевые сосны валить! Ежели, конечно, государь на плаху не пошлёт...

Шмулинсон икнул, обмяк и, рухнув, закатился под стол. Героическая вдова задумчиво чесала в затылке...

– А за кого ж тогда мне получается замуж идти?

– Ну не за него точно, – поспешил вставить я. – Этого типа мы хорошо знаем, он женат, и у него двое детей.

– Даык... не помеха...

– Кроме того, он иудейского вероисповедания. Вас ни один батюшка не зарегистрирует. Да и что за жизнь с отпетым аферистом? Вы же не пойдёте за ним на каторгу, как жёны декабристов! Пусть человек хоть там отдохнёт...

– Даык... замуж хотелось бы, – капризно поджав губки, вздохнула Марфа Петровна. – Вроде настроилась уже. А ежели этого никак нельзя, так, может, дьяк где-нибудь да отыщется? Хоть и худющий, а всё ж мужчина в доме. Откормлю небось...

– Гражданина Груздева мы поищем. Более того, я даже знаю, где он в данный момент находится. Не волнуйтесь, мы вам обо всём сообщим. Идите к себе, выпейте валерьянки, как только что-то проявится – вас поставят в известность первой...

– Ладно уж, пойду. – Она глубоко вздохнула. (Мы облегчённо выдохнули...) – Сынуля, а чё ты энтот мешок мучной всё задом закрываешь, секретное, что ли, такое?

– Да. – Я пошёл ва-банк. – У нас там труп. Слишком много знал. Не захватите выкинуть по дороге?

– Отчего ж нет, легко!

– ...! – У меня перекрыло дыхание.

В смысле я-то хотел так пошутить, все женщины боятся трупов и уж тем более не забирают их с собой выбросить на полпути к дому в лопухи за окопицей. Она должна была взвизгнуть, перекреститься и сломя голову бежать сплетничать с соседками об ужасах милицейских произволов. Все так делают! Но не эта...

Одним могучим рывком Марфа Петровна забросила мешок с дьяком себе на плечо и ровной походкой отправилась восвояси. Надеюсь, гражданин Груздев терпеливо снесёт всё и сумеет как-то выкрутиться...

– Мить, проследи за мамой. Глянь, куда она выкинет Филиона Митрофановича, подбери, отряхни и тихо, огородами, веди сюда обратно. Мы пока с Абрамом Моисеевичем побеседуем...

– За матерью родной шпионить заставляете?

– Митя, не заводи.

– Вот ведь судьба горькая, доля милицейская, – продолжал он, высматривая курс движения мамани в окно. – На какие только грехи начальство любимое не толкает – и морды бил, и шкафы воровал, и соглядатаем подслушивал, а ноне, вона, какой коленкор выходит... Ниже падать некуда! В монастырь, что ль, от вас уйти?..

– Это риторический вопрос? – угрожающе приподнялся я.

– Исполненный относительности и сарказму, – важно поправил он, вышел из горницы и, прячась за лебедой с васильками, ударился в слежку.

Мы с Абрамом Моисеевичем остались один на один...

– Чую будете?

– Таки да, – подумав, сообщил он. Сунул руку в карман, вытащил тонкую запылённую лепёшку и предложил: – Настоящая еврейская маца. Моя Сара дала мне в дорогу две, на случай, если «дорогой тебе Никита Иванович, шоб он жил стока, скока Мафусайл, скажет, что тоже хочет покушать...». Угощаю!

* * *

Яга так и не появлялась, но в принципе час-полтора мы неплохо посидели сами. С самоваром я управляться умею, чашки-блюдца у Назима всегда вымытые, Васька ещё с вечера умотыльнул знакомиться с деревенскими дурочками, ему тоже надо развеяться. Здесь все ближе к природе и на какие-то вещи смотрят проще, в любом случае ещё ни одной кошке за внеплановый загул ворота дёгтем не измазали...

За чаем мы оба разомлели, а потому все ужасы, которые мне понарасписывал наш главный масон, скорее вызывали сдержанную улыбку, а то и откровенное хихиканье...

– Ой, а может, ви специально подсунули мне этого Еремеева? Я не против, если люди иногда шутят, но он шутит так, шо во мне поднимается против всё! Когда я привёз полную телегу яиц в город, на мой скромный гешефт сбежалось всё ваше отделение! Они хором объявили, шо теперь тоже записались в масоны и хотят взять свой законный процент от продажи Родины! И таки они его у меня буквально взяли... яйцом! Моя Сара успела унести не больше корзинки, и детям его хватило тока на два раза по омлету, без гогель-могелей... Где справедливость, я вас спрашиваю!

Дальше – больше... Лукошкинцы, как я уже не раз упоминал, народ деятельный и социально активный. Утром сегодняшнего дня, с четырёх

часов, то есть сразу после петушиного пения, к дверям Шмулинсона выстроилась длинная очередь с письменными заявлениями – хотим в масоны, раз у них бесплатно яйца дают! Представляете, с каким лицом несчастный Абрам Моисеевич вышел на улицу? Да если б не еремеевские стрельцы, его бы вообще из города не выпустили...

– И таки без яиц уже не впустят!

– А что по этому поводу царь говорит? Вы ведь наверняка к нему наведывались. – Честно говоря, я мог бы вести себя повежливее и войти в его положение, но... Вот ей-богу, так хотелось чуточку повредничать.

– Ах, царь. – Абрам Моисеевич изобразил приступ удущья и боль в сердце. – Ваш... пардон, наш! Наш государь тоже обладает чувством юмора и торжественно пообещал, что сам примет жидомасонство, если я умудрюсь удовлетворить потребности города в тех же (чтоб им пусто было!) яйцах. После этого меня же ещё и поколотили посохами ваши недружелюбные бояре! Говорят, что таки за измену Родине...

– Да уж у меня тоже вечные проблемы с нашей Думой. Ладно, вопрос с заявлением Марфы Петровны мы опустим, но и вы, в свою очередь, завязывайте выбивание процентов с нашего младшего сотрудника. Нехорошо получается, вроде работаем в одной упряжке, а вы со своих же яйца стрижёте...

– Ша! Кое-где ви, бесспорно, правы. Я почти готов раскаяться, но тут есть ещё один момент, и он таки меня щекочет. – Шмулинсон наклонился к моему уху и еле слышно прошептал: – По селу ходят слухи, что где-то тут открылось новое месторождение соли и права на его разработку до сих пор ещё никто не предъявил... Оно так и есть? Ви о нём слышали, щупали, лизнули? И шо, мы с вами даже с этого ничего не поимеем?

– Абрам Моисеевич, у нас много дел. Поверьте, мне абсолютно некогда заниматься всякими глупостями...

– Ви ещё очень молодой человек и не понимаете, что говорите такие недалёкие слова. Дела – это дела, гешефт – это гешефт. Можно решать жутко важные дела всю жизнь и на старости лет есть сухой хлеб, на который так легко мажутся ваши бывшие заслуги. Но хлеб с того не становится вкуснее... Расскажите мне всё.

– Совсем всё?

Старый еврей утвердительно кивнул. Я пожал плечами, фыркнул себе под нос, начал как-то отшучиваться, потом рассказывать и... совершенно незаметно выболтал ему всё. То есть совершенно всё, начиная от первой встречи с Прошкой и Ерошкой, а заканчивая недостреленным дьяком Груздевым.

Шмулинсон слушал просто поразительно! Никаких перебиваний, наводящих вопросов, потери интереса или нити разговора... Только вдумчивый и всё понимающий взгляд глубоких библейских глаз и отеческие морщинки на усталом, высоком лбу. Но самое невероятное, что, когда я закончил, он после минутного размышления деликатно и осмысленно разложил мне по полочкам всю ситуацию!

— Я не хочу казаться слишком умным, поэтому вы сейчас всё поймёте сами. Сейчас вы чётко назовёте мне имя, национальность и род деятельности того скользкого типа, что стоит за всеми вашими нервами. Давайте я даже буду сам загибать вам пальцы. Первое, он знал меня и пришёл портить мне дверь нарисованным знаком масонства. Он помнил дьяка и стрелял в него навскидку. Он был прошлой зимой в этих пенатах и имеет связи при дворе. Он дважды хотел избавиться от вас, шоб ему за это что-то было! А та монета, что вы и мне показали, не немецкая, она австрийская. И его зовут Сашка, Александр Борисович, хотя это явная конспирация, уже тока по буквам шитая белым... Можете закрыть рот, я вижу, как оно до вас дошло, да?

Я сидел перед ним, как самый что ни на есть распоследний русский дурак, и судорожно пытался произнести два коротких слова. Оба были матерными, оба в мой же адрес, поэтому воспроизводить я их не буду. Просто поверьте, что я это заслужил! В нос ударили резкий запах трижды перегнанной валерьянки с полынью на спирту... Я что, впал в столбняк?

— Никитушка, — вернул меня к жизни голос моей домохозяйки, — да ты в себе ли, сокол наш участковый? Али тебя до такого отупения неразумного вот энтот горбоносый лиходей довёл? Тока кивни, я его в сей же миг петухом али курицей оберну, нехай сам для себя яйца несёт!

— Не надо, — кое-как продыхнул я, отодвигая её заботливую руку с пахучей скляночкой в кулаке. — Спасибо вам, Абрам Моисеевич, теперь мне ясно всё...

— Могу рассчитывать за содействие? — тепло улыбнулся он.

— Это уже к Митьке, найдёте, скажите, чтоб вернул сюда дьяка и помог вам по мере возможностей. А мне нужен кот Василий, он сможет сгонять в Лукошкино к царю?

— Ежели тока собака попутная будет, — подумав, прикинула наша эксперт-криминалистка. — Да ты уж не томи меня, Никитушка, тайну следственную раскрыл, что ль? Тады когда злодеев верёвками путлять будем?

— Завтра, — уверенно кивнул я.

И конечно же оказался неправ, но не по своей вине... Боюсь, что во

всей истории отечественной криминалистики не найдётся ни одного реально существовавшего милиционера, который раскрыл бы преступление так быстро, как ему бы хотелось. Вот и в данном случае непредвиденные обстоятельства вмешались в нашу тщательно спланированную операцию и несколько спутали карты. Не фатально, реванш мы потом всё-таки взяли, но... Лучше по порядку.

Итак, короткий экскурс в историю: Алекс Борр, австрийский дипломат, бывший сопровождающий принцессы Лидии Адольфины Карпоффгаузен, политический интриган, дуэлянт, отправитель, преступник с нереализованным комплексом сексуального маньяка. Задержан нами зимой, признан главным виновным в деле об отстреле невест, и как следствие, изгнан из Лукошкина без права восстановления в дипломатической миссии. Если бы Горох не был тогда занят свадьбой, австрийцу грозила бы не высылка, а полновесная каторга! Вот уж никак не предполагал, что он рискнёт так скоро вернуться в Россию...

А он вернулся. И не просто так, типа «ностальгия по русским щам», он пришёл мстить, и не одному мне... Теперь мерзавец решил отыграться на всём нашем государстве в целом. Масштабность налицо, прогрессирует, как юношеский прыщ!

К обеду забежал Митяй, вернул мешок с выброшенным в овраг гражданином Груздевым, быстро стрескал миску армянской пшённой каши с тыквой и творогом, после чего удрали опять. Они там со Шмулинсоном раскручивали старосту на бесплатное (а потому вполне кошерное!) сало. Видимо, с яйцами действительно напряг...

– Филимон Митрофанович, в город мы вас отправить не сможем. Митьку я не отпущу, а без охраны на вас точно нападут ещё раз. Могу предложить койкоместо в углу в сенях либо половину супружеской постели Марфы Петровны, вы чем-то запали ей в сердце...

– Дудки вам! Я уж лучше у боярина Мышкина отсижуся, небось не прогонит...

– Договорились.

– А ту разбойную рожу, что в худобу мою телесную свинцом горящим пуляла, всенепременно найди! Слыши-ка, участковый!

– Всенепременно найду, – честно согласился я. – Поверьте, мне он нужен даже больше, чем вам. Сами дойдёте или проводить?

– Провожали уже, тока руки за спину гнуть и умеете, – привычно разворчался дьяк, но, мельком глянув на посмурневшую Ягу, разом притих.

Сунул горсть колотого сахара в рот и, не попрощавшись, убежал в сторону усадьбы Афанасия Фёдоровича.

Мы с Ягой остались наедине...

– Бабушка, выслушайте меня, пожалуйста. Нет, есть я не буду, сначала расскажу. И чаю не буду! Мы с Абрамом Моисеевичем пили, да полсамовара. А я говорю, что не похудею... и Назим не обидится... и не «хоть одну ложечку за царя-государя»!.. Бабуля-а... не надо на меня так смотреть, я не садист, я... А-а, давайте сюда эту ватрушку!

Моя домохозяйка чётко блюдёт определённые, хотя и безбожно устаревшие традиции – пока не накормит, не выслушает. Можно долго спорить, скандалить, протестовать, даже топать ногами, но пережить умоляющий взгляд Яги – невозможно! Она в этом смысле заткнёт за пояс любого сытого спаниеля, укоризненно молчащего у стола так, что хозяину кусок в горло не полезет... Ассоциация, может, и не стопроцентная, но собаководы меня поймут. Разговор по существу состоялся после двух ватрушек и трёх чашек азербайджанского чая.

Я обстоятельно, подробно и в деталях расписал нашей экспертице-криминалистке всё, что удалось выяснить в последние два часа. И как эта новая информация выстроилась в конце концов в стройную следственную версию. Яга сумрачно кивала, теребила свою бородавку, цыкала жёлтым зубом и в особо напряжённых моментах скрипела костяной ногой. Видимо, и в её голове практически выстроилась своя следственная линия, а мои гипотезы и факты только укрепили её уверенность да заполнили белые пятна. Когда я выдохся окончательно, бабка собственоручно налила мне уже четвёртую чашку и со вздохом уставилась в окно.

– А ить скоро вечер, с погодою повезло, дождичка до конца недели не будет, всем радиулитом чувствуешь. Хоть для землицы лишний раз напиться не помешает, по осени урожай богаче будет... А там, глядишь, и зазноба твоя пожалует...

– Бабуль, вы вообще о чём?

– Об отвлечённом, Никитушка. – Яга по-прежнему не сводила глаз с заоконного пейзажика. – Уж ты прости меня, а тока столь злодейскую подлость нам тут учинил австрияк энтот, снежками недобитый, что меня на мысли о вечном потянуло. Хочу поглядеть, как хлеб растёт, как облака небом плавают, как воробы босоногие в лужах трепещутся...

– Если мы так и будем сидеть сложа руки, то трепыхаться им недолго.

– И то правда. – Бабка развернулась ко мне, и в её глазах загорелись опасные зелёные огоньки. – Значится, предложение моё таково... сей же час мы с тобой, сыскной воевода, в лес пойдём. Хочу сама на энту

Проклятую гору пристально налюбоваться. По закату встречу с Кощеюшкой устроим, уж я на него во всеоружии пойду. Ежели что утаил, скелет недогрызенный, дак пусть на сострадание наше и не рассчитывает – я его сама в единый миг заарестую! Васька!

Кот высунулся из-за печки, скорчил недовольную физиономию и мрачно показал мне пухлый кулак...

– Ничего не попишешь, милай... собирайся в дорогу, седлай какую ни есть псину-кобелину, повезёшь в Лукошкино весточку на царский двор!

– Не на царский, – поспешил поправить я, – а к Еремееву, нам завтра же нужно доставить сюда шесть... нет, лучше десять мешков крупнопомолотой соли.

– Слыхал? – Моя домохозяйка ещё раз понукнула кота, которому явно не улыбалось нестись чёрт-те куда, на незнакомой собаке, в качестве простого курьера. Но пойти пойдёт, никуда не денется, с Ягой шутки плохи... – Записку Фоме Сильчу лично из лап в руки передашь!

– А может, всё-таки и к царю? – всерьёз призадумался я. – Всё равно узнает, так потом обид не оберёшься. Хотя и нужен он нам здесь, как рыбе складной зонтик. В общем, надо как-то поделикатнее...

– Ну уж как решишь, так и напишешь! А покуда скажи, участковый, как преступника международного за химок брать будем?

– Пока не знаю, – пришлось сознаться мне. – Но уверен, если мы не прекратим расследование, он попытается снова устроить покушение на кого-нибудь из нашей опергруппы и выдаст себя окончательно. Придётся побить мишенями...

– Нерадостная перспектива вырисовывается, на старости лет свинцовым пулям лоб подставлять... А ну как не выдержит?

– Понимаю. Самому грустно, но других идей пока нет. По логике, он ведь прячется где-то совсем рядом... Если не у боярина и не в деревне, то где?

– Лес большой, по лету в шалашике жить дак ещё и прохладнее, чем в избе дымной, – уверенно предположила наша опытнейшая сотрудница. – Но чую я, неспроста его до сих пор мальчишки озорные с любопытства не выследили. Схрон у него серьёзный! И кабы не самой Каргой-Гордыней предоставленный...

– Вы думаете, они уже спелись?

Яга значимо кивнула. Потом перевела взгляд в окно и чуть изменившимся голосом произнесла страшное для меня имя:

– Маняша-а... С коровою!

* * *

Я тихо застонал, обхватив голову руками. И ведь не сбежишь уже никуда, потому что буквально вчера она была практически зачислена мною в штат нашего отделения. А мне там и одного Митеньки по уши предостаточно! Слушайте, а может, мне её уволить как-то? Ну за чрезмерно накрашенные губы, непозволительные для скромного имиджа работника органов. Или за неуставной покрой сарафана и отсутствие причёски бобриком... Нет, надо срочно что-то придумать! Или я её уволю, или она меня доканает...

— Здрасте вам, Никита Иванович, отец родной! — один в один помитькински поздоровалась румяная дочь местного кузнеца, с поклоном входя к нам в горницу. — Вот, пришла вечернюю службу нести. Сотрудник ваш младший, что с евреем Моисеевичем сало не получил, дак сызнова начал яйца у людей выбивать, меня к вам направил.

— Слово «яйца» у меня уже вызывает дрожь и икоту, — тихо пожаловался я Яге, в этом было уже что-то фрейдистское. — Хорошо, Маня, а корову вы зачем привели?

— Да как же без коровы-то! — всплеснула полными руками эта красавица. — Ить я ж её, кормилицу, ещё телёнком мокроносым помню, вместе росли, вместе и службу нести будем. Она небось по моей указке любого лиходея — на рога и в речку!

Ах вот оно как... Я-то думал, что чем-то не понравился безмозглой скотине, а она у них дрессированная! То есть специально науськанная топить честных милиционеров в проточном водоёме и загонять на деревья! Судя по всему, это осознание, вкупе с сопоставлением фактов, слишком явственно отразилось на моём лице, потому что буро покрасневшая Маняша сдала задом и уже пыталась удрачить за дверь, но не успела...

— Обеих возьмём, — весомо бросила бабка, практически одним взглядом пригвоздив девицу к порогу. — Серьёзное дело по ночи будет, великий злодей в деревеньку вашу наведается, так надо, чтоб люди верные с коровами обученными в засаде посидели, спину нашу прикрываючи. Не струсишь ли?

— Ни в жисть! — отважно перекрестилась «добровольная народная дружинница».

— Она за Митьку замуж хочет, — полуушёпотом предупредил я Ягу, та понимающе кивнула:

— За него все замуж хотят. Так тем обстоятельством полюбовным и нам

чуток попользоваться не грех... И не спорь со мной, участковый! А ты, девка, за веник берись. Щас я тя сама сыскному делу обучать буду...

– Только корову сначала во дворе привяжите, пожалуйста, – вежливо добавил я.

Счастливая кузнецова дочка, взметнув юбки, ринулась исполнять приказания.

Две женщины в доме, плюс деятельный домовой, да ещё одинокий милиционер, скучающий в разлуке с любимой, – это явный перебор. Поэтому я не мудрствуя лукаво вышел вон, уселся на завалинке у дома, положил себе планшетку на колено и бодренько, эдак минут за десять – пятнадцать, накатал обстоятельную докладную царю.

Всех тайн не раскрывал, вы же сами понимаете, он свой трон не глядя бросит и сюда пешком из бани прибежит – операцией руководить. Нашего Гороха надо знать... С одной стороны, он самодур и бабник каких поискать. С другой (и это куда более важно!), самый прогрессивный царь за всю историю государства Российского. А уж жизнь за опергруппу положить для него вообще – раз плюнуть!

В последний раз я дал маху и сдуру вписал его в штат отделения... Горох и раньше вечно лез к нам с советами и поучениями, а тогда попросту ушёл от молодой жены и всех политических дел в терем Бабы-Яги; надел простое стрелецкое платье и на равных нёс с нами все тяготы и лишения службы. Причём, как бы я на него ни ворчал, дело своё он делал честно, без скидок на возраст, чин и социальное положение...

И вот такому активному государю взять да прямым текстом вылепить, что у нас тут нестандартная ситуация, грозящая в случае выхода из-под контроля погубить весь христианский (а следом мусульманский и католический) мир! Короче, в дружественной, но не фамильярной форме я письменно просил царя срочно отправить мне шесть, а лучше восемь мешков соли. Типа здесь в деревне нам больше делать нечего, как рыжики солить, а их в этом году больше, чем грязи. Если Горох очень занят, то поверит и даст команду Еремееву, если не очень... Ну, есть шанс, что сначала отправит сюда кого-нибудь из бояр, навестить, проверить, доложить. Хорошо бы старика Кашина, этот хоть к милиции нормально относится, остальные любят меня примерно как Буратино касторку...

Готовое письмечко забрал Василий, мрачный до уровня драматического театра. Чёрный бабкин кот пожал мне ладонь на прощание и молча удалился за окопицу, где раздавался счастливый лай – наверняка собачья свадьба. Значит, скакуна он себе выберет на месте...

– Э, участковый, – тихо раздалось за моей спиной.

– Да, во внимании.

Назим из дома выйти так и не решился, домовые этого не любят, а потому, щурясь от солнышка, поманил меня к себе. Я подошёл, жалко, что ли...

– Кота ты отправил?

– Ну, допустим.

– Ты! – уверенно обличил меня домовой, улыбаясь во все великолепные тридцать два белоснежных зуба. – Я сам видел! Я тэбе за такоэ дело спасиба сказать хотел. Вот, гаварю!

– Всегда пожалуйста, – пожал я плечами, внутренне прекрасно осознавая, что никакой благодарности и близко не заслужил. Домовой сделал знак, чтобы я наклонился к нему поближе, и еле слышным шёпотом поведал:

– Назим знает, какую дырка пауки прячут. Хочешь? Скажу!

– Ну и... какую?

– Балшую!

– Да ну?

– Очень балшую! – не замечая моей иронии, продолжал он. – Зыдес, в пэчке! В пэчку палез – в дырка попал. Тебе для следствия очен надо, да!

– Очень, – так ничего и не поняв, важно кивнул я. Огорчать маленького азербайджанского домового было бы просто бесчеловечным поступком.

– А сама дырка для чего?

– Ход! Пряма далеко к гробу.

– Что?! – Я сгрёб его за грудки.

Назим попытался вырваться и удрачить, но я, несмотря ни на что, скрутил этого носатого паршивца и поволок к Яге. Неужели в нашем доме расположен тайный вход в курган, к гробу Карги-Гордыни, а кое-кто знал, знает и молчит?! Но бабка отобрала у меня дымящегося от гнева домового, даже толком не выслушав, и сразу же выпустила на свободу. Тот, естественно, удрачил за печь и больше не появлялся. Я чуть было не обвинил её в измене...

– Вы... вы!

– Ну я, я... дальше-то что?

– Вы бы хоть допросили его...

– Нельзя с ними так, Никитушка, – с жалостливым вздохом объяснила наша эксперт-криминалистка, выходя за мной на порог. – Ить домовой – существо нежное, ранимое, в его сердце сама душа дома обитается. На него и голос-то завышать грешно, а ты руками хапать? Вот уйдёт от обиды, кто тебе тут такую пахлаву слепит!

– Да при чём тут пахлава! Ведь дело не в этом! Он же сказал, что знает про...

– Ну сказал... ну знает... А теперича и мы знаем, да что нам с того знания толку!

– Но... – Я остыл и сел на скамью. Яга права, надо было всё обстоятельно взвесить, прикинуть, сопоставить, а давить на домового с целью выбивания из него секретных сведений, о которых он, по роду своей профессии, вообще не имеет права упоминать... Действительно, глупо получилось...

Сколько помнится, любой домовой как существо, к дому привязанное и за него отвечающее, все домашние проблемы воспринимает как свои личные. Домовой не любит беспорядка, свинячества за столом, ругани в семье, крика на детей, а если его стараний или обид никто не замечает, может совсем развернуться и уйти. Что показательно, в дом, откуда ушёл рассерженный домовой, другой домовой никогда уже не вселится. Всё-таки какой-то тайный профсоюз у них точно есть...

– Бабушка, а вы поговорите с Назимом? Успокойте его, пусть не очень сердится, я даже готов принести личные извинения...

– Ладно уж небось придумаю чего, задоброю страдальца от милицейского произволу, – игриво усмехнулась Яга. – А ты давай в дом иди, вечер уже, попрохладит скоро. Маняшу я за Митенькой отправлю, пущай разок-другой вместе походют. Глядишь, хоть присмотрются друг к дружке как следоват...

– Ну если мы ещё и этого маменькиного сынка женим, у вас терем от перенаселения рухнет. Вы ведь не позволите, чтоб он ушёл неизвестно куда, жить своим домом...

– Знамо дело, не позволю! Он мальчионка молодой, неразумный, она и того пуще, темнота деревенская, где уж им, без присмотру-то... – начала было бабка и осеклась. Посмотрела на меня с непонятной обидою, шмыгнула носом, потом махнула рукой и вернулась в дом, давать указания кузнецовой дочке. Да нормально всё, поворчит и успокоится...

Что-то, кстати, часто на меня тут все обижаться стали: и Митька, и бабка, и домовой, ещё и кот Васька (типа я его в город погнал), а в городе царь, которому поучаствовать не дали, и государыня (за царя!) и... да мало ли желающих найдётся. Самому, что ли, на всех разобидеться? Я тоже имею право! И, может быть, даже большее, чем у них всех...

С невестой разлучили, отпуск испортили, коровой затравили, фуражку продырявили, про нервы вообще молчу... А может, плюнуть на всё и пойти прогуляться до встречи с Кощеем? Коварного австрийца я не боялся, после

неудавшихся стрельб вряд ли он рискнёт сунуть нос в село... За околицей меня привычно встретила бодрая частушка:

Кроет тётя Марфа всяко
Недостреляного дьяка.
А он и рад стрелятися,
Тока б не венчатися!

Я дослушал, покачал головой, даже улыбнулся и продолжил путь. Потом меня ёщё облаяли собаки и... собственно, на этом всё. В смысле, всё хорошее на этом кончилось...

Во-первых, идея поздней прогулки оказалась не ко времени. Я имею в виду историческую эпоху: ни одного фонаря, уличное освещение – ноль, а в окнах тоже свет не горит, ибо нормальные крестьяне ложатся и встают по солнышку. Поговорить не с кем – Шмулинсон наверняка давно ушёл, а Митьку не доорёшься, да и незачем по ночи народ милициейскими воплями пугать. На всякий случай дошёл до дома кузнеца, предположительно целующуюся молодую парочку у забора не обнаружил и развернулся назад. Короче, именно тут меня и остановили...

* * *

– Вот мы и встретились, сыскной воевода. – Из темноты на освещённый луной пятак шагнула долговязая фигура в чёрном балахоне.

Я, кажется, говорил, что Алекс Борр не сунется в село? Так вот он-то действительно не сунулся, а гражданин Бессмертный... Предо мной собственной персоной стоял сам Кощей, и подозрительный вид его не оставлял ни малейших сомнений в его же намерениях. То есть они явно были самые дурные...

– Это ж надо, какое везение нежданно-негаданное! Иду себе на встречу с врагами заклятыми, милицией лукошкинской, во второй раз шапку ломать, шею гнуть, через свою гордость перешагивать... Ах, глянь-поглянь, да тут сам участковый, один на один, посреди ночи тёмной приключения себе на ягодицы ищет... Ну дык, считай, нашёл!

Я не мешал ему выговориться, пусть, понятно, что у мужика давно накипело. Пока болтает – не убьёт, факт многократно проверенный историей международной криминалистики. Меж тем отпетый злодей сунул

руку за пазуху, извлёк широкий мясницкий нож с каким-то лопатообразным лезвием и упоённо помахал им у меня перед носом:

– А ведь ты не думал, не гадал, ищёйка служебная, что так расплата близка и так бесславно смерть твоя проявится. Уже небось и свадьбу с Олёнкой-бесовкой затеяли? Нешто Яга предательская тебе, щенку недоношенному, не сказала, что всяк, супротив меня идущий, долго на этом свете не жилец?

Я начал медленно, молча и осторожно отступать вдоль забора. Звать на помощь было рискованно, а судя по тому, с какой лёгкостью Кощей размахивал здоровущим ножом, сил у него вполне хватит на трёх таких участковых, как я, и никакое самбо не поможет.

– Эх, да ты, видать, на подмогу чью надеешься? Так я тебя и тут не обрадую – Митька твой да бабка-отступница с девкой новою в избе сидят, планы на меня строят, твою милость дожидаются. Ни царя, ни стрельцов еремеевских здесь нетути, а петухам ещё спать да спать...

Мне не оставалось ничего, как продолжать плавное скольжение спиной вперёд, покуда сзади не оказался проулок, куда я, развернувшись, рванул на третьей космической скорости. Бежал недолго, потому что быстро, и в результате едва не выломал головой дверь кузнецовой бани. Внутри была, естественно, жуткая темень, но мне удалось кое-как нашупать деревянную скамейку и попытаться прижать ею дверь. Невеликая защита, и всё равно лучше, чем ничего. Я выдохнул, привалился к скамье спиной и замер – буквально в полумetre от моего носа светились круглые зелёные глаза, и почти винни-пуховский голосок ворчливо потребовал:

– А ну пошёл вон, невежка, из моей бани!

От шока я повиновался беспрекословно. То есть почти повиновался, но, спохватившись, столь же быстро развернулся назад и честно выдохнул:

– Не могу...

– Ах, так тебе помочь! – угрожающе пробасил голосок, и я почему-то сразу понял, что его обладатель сможет не только шутя выпихнуть меня наружу, но и давать по шеям в назидание.

– Но я действительно не могу!

– Почему это?

– Потому что там...

Объяснить толком мне не дали, так как снаружи раздались скрипучие шаги, к баньке вальяжно подошёл Кощей. Он демонстративно принюхался, хохотнул утробно и тихохонько постучал пальцем в дверь:

– Вот ты где, сыскной воевода... Неужто думал успеть перед смертью в баньке попариться! Ну да я тебя и немытого убью, не побрезгу...

– Теперь понимаете? – сипло выдохнул я неизвестно кому.

– Угу, – мрачно буркнул тот, кто сидел в темноте, и его зелёные глаза сузились до двух сияющих полосок. – Из-за него, стало быть, выйти не можешь?

– Именно, – признал я и, не удержавшись, спросил. – А вы кто?

– Я-то... я, мил-человек, банник здешний буду. За порядком слежу, огонь сторожу, угару не допускаю, за то мне в ночь и водицу с веничком в бадье оставляют – париться да за банькой приглядывать...

– А ну выходи, выходи сам, пёс трусливый участковый, – продолжал изгаляться гражданин Бессмертный. – Уж сделай милость, не откажи, не заставляй дверь пальцем ломать... Прими с честью смерть позорную! Али ещё на кого надеешься?

– Так ты – участковый? Никитка, что ль? – Голос банника резко сменил тон на вполне уважительный. – Наслышен о тебе, русалки не один раз трепались... Бедовый же ты парень, коли на тебя сам Кощей зубьями скрипит!

– Знаете, я пойду, наверное. – Когда глаза кое-как привыкли к темноте, я понял, что передо мной сидит совершенно голый старичок с длиннющей бородой, а сам росточком едва ли не с кошку. – Он действительно сейчас начнёт тут всё ломать и...

– И что с того?

– Ему нужен только я...

Словно бы в подтверждение моих слов злодей просунул пальцы в щель у косяка и одним неуловимо лёгким движением просто вырвал дверь!

– Мою баньку ломать! Убью гада... – тихо пообещал банник и, прежде чем я успел вмешаться, ринулся в бой.

Кощей, наверное, так и не понял, кто на него напал, но результат драки был предрешён... Я ни за что бы не поверил, что маленький, гневный дедок способен ТАК отволтузить самого крутого преступника современности. Он катал его пинками по двору, бил лбом о порог, пересчитывал зубы, лупцевал пустой бадьёй куда ни попадя, не давая ни секунды на передышку, да ещё отчаянно матерясь прямым текстом! Разумеется, Кощей был выше, тяжелее и сильнее, но он настолько уступал баннику в скорости, что не имел ни малейшего шанса даже на ничью...

– А ты шёл бы домой, Никита Иванович, – донёсся до меня ворчливый голосок, – своими ногами шёл, не лез под горячую руку! Да и Яге поклон передай, давненько мы с ней не виделись.

Не знаю, кто как, но я побежал. То есть козырнул, конечно, на прощание спасибо сказал и бежа-а-атъ... Уложился во что-то очень близкое

к олимпийскому рекорду. Через бодливую корову во дворе, например, просто перепрыгнул. В горнице Яга, Митька и Маняша уставились на меня с самыми недовольными физиономиями...

— Где ж ты шастаешь, сокол ясный? Ить вот-вот преступный гений наш пожалует, а тебя всё нет как нет!.. Хоть и злодей Кощеюшка, однако ж и перед ним опаздывать неудобно будет. Нехорошо получается...

Я не отвечал, я пытался отдохнуть. Бабка переглянулась с остальными и допетрила:

— Уж не случилось ли чего? На тебе ж лица нет...

— Да так, знаете ли, ничего особенного — повстречались с гражданином Бессмертным на углу возле дома кузнеца...

— Ах... — сказали все.

Я выдержал паузу и продолжил:

— Ну он, естественно, сразу — морду кирпичом, угрозы, понты, распальцовка, ненормативная уголовная лексика... Финку нехилую достал, типа живота попишу, кровь пробирками, кишки на выпас, и всё такое... А я как развернусь, как предприму тактическое отступление... в баню!

— Ух... — Теперь все явно восхищались моей догадливостью и отвагой. Приятно-о...

— А в бане сталкиваюсь с одним зеленоглазым дедушкой, голым, как Аполлон, но с бородой. То да сё, познакомились, разговорились, вспомнили общих подруг. Он, видимо, много лет в Китае прожил, боевыми искусствами занимался. Вам, кстати, бабуля, поклон просил передать...

— Ой, — стыдливо опустила ресницы моя домохозяйка. — Дык это ж... по молодости тока... чем уж ни занималась...

Больше я рассказать ничего не успел — в окошко постучали, и через мгновение битый-перебитый Кощей рухнул к нам в сени!

— Услыхал Господь молитвы милицейские, — упоённо пустил счастливую слезу Митька, первым сориентировавшийся в ситуации и кинувшийся «вязать злодея».

Краснея от счастья лицезреть такого жуткого преступника, Маняша рванула на подмогу, и мы с Ягой уже не вмешивались. На пару эти два старателя так упутали бедолагу, что гражданину Бессмертному позавидовала бы любая мумия. Только после этого они торжественно внесли его в дом, прислонив к тёплой печке...

* * *

Наша бессменная глава экспертизного отдела, притворно вздохнув, сунула под нос кровному врагу свою знаменитую полынно-валериановую скляночку с противно пахнущей жидкостью. Кошечка с наслаждением (!) два или три раза втянул ноздрями воздух, улыбнулся щербатым (!) ртом и открыл глаза. То есть один левый, правый от фиолетового фингала заплыл окончательно.

– Обскакал ты меня, участковый... Вместо себя банника подсунул, ловкое дело... И не стыдно, поди?

– А неча было Никитушке мокцион портить, – спокойно ответствовала Яга. – Сам кругом виноват, уж как высоко камень вверх ни бросай, а он всё одно на голову падает. Заявление с повинной принёс?

– Я – в законе... – нагло ответил пленник. – А вот вам победу торжествовать недолго осталось. Чую, скоро-скоро выйдет на свет Гордынюшка, а уж тогда не один я кровушкой умываться буду...

– Митя, – обернулась бабка, – ты бы взял оглобельку покрупнее да посторожил двери снаружи. Не ровён час, стрелок австрийский пожалует, а нам преступника допросить надобно...

– Так чё ж, мне снаружи торчать? Ить оглобля в энтом деле наипервейший аргумент! – нарочито обрадовался он, прекрасно зная, что всё равно выгонят. – Я б ему где в лоб, где по лбу, где прямо с заду, где поперёк с переду – освежения памяти и лёгкости языка ради...

– Иди, касатик, иди. Да девицу красную с собой прихвати. Поучи её вокруг дома дозором служебным прохаживаться. Так, чтоб и шаг строевой, и носок тянула, и грудь колесом, и дубьё на плече несла со значением, но не без грации...

Против такого наш герой устоять уже не мог – тут Яга купила его с потрохами – кто ж откажется поизображать генерала, обучающего новобранца! Ну а Манечке, как вы понимаете, вообще сегодня не день, а сплошной гавайский Новый год. Девка, не помня себя, захлопала в ладоши, прыгая на одной ножке, а потом резко кинулась к бабке с поцелуями. Разва два (а то и три!) точно успела чмокнуть, пока Яга не вырвалась.

– А теперича прикрой дверь поплотней, Никитушка, да окна занавесь. Ведь собиралась я ещё днём на Проклятую гору сходить, да не сходила, провозжалась с девчонкой глупой. Ну а чтоб время потерянное возвратить, мы с тобой серьёзным делом займёмся – Кошечка пытать будем!

– Святой водой на морозе обливать или иконами по голове? – деловито уточнил я.

Бабка всерьёз задумалась, надолго, достаточно для того, чтоб болтливый урка ощутил нервное беспокойство...

– Можно ещё мордой в улей или по-китайски – снять штаны и на муравейник!

– Энтим его не проймёшь. Щекоткою разве... Да ить тока энтот охальник на всю округу хохотать начнёт голосом дребезжащим! У коров молоко пропадёт, бабы раньше срока родят, куры нестись перестанут, кто ж нам такое безобразие простит? Тоньше надо, мудрёнее, уж я небось придумаю...

– Эй-ей, – почему-то забеспокоился связанный преступник, – может, я и без того на все вопросы ответить хочу и к сотрудничеству склонен? Вы ж ещё и не спрашивали...

– В самом деле, – счёл я своим долгом сменить позицию. – Давайте хоть спросим что-нибудь для начала, а если откажется отвечать – тогда в курятник, к петуху на перевоспитание?

– О! – значимо вскинула узловатый палец вверх наша эксперт-криминалистка. – Про курятник энто ты хорошо придумал, правильно вас в милиции учили.

– Вот только не надо... не надо тут думать, что я от страха перед петухами сам вам песни покаянные запою. А ну спрашивай, спрашивай давай, участковый!!!

– Не орите, люди спят, – аж пригнулся я, потому что Кощя явно переклинило. Наверное, банник всё-таки отстучал ему что-то в голове... – Вопрос первый: где братья Бурьяновы? Не делайте удивлённое лицо, вы знаете, я уверен.

– У Карганы в истуканах служат, – нехотя признался гражданин Бессмертный и, не дожидаясь курятника, неожиданно поведал совершенно откровенную и логически выверенную линию собственного злодейского замысла.

Итак, для начала – Кощей и Алекс Борр знали друг друга! Впечатляет? Меня впечатлило, хотя если вспомнить, какая у него на Лысой горе картотека на мировой преступный элемент... Только коварный австриец, для виду согласившийся отомстить нашей опергруппе, каким-то образом вызнал про курган с гробом жены своего нанимателя и повёл собственную игру.

Ему действительно было мало отыграться на нас, он хотел спустить многолетнюю ярость заживо погребённой женщины на всю сказочную Россию! Гражданину Бессмертному наверняка пришлось бы искать спасения в эмиграции, так что наёмник и работодатель вполне могли поменяться местами.

Идея масонского заговора принадлежала именно Кощею, но когда он

понял, что Алекс Борр подключил Шмулинсона лишь для прикрытия своих дел в Подберёзовке, то было уже поздно – пообтесавшийся в деревенской среде интриган дал наводку на Проклятую гору братьям-близнецам. Они начали рыть соль, и бессмертный злодей вдруг почувствовал, как его подставили.

– Итак, вы утверждаете, что они оба внутри кургана? Но я там был, ход никуда не ведёт, или они прошли сквозь соляную стену?

– Втянула она их, дыханием волю перекрыла, а может, и до смерти довела... Она своей силы не соизмеряет, ей всё развлечения подавай. Да чтоб с кровью, слегка прожаренные...

– Как её можно остановить?

– Про то не ведаю, – хмыкнул преступный муж. – А коли знал бы, так на кой хрен мне к вам на поклон идти было бы!

– Что, совсем-совсем не ведаете?

– В книгах неписаных сказано, что-де остановить Каргу-Гордыню можно землёй и водой, солнцем и луною... Да тока я таких сил не имею, может, твоя милиция супружнику мою полумесяцем по маковке шарахнет?!

– Ну ты не грубиянничай тут! – строго перебила Кощя бабка. – То, что сам к нам пришёл, энто правильно. А вот на участкового зачем с ножом злоумышленничал? Ить тока он тебя от бывшей жены защитить и старается...

– Дурная привычка... Могу извиниться, хотите?

В принципе ничего более весомого нам из него вытянуть не удалось. Видимо, он действительно не знал больше. Всё вышесказанное, конечно, стоит обдумать и взвесить, но я так понимаю: времени маловато, придётся действовать наугад, как интуиция подскажет.

– Митя-а! – проорал я, высунувшись в окно.

– Здесь! – Над забором разом возникли две одинаково взъерошенные головы. Дозором они вокруг избы ходят, ага...

– Задержанного отнесите подальше, складируйте в какой-нибудь сарай и марш обратно за дальнейшими указаниями. Главное, быстро! Нам надо хоть немного выспаться – завтра у всех будет тяжёлый день... Задание поняли? Вопросы? Выполнять!

Если бы я только знал, насколько тяжёлый... Во-первых, утро началось с бабьего воя. Выла кузнецова дочь Маняша, которую Митя самочинно отрядил сторожить Кощя, которого я велел сторожить Митьке лично! Под утро этот многоопытный каторжник жалобно попросил «водички напиться», а эта дура послушно сбежала и принесла...

Вот ей-богу, словно она у себя в деревне отродясь русских народных сказок не читала! Напившись, гражданин Бессмертный резко обрёл силу, махом порвал все верёвки и сбежал быстрее паровоза. Хорошо хоть девушку не тронул, торопился уйти до петушиного крика...

Во-вторых, только-только мы кое-как успокоили воющую от обиды Маню, как на наш двор явилась представительная делегация новообращённых «жидомасонов». Главенствовал незабвенный Абрам Моисеевич, а с ним на телеге, доверху гружёной солью, заявился и Фома Еремеев с тремя нашими стрельцами. Царя ещё не захватили, уже спасибо...

Зато с ними прибыл наш кот Вася, который резво дунул в избу – проверить, на месте ли Яга, а назад вернулся уже с Назимом. После чего эти два «товарища по несчастью» куда-то быстро умотыльнули, но вернулись тоже быстро, с одним мешком на двоих. В мешке явно был кто-то живой... Когда я сунулся в дом за объяснениями, они уже на пару запихивали в чугунок вырывающегося ворона Кощея!

– Чиво смотрышь? Дичь варым!

Бедную птицу я успел спасти. И не потому, кстати, что питаю особые пристрастия к пернатым, а из жалости – всё-таки говорящий... Но крылья они ему помяли здорово, ворон ушёл по тропиночке пешком, заикаясь и матерясь...

Яга поспешила отвезти меня в сторонку: надо было успокоиться и на холодную голову скорректировать общий план действий для всех. Коротенько посовещавшись, мы приняли решение разогнать народ по делу, кого куда...

Маняша повела за собой Фому и наших стрельцов с телегой – забить солью проход Карге-Гордыне. Когда я им именно так и озвучил задачу, покраснела только кузнецова дочь, а стрельцы заржали в голос, словно я сказал что-то двусмысленное.

Митя, обливаясь слезами, божился, что он (как всегда!) ни в чём не виноват. Типа раз девица ещё более младший сотрудник, чем он, то с неё и спрос, а ему куда более важное дело выпало – мой сон от петушиного крика сторожить! В качестве ощутимого наказания мы заставили его вернуться к родной маменьке, организовывать очередную засаду на беглого дьяка. Хотя, на мой взгляд, жених из гражданина Груздева хуже, чем из соломы гвоздь, но, возможно, я слишком придирчив. Марфе Петровне-то он, например, явно нравится...

Разнарядку Шмулинсону дать не успели, тот мгновенно слинял, седьмым чувством почуяв, что его тоже к чему-нибудь припрягут. Мы

отправили за ним кота Василия, наверняка Абрам Моисеевич уже пасётся в чьём-нибудь курятнике. Либо у него пунктик на яйцах, либо это всё-таки бизнес.

Жаль, позабыл поинтересоваться у Еремеева насчёт этой идеи с массовым вступлением в масоны. Сами парни до такого чёрного юмора додумались или подсказал кто? Скорее всего, сами, народ у нас в Лукошкине ушлый, абы куда толпой не сунутся, а если уж сунулись, значит, имеют интерес. Причём не обязательно материальный, им важнее, чтоб «для души»... Ох, что-то заболтался я, отвлёкся на посторонние моменты – давайте лучше вернёмся к делу.

* * *

Я распахнул дверь в горницу, где застал уже знакомую картину. Бабка, раскинув руки, пластом лежит на лавке, а громадный чёрный паук сидит у неё на груди, зловеще шевеля лапками. Как она их вообще терпит?

– Никитушка, – осторожно подала голос Яга.
– Всё, всё, ухожу, не мешаю...
– Никитка, стой!
– Не понял, какие-то проблемы? – чуть удивился я. Наша эксперт-криминалистка жалостливо вздохнула и еле слышно прошептала:

– Спасите, сослуживцы!
– В каком смысле спасите? От кого? – искренне недоумевал я. – От паука этого, что ли? А разве у вас с ним не совещание?

– Христом богом молю... дубина! Прости меня, Господи...
Я пожал плечами, шагнул вперёд, протянул к пауку руку и... сразу её отдернул. Подлое насекомое в ответ на мою предполагаемую агрессию распахнуло пасть, полную жутких зубов, всерьёз угрожая нашей бабуле. Пришлось изобразить временное отступление, одновременно шаря по избе в поисках чего-нибудь тяжёлого. Первой попалась табуретка, я прикинул её вес, чтобы примерно соразмерить силу удара.

– Не надо, – тихо прошипела Яга. – У меня грудь слабая и рёбрышки не железные...

Я поискал ещё, нашёл утюг.
– Никитка, ты уж энтим чугуном меня сразу в лоб бей, чтоб не мучилась... Побольше ничего нету?

Мой взгляд упал на топор для колки дров, скучающий в углу. Глаза бабки округлились логической догадкой, если она и хотела что сказать, то

от ужаса уже не могла – горло перехватило. Я мысленно перекрестился и потряс головой, выгоняя из неё остатки раскольниковских видений. Надо что-то делать!

– Может, на него корову науськать? Она всё ещё стоит у нас там на дворе...

Ей-богу, ни одна нормальная мысль просто не приходила, все – идиотские. Поджарить его? Сдунуть чем-нибудь? Смыть в унитаз? А вот это может и сработать...

Я сделал вид, будто бы демонстративно умываю руки, а сам, резко развернувшись, подхватил бадью с водой и махом выплеснул на бабку! С лавки смыло обоих... в смысле и паука, и нашу бессменную эксперта-криминалистку. В принципе после такого меня могло ожидать одно – превращение в головастика минимум до завтрашнего утра!

Но Яга пулей выскочила из-под лавки, мокрая как мышь, выхватив у меня ту же бадейку и насмерть забила ею нахлебавшегося паука. Бедняга даже не успел оказать сопротивление или сделать ноги...

– Спасибо тебе, соколик, – едва ли не в пояс поклонилась моя мокрая домохозяйка. – Смикитил ты, что к чему, да и избавил меня от укуса злодейского.

– Паук был кем-то подослан? – Я напустил на себя горделиво-невозмутимый вид, хотя колени ещё чуточку дрожали.

– Не-э, – отмахнулась Яга, – паук местный, тока отступник он. Видать, решил, что тайну паучью людям знать не положено, да и переусердствовал слегка в служебном долге.

– А какую, собственно, тайну? – хмыкнул я. – То, что они охраняют вход в курган, куда мы можем попасть подземным ходом прямо из этой избы? Так это, знаете ли...

– Не спеши, участковый, – строго оборвала меня бабка. – Домовой тебе по секрету выболтал, что к гробу жены Кощеевой проход есть, за что теперича в подполе голову пеплом посыпает. Опомнился... Да тока с какой энто дедукции ты решил, что ход энтот под землёй пролегает!

– Ну... а... – Подумав, я быстро прикусил язык. В этом сказочном мире возможно всё и всякое, поэтому действительно не стоит спешить с выводами.

– Давай-ка, тащи дрова, будем петь топить, – со значением протянула Баба-Яга, и глаза её горели очень странными огоньками. Плохой симптом, но куда денешься...

...Пока пламя разгоралось, наша старушка, переодевшись в сухое, встала у печи с лопатой и велела мне слушать её очень внимательно:

– Как в курган могильный попадёшь, зазря не зевай и ничего не трогай. Карга-Гордынюшка в гробу прозрачном почивать будет, а гроб тот из цельного куска соли вырезан. Так ты времени не теряй, на красоту её девичью не любуйся, а найди на стенке ключ хрустальный, да и разбей его на мелкие кусочки!

– Вошёл. Не смотрю. Не трогаю. Нашёл ключ. Разбил, – дотошно конспектировал я. – А от чего ключ?

– От гроба ейного. Информация точная, паучими сведеньями наполненная. Как тока ты тот ключ расколотишь, уж ничем тогда замков гроба солёного не растворить!

– Больше вопросов не имею. Готов выдвигаться в указанный пункт.

– Вот и ладушки. – Бабка отодвинула заслонку, взялась за большую деревянную лопату и кивнула: – Садись.

– Куда? – сипло пискнул я.

– Дык на лопату же, – чуть досадуя, пояснила Яга. – Уж небось силёнок старческих ещё достанет – одного добра молодца в печь наставить. Опыт-то не раздаришь, не пропьёшь...

– Бабуля! Вы в своём уме?!

– Никитка, да ты никак решил, что я тебя сжарить решила?! – поражённо вскинула бровушки моя домохозяйка. – Это ж сколько мы с тобой лиха хлебнули, сколько дел расследовали, скольким злодеям на хвост наступили, а ты ко мне с недоверием... А ну садись на лопату!

– Во-первых, там огонь. Во-вторых, я туда не полезу. И в-третьих, я так компактно не свернусь, – в отчаянии взывил я, потому что бабка была абсолютно неумолима!

– Никита, не серди меня лучше – лезь на лопату, да и в печь! Ты и мигнуть не успеешь, как в кургане потаённом окажешься. Даже уши не опалишь...

– Ни-за-что!!!

– А как же долг служебный, милицейский? – пошла давить на совесть Яга. – Али не сказали тебе русалки, али сам Кощеюшка не поведал, что со всею землёй будет, когда зараза эта пагубная из своего могильника выползет... Ну так что? Или скидывай погоны, раз ты сам такой милицейский оборотень! Или в печку... Решай...

– В печку, – подумав, насупился я. – Но если со мной там что... я вас вовек не прощу! Потому что даже жениться не успел...

– Успеешь, женившись, – тихо бормотала Яга, помогая мне по-узбекски скрутить ноги на лопате. – Ещё небось спасибо скажешь за такую закалку экстремальную перед жизнью семейной. Ну, готов, что ли? Фуражку-то

сними!

– Готов. – Я прикрыл головным убором лицо от бьющего жара. Ботинки скоро начнут тлеть, поскольку шнурки уже явно дымятся...

– Всем стоять, одно движение, и я стреляю!

В распахнувшееся окно беззвучно скользнул воронёный ствол пистолета. Мы обернулись, Алекс Борр встретил нас самым презрительным взглядом:

– Вы не успеете её остановить. Слезьте с лопаты, герр Ивашов, или я застрелю вашу заботливую гроссмутер...

Я тихо кивнул, но, прежде чем успел осознать происходящее, твёрдая бабкина рука мигом спихнула меня в ревущее жерло печки!

– Давай, Никитушка! – донеслось вслед, сливаюсь с грохотом выстрела.

* * *

Оранжевое пламя объяло меня со всех сторон... Потом была мгновенная тьма, колючая и настолько плотная, что сдавило виски. Я ощутил себя летящим по металлическому тоннелю, где в конце кое-как брезжил свет. Долетел до этого места быстро, а попал в результате в настоящий морозильник. Сейчас попробую расписать интерьер в цвете.

Ну, довольно большая сводчатая комната, ходить можно, не пригибаясь, но с осторожностью – весь потолок в качающихся сосульках соли, острых, аж жуть. Полы словно стеклянные, скользкие до невозможности и отражают всё, как зеркала. Освещение довольно яркое, причём источник света один – гроб.

Да, да! Посередине комнаты, на резном постаменте покойится прямотаки классный гроб! Других слов не нахожу... Выдержаный классический дизайн, благородная резьба, минимум украшений, никакой попсовой вульгарности – полное соответствие качества самой идеи погребения. Ей-богу, в такой гроб даже я сам лёг бы с видимым удовольствием! А вот по обе стороны от него, сзади, стояли две фигуры, которые мне совсем не понравились...

Братья-близнецы Бурьянёвы – балаболы и шалопаи, неудавшиеся торговцы дармовой солью, по глупости попавшие под влияние дурного человека, а в результате окаменевшие здесь навеки. Оба парня стояли, вжалвшись спинами в стену, их тела были покрыты тонким слоем соли. Чинно склонив голову, я опустил глаза, постоял так не больше минуты и подошёл поближе к гробу. Итак, первопричина всех наших несчастий в

нём. Точнее, в его содержимом. Ну-ка, ну-ка, посмотрим, чего они нам сюда насовали...

– Да-а, – невольно вымолвил я, не в силах сдержаться. – У гражданина Бессмертного в определённых вопросах вкус есть. Однако какой же характер должна иметь женщина, чтобы от неё, при ТАКОЙ красоте, предпочли всё-таки избавиться!

Бывшая жена Кощея была немыслимо хороша! Я не видал подобной красоты даже на глянцевых обложках зарубежных журналов, все супермодели мира не годились ей и в подмётки, и если бы нашим Лукошким вместо царя Гороха правила бы она, я бы первый... Стоп! Что за странные мысли лезут в голову! Я отпрыгнул от гроба спиной назад, не хватало ещё мне самому попасть под влияние усопшей. Знаем мы их магию, всякого насмотрелись... спасибо, не надо...

Яга говорила что-то про ключ. Его надо найти и разбить. Ага, ищем... Искать пришлось недолго. Прямо над гробом, рукой дотянуться, висел среди острых кристаллов соли здоровущий ключ из того же природного минерала. Способ достать его был один – встать на крышку гроба. Я попримеривался, постучал по нему, вроде должен выдержать, но всё равно жутковато... Подпрыгнул, стал на колено – держит. Влез полностью и тут...

– Нехорошо поступаешь, участковый!

Я чуть не заверещал от страха. Но голос раздался не из гроба, что чуточку успокаивало. Это сказал один из близнецов, то ли Прошка, то ли Ерошка.

– Г...граждане Бурьяновы! – противно тонким голосом констатировал я, хотя очевидность факта была налицо.

Они не очень изменились, только кожа стала серой, как пепел, и вместо глаз гранёные хрусталики соли. Жутковато, но вроде мне встречались и пострашнее, чего ж так нервничать...

– Во-первых, отпустите мою ногу. Во-вторых, вас все ищут. И в-третьих, на вашем месте я бы поспешил сделать явку с повинной, вы очень серьёзно влипл...

Они сдёрнули меня вниз легче, чем неоперившегося воробышка. Я оказал видимое сопротивление. И, несмотря на то что толку от этого было не больше, чем в рукопашной схватке с Останкинской телебашней, – моральная победа была за мной.

– Ключ достать хочешь? – в лоб спросили близнецы, распластав меня, как лягушку, по полу. Правда – лучшая политика, поэтому я сдержанно кивнул. Близнецы перемигнулись пустыми глазами:

– Тебе помочь?

– Э-э... – не понял я.

– Щас объясним, – широко улыбнулся то ли Прошка, то ли Ерошка, лицо второго на такую гримасу не растянулось. Будут врать! Ну-ну...

– Закабалила она нас, ведьма проклятая! Дыханием мёртвым сквозь стену втянула, себе служить заставила. Думала, мы ей гроб отопрём... А того и не знала, что на ключе том заклятие Кощеево – добыть ключ человеку тока по своей свободной воле можно! Тут-то и пожалела, что нас своими рабами раньше срока заделала. Потому и тебя трогать не станет – бери ключ, отпирая гроб, принимай награду великую!

– Полцарства дадут? – скептически прищенился я. Близнецы удовлетворённо хмыкнули.

– Госпожа наша тока на Кощея обиду и таит, а ко всем мирным людям великой добротой обернётся. Что там полцарства! Любое царство на земле выбирай, твоё будет! И много чего всякого от себя подарит, лично, на память... Отопри тока.

– А сами вы, значит, не можете?

Вместо ответа один из близнецов легко встал на плечи другому и коснулся ключа. Вроде бы плотный, вырезанный из каменной соли, ключик проходил сквозь его ладонь, словно зачарованный. Примерно так же парень мог бы пытаться поднять с пола солнечный луч...

– Ладно. – Я встал, вытер мокрые ладони о штаны и поправил фуражку. – Подсадите, сам попробую.

Братья осторожнейше поставили меня на крышку гроба, следя за каждым моим движением, как натасканные ротвейлеры. Я затаил дыхание и одним пальцем, тихохонько коснулся ключа – он был плотным и вполне осозаемым. Нормально, продолжаем операцию. От меня наверняка требовалось следующее – снять вожделенный предмет с крюка в потолке, спуститься вниз и собственоручно отпереть замок. Если же я откажусь это делать добровольно, меня заставят силой. В конце концов просто зажмут мою руку с ключом в своих лапах и, не нарушая предостережений заклинания, вскроют гроб. Что ж, пока будем изображать игру по вашим правилам...

– Готово. – Я смело снял ключ и, словно бы поскользнувшись, нарочно неосторожно взмахнул им в воздухе. Буряновы, едва не стукаясь лбами, кинулись вниз ловить мою светлость. Ха! Я эффектно выкрутился и, совершив головокружительный прыжок, очутился за их спинами. Осталось одно – крепко хрестнуть ключом об пол и... и... ой, мама!

– Бабка не сказала, как возвращаться, – тихо выдал я

обирающимся холопам Карги-Гордыни.

В самом деле, когда Яга сажала меня на лопату, она ни словечком не обмолвилась о том, как прыгают на эту же лопату при возвратном движении. А может, пауки потому и прятали от глаз людских эту дырку, что знали – войти через неё реально, а назад... Чёрная дыра какая-то получается!

Близнецы встали, почесали тыквы и без малейшей суеты развернулись в мою сторону:

– Куда ж ты, участковый? Али думаешь, что ежели б выход был, мы б тут остались? – покачал головой один, а другой весомо добавил:

– Ты уж героя-то из себя не строй, своею рученькой гроб отопри. А не то сгинешь смертью лятою, нехорошай, так что ни могилки, ни памяти. Да и после смерти упокоения не сыщешь, будешь, как мы, весь век у Карги-Гордыни в холопах бегать...

И ведь что обидно, они оба говорили сущую правду! Ни тебе литературных красот, пустых угроз, ругани, дешёвой театральщины, нет – голый реализм, сплошная констатация фактов. На миг перед моим внутренним взором всплыли глубокие глаза Олёны...

– Очень сожалею, но увы.

Я ощущил себя последним панфиловцем под Москвой и с размаху хряпнул ключом об пол! Взрыв и море осколков... почему-то появились. Вместо этого соляной ключ, презирая все мыслимые законы физики, пружинисто отскочил от полированных плит пола, стукнулся о потолок, срикошелестил в стену, пронёсся у меня над головой, ударился в дальний угол, в другой, в третий...

Мы с братцами Бурьяновыми, то пригибаясь, то подпрыгивая, завороженно следили, как его футбольит по всей комнате. Сверху сыпались острые сосульки, в глазах пестрило от осколков, и главное, звать на помощь было некого. Да, наш Кощей, конечно, постарался на славу, такую противоугонную систему смастричить, все аспекты предусмотреть, все моменты учесть... Наверняка ключ можно разбить об один-единственный предмет, находящийся где-то в этой комнате. Хотя тут вроде и предметов-то лишних нет, кроме самого гроба. Значит...

Ключ сам поставил красивую точку в цепочке моих логических умозаключений – ударившись о крышку гроба, он разлетелся на куски! Причём сила ударной волны была такова, что Прохора с Ерошкой опять впечатало в стену, а за моей спиной рухнул целый пласт соляной породы...

– Мавр сделал своё дело? – зачем-то спросил я сам себя, когда пыль немного улеглась. – Мавр может уходить...

– Никита Иванович, а ты чё тут делаешь? – Из пролома высунулась бородатая физиономия честного Еремеева. – Помочь вылезти, али по нужде служебной сидишь?

– Помогай давай, – невнятно буркнул я, чувствуя, что вроде бы всё пошло как-то не совсем так.

Ключ разбит, но близнецы не спасены и вновь впали в неподвижность. Да, я могу выбраться, но мы невольно открыли сквозной проход к гробу. Конечно, без ключа ей оттуда не выбраться, Яга говорила что...

– Фома! – Я хлопнул себя по лбу и рыбкой ввинтился в «прорубленное окно» на волю. – Тяни быстрее, у меня там бабка одна в горнице с вооружённым террористом осталась...

– Да уж чем ему теперь поможешь, – ничего не понял стрелецкий сотник, но дал знак своим, и меня кое-как вытащили. Уже краем глаза, обернувшись, я заметил на крышке гроба маленькую трещинку. Раньше её там не было...

– Засыпайте всё солью согласно прежним указаниям! Маняша, за мной! Фома, вернёшься, доложишь. Общий сбор в нашей избе через час – полтора. Не опаздывать!

* * *

...А потом мы бежали изо всех сил. Причём кузнецова дочь куда резвее и легче, чем я,правлялась с пересечённой трассой. Мне даже на минуточку пришла в голову шальная мысль просто сесть ей на шею, дать шпоры, и она шутя довезёт меня до Яги. Потом ласково потрепать её по холке, задать овса и... тьфу! Но за такими бредовыми размышлениями дорога показалась куда как короче.

У заборчика нас встречала живая-здоровая бабка! Кто бы сомневался! Я сделал вид, что просто иду прогулочным шагом и, выровняв дыхание, спросил:

– Ну и... как у вас тут?

– Пулею злодейской двух пауков на печке убило, – буднично пожала плечиками наша эксперт-криминалистка, подавая мне как улику разряженный кремнёвый пистолет. – Меня саму-то, почитай, тока Господь уберёг да корова Маняшина. Она и по сей час преступника у стены держит...

– Выражают вам искреннюю благодарность от лица всего отделения за хорошее воспитание коровы! – обернувшись к девушке, гаркнул я. Маня

смущённо поковыряла лаптем песок, было видно, что ей очень и очень приятно... – Ну так пойдёмте, посмотрим на этого недобитого врага всего прогрессивного человечества!

Алекса Борра мне продемонстрировали буквально пришпиленным рогами к стене... Нет, нет, живёхонького и даже не поцарапанного... Бодливая корова настолько удачно попыталась его поддеть, что он практически сидел на одном её роге, а второй застрял в заборе меж брёвен. Получалось, что тощее бедро австрийского дипломата находилось в надёжном капкане, а бить корову по голове бессмысленно и чревато – она скотина памятливая...

– Кормилица ты наша, заботница, – прильнула к тёплому коровьему боку счастливая кузнецова дочь. – А вот Митенька намедни жаловался, будто бы в отделении служебно-розыскной собаки нет, так не изволите ли вот её кандидатуру рассмотреть? Она уж, поди, любой шавке брехливой жизни даст...

– Гм... я подумаю. – Мне ничего не оставалось, кроме как откашляться и отступить в дом. – Дождитесь Митю и вместе отконвоируйте задержанного к нам. У нас к нему есть ряд вопросов...

– Если вы сейчас же не избавите меня от этой скотины, я буду жаловаться в Евросо...

Договорить австрийцу не удалось: невероятно взбрыкнув задом, корова хлёстко огrelа его хвостом. Чёрт побери, а ведь, пожалуй, я зря так категорично отнёсся к идее девушки! Служебно-розыскная собака нам положена по штату, а эта ещё и молоко даёт. Если отнимут...

В горнице было тихо. Печь не трещала, домовой не бренчал посудой, пауки не шебуршали, да и сама Яга, чинно усевшись у окошечка, задумчиво разглаживала у себя на коленях чёрный головной платок. Я встал рядышком, опёрся руками о стол, намереваясь дать полный отчёт о приключениях у гроба, но наша эксперт-криминалистка жестом попросила помолчать. Пожав плечами, я опустился на лавку рядом...

– Молчи уж... – первой начала бабка. Я не ответил. Моя домохозяйка вздохнула и, опустив глаза в пол, продолжила: – Сама всё знаю, сквозь огонь печной всё как есть видно было... Да наперекосяк пошло, завалил ты энто дело, Никитушка. Ключ, как надо, разбить не сумел, Каргу-Гордыню разбудил, да ещё и приспешникам её прямой выход оставил...

Я открыл было рот, но Яга не дала мне вставить хоть слово в своё оправдание, она всё сказала сама:

– Тебя одного не виню, половинка вины на мне, старой, висит. Как из кургана возвращаться, поведать тебе не успела, а ты там с перепугу-то и

запаниковал... Что ключом об пол храбро бил – за то честь и хвала, не побоялся жизнью за людей рискнуть. А что бить его тока об гроб надобно, про то и я, грешным делом, не знала...

– Кощей... знал! – вдруг уверенно понял я.

– Кощей-то! Мог и знать, – равнодушно согласилась моя старушка. – Да и кому ещё знать, как не ему, злодею, раз он энто место таким колдовством мудрёным обставил! А нам и не сказал, мы ему живыми не нужны...

– Думаете, он знает, как вернуть её обратно? То есть даст ей выйти, уничтожить милицию, разгромить страну, а потом явится народу как новый царь-освободитель?

Бабка грустно кивнула. Я вытер пот со лба...

– Еремеев с ребятами наверняка уже засыпали проход свежей солью. Жена гражданина Бессмертного никак не сможет...

– Сможет, – обрезала Яга и чуть мягче продолжила: – Ты о трещине-то на гробе забыл? Так вот, ещё до закату через ту трещинку малую она весь гроб разворотит. Близнецы безвольные силой не обижены, они ей в пять минут проход от новой соли расчистят. А там уж не нам Карге поперёк пути вставать, но тока нам на том месте головы сложить...

– Пораженческие настроения? – попробовал улыбнуться я. Бабка тоже показала в кривой ухмылке два жёлтых зуба:

– И впрямь, чего это я столь заунывственно? Ты ж у нас всему начальник, батюшко сыскной воевода! Командуй давай, а мы исполнять будем...

– Ну тогда собирайте всех – идём на Каргу!

Наша опытнейшая оперативница бодренько вскочила на ноги, хлопнула в ладоши и, стянув с головы цветной праздничный платочек, повязала взамен его чёрный. Но как повязала... Лихо, уверенно, узлом назад, на пиратский манер! Отчаянная старуха на костяной ноге была готова ко всему, а если и собиралась встретить смерть, то не иначе как уделав безносую помелом по зубам, да ещё и обозвав антисемиткой! Логики в этом никакой, но именно так в своё время Шмулинсон обхамил бабулю, а ей словечко запомнилось...

– А мне пока надо с глазу на глаз побеседовать с задержанным.

– И то верно, – хищно улыбнулась Яга. – Поговорить надобно, да тока меня из горницы не гони. Я нонче мирная, небось всего не обкусаю...

По моему кивку в окошко Маняша быстро высвободила корову и, легко скрутив воспрянувшего было австрияка, практически на вытянутых руках внесла его в избу. У задержанного хватило ума не лезть в открытую

драку, думаю, после дела об отстреле невест у него есть некий кармический долг перед женщинами, и они это чувствуют.

– Вот злодей преступный. – Кузнецова дочка сурохо плюхнула Борра на скамью напротив нашего стола. – Руку ему сразу заломать за стрельбу несанкционированную али после допросу?

– Митькина школа, – переглянулись мы с бабулей. – Спасибо, Манечка, подожди в сенях. Да, придут наши, пусть ждут, к нам никого не пускай.

– А с энтим баловником ещё папенька мой хотел насчёт выстрелов перебеседовать...

– Не проблема, – охотно согласился я, отметив мгновенную бледность австрийца. Судя по всему, он знал кузнеца и догадывался, чего от него ожидать за «баловство»...

Довольная девица вымела вон, а мы уставились на задержанного. Молчаливый поединок взглядов длился минуты две и не окончился ничем. В том смысле, что раскаяния или стыда мы у пленника не отметили. Более того...

– Как гражданин суверенного государства я требую немедленно доставить меня в столицу, предоставить адвоката и настаиваю на передаче функций обвинения европейскому суду. Например, в Гааге...

– Ещё что-нибудь? – Я произвёл соответствующую запись, развернув на столе планшетку. Алекс Борр сделал неправильные выводы, устроился повальяннее, закинув ногу на ногу, и продолжил:

– Мы с вами оба профессионалы, не так ли? А значит, понимаем, что эпоха дремучего русского варварства отходит в прошлое. Что бы я ни сделал в этой глухой провинции, это уже невозможно скрыть от вашего прогрессивного царя. Вы не имеете права держать меня здесь, применять пытки, запугивать вашей страшной сибирской каторгой. Более того, в ваших интересах (как и в интересах всей вашей страны!) сделать суд над мной достоянием международного сообщества. Надеюсь, что доказательная база подготовлена вашим отделением на серьёзном уровне?

– Никитушка, – тихо подала голос Яга, – а ить и впрямь с протоколами да уликами у нас туговато выходит. Он ведь попросту время тянет, ждёт, когда защитница евонная во всей красе из кургана солёного выйдет. Тогда уж никому не до суда будет...

– Логично, – ровно подтвердил я и попросил: – Превратите его во что-нибудь, пожалуйста.

И у австрийца, и у нашей эксперт-криминалистки одинаково округлились глаза. Пришлось пояснить:

– Гражданин Борр прав, он – иностранец, у нас запрещены пытки, ему положен адвокат, и с доказательствами ещё много бумажной возни. Превратите его в полено, временно, пусть полежит до суда. Тока предупредите домового, чтоб не брал его из поленицы. Хотя-а...

– Вы не... не посмеете! Я буду жалова... а-а-а-а! – Под пристальным взглядом Яги левая нога орущего преступника начала быстро превращаться в неструганую берёзовую чурку.

– На вашем месте я бы поспешил оформить явку с повинной. Бабушка, он успеет написать?

– Поздно! – сделала злое лицо наша добрейшей души сотрудница. – И ты, участковый, не лезь, он в меня стрелял? Стрелял! Терпича и я из него лучины нащиплю... А то, что останется, пущай в суде свою невинность доказывает.

– Но при восстановлении он может лишиться каких-то частей тела! – продолжал настаивать я, стараясь перекрыть истошный визг мерзавца. Бабка в ответ лишь пожала плечиком:

– Ну, уха не будет али пальца одного... второго... третьего. И без того жить можно! А ежели чего иного недосчитается, так ему в тюрьме европейской небось тоже не детишек плодить...

* * *

Как вы понимаете, Алекс Борр давал признательные показания уже на второй минуте. Причём так резво, что я едва успевал записывать. Большую часть мы знали и сами, но кое-какие моменты он нам прояснил. Первое и главное – никакого особого договора с Каргой у него не было. Всё, что нам плёл на эту тему Кощей, оказалось ложью! Весь план возвращения к жизни бывшей супруги был продуман и инспирирован именно гражданином Бессмертным. Он лично нанял Борра, дал ему все указания, распределил роли и дёргал за ниточки, беспечно устроившись у себя на Лысой горе. Австриец, в недалёкой жажде мести, бегал по его указке, нанимал братьев Бурьяновых, страшал Шмулинсона, стрелял в нас, но сам даже не представлял, кого именно он намерен выпустить в мир. Когда близнецы пропали, Борр, скрывавшийся в подвале их же избы, запаниковал, но ворон, регулярно навещавший его, убедил, что бояться нечего, Хозяин контролирует ситуацию. В этом смысле Кощей успешно провёл нас всех...

– Это были мои чистосердечные признания! Вы обещали! Вы...

– Расколдуйте его, – отложив карандаш, попросил я. Бабка сделала

кислую мину. – Он пойдёт с нами на Проклятую гору. Пусть хоть посмотрит напоследок, подо что подписывался.

– А может, всё ж таки в полено? Бросили в телегу, оно ить хлеба не просит. А энтот ещё с побегом чего удумает... Нет? Ну дык давай хоть ногу деревянную ему покудова оставим! Не всё мне одной на своей костяной скрипеть.

В целом на общие сборы всей опергруппы расширенного состава ушло ещё около часа. Сияющий Митька заявил с мамой, а гордая Марфа Петровна держала за шиворот поникшего дьяка. Сам гражданин Груздев скорбно признал, что шёл к нам сдаваться с повинной, ибо в боярском доме ему более не житье – там теперь нечисть балует! Я его даже слушать не стал, указал место в строю и, усадив Ягу в телегу, приказал выдвигаться навстречу Еремееву. Единственно кота оставили дома. Васька брыкался, но бабка не хотела им рисковать.

Телегу волокла та же корова, а бодро хромающего на деревянной ноге австрийца спокойно подгоняла прутиком неслабая кузнецова дочка. Кощя она один раз уже упустила, поэтому за новым арестантом бдила буквально по-бульдожьи. Хотя поверьте, после нашего содержательного «допроса» Алекс Борр был готов сам себя сторожить, лишь бы не отстать от меня, как единственного гаранта честного отдыха на каторге. Видимо, вариант возвращения к австрийскому двору с берёзовым поленом от колена чем-то его конкретно не устраивал...

На повороте к лесу нас нагнал шумный Абрам Моисеевич, он тащил одну-единственную корзину яиц и всю дорогу мучил нас сказками о том, что с таким несерьёзным грузом его в Лукошкино даже жена не пустит. Можно подумать, своей милицейской волей я могу заставить кур нестись в ускоренном режиме, на пятилетку вперёд!

А вообще, знаете, мы были как-то неестественно веселы... То ли от недооценки реальной опасности ситуации, то ли наоборот. Я вспоминал Олёну, как она улыбалась, какие у неё глубокие глаза и мягкая улыбка. Потом ещё считал, сколько народу пригласить на свадьбу, брат ли в свидетели Митьку, венчаться в гражданском или милицейском костюме и можно ли попросить у Гороха ещё один отпуск на свадебное путешествие в Европу? А то задержанный австриец так расхваливал их систему правосудия, а я в своём мире как-то не успел взять туристическую визу даже в соседнюю Польшу. О том, что никакой свадьбы может не быть вообще, думать не хотелось...

Мой младший сотрудник блистал остроумием, смеша всех

творческими играми в психоанализ. Шмулинсон рассказал пару классных еврейских анекдотов, и дьяк Груздев смеялся над ними дольше всех, причём так заразительно, что подхихикивать начала даже Маняшина корова. На опушке встретили Фому с тремя стрельцами, развернули их обратно, в шутку сказав, что помирать всё равно придётся, а в компании веселее. Они радостно согласились.

Ещё кузнецова дочь на пару с Митькиной мамой выдали ряд ярких частушек с явно двусмысленным подтекстом, но радующих оригинальностью трактовки образа, вроде бы вполне бытовых дел интимного плана. Еремеевские ребята простые, они и хотели во весь голос, подзуживая сельских дам на дальнейшее песенное творчество.

Яга, сидя на телеге, молча смотрела вперёд и покусывала сухую травинку. Точно, вот бабка, наверное, единственная, кто за всю дорогу не проронил ни слова. Она только смотрела на нас с мягкой, тёплой улыбкой, и в глазах её было что-то такое неуловимо-грустное, словно бы она загодя сердечно прощалась с каждым... Боялась, что не успеет?

До Проклятой горы дошли неумолимо быстро. И уже на подходе мы все чётко понимали: самое страшное уже произошло, а то, что нас ждёт впереди – это лишь героический финал всех героев русских сказок. Обычно они заканчиваются ёмкой, но очень запоминающейся по своей логичности фразой: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день». То есть рано или поздно... жениться так и не успел... а жаль...

Наша эксперт-криминалистка, как всегда, оказалась абсолютно права – проход был расчищен от свежевысыпанной соли, а по обеим сторонам, как каменные атланты, стояли два близнеца – Прошка и Ерошка. Они даже не повернули головы в нашу сторону, мы не были для них ни сколько-нибудь серьёзным препятствием, ни возможной проблемой на пути. Я приказал поставить телегу поперёк тропы и залечь за ней, как за баррикадой. Насмотрелся в кино в своё время, все революционеры так делали...

И лежали мы так добрых полчаса, потому что ничего интересного не происходило. Стрельцы выставили стволы пищалей, Маняша выпрягла корову, дьяк стащил яйцо у Шмулинсона и был наказан строгим еврейским подзатыльником. А заколдованные братцы всё так же не шевелились, словно их таинственная хозяйка вовсе не собиралась выходить наружу...

– Что делать-то будем, Никита Иванович? – первым не выдержал Митька. – Может, перекрестимся, махнём со стрельцами да и штурмом ихнюю крепость одолеем? Небось не выдюжит супостатка, когда мы внутрях хором петухами заорём – и не таких доводили! Вот хоть себя с петухом нашим лукошкинским вспомните, кто кого?

– Никто никого! Ни я петуха, ни петух меня... – резко оборвал я этого болтливого умника и вопросительно глянул на Ягу. Та медленно кивнула:

– Чую, тебя она ждёт, Никитушка. На волю-вольную в любой миг вылететь могёт, да тока скучно ей всех нас в единый миг жизни лишить. Поиграть хочет, побаловаться...

– В смысле, мне к ней выйти, поговорить? – уточнил я.

В тот же миг на лес опустилось нечто плотное, словно бы сам воздух на мгновение утратил свои свойства и упругой субстанцией затвердел в лёгких. Стало трудно дышать...

– Выходи ко мне, участковый, – донеслось изнутри холма. – Добром выйди, сама прошу покудова...

Я понял, что ещё чуть-чуть, и мы тут все свалимся от удушья. Выбора не было, едва я шагнул из-за телеги, как дыхание вернулось. Народ зашевелился, Еремеев тихо выругался матом и жестом приказал своим заряжать пищали рубленым серебром. Он быстро учился или Яга подсказала – сейчас без разницы.

– Выхожу, выхожу! Вы о чём-то хотели со мной побеседовать, гражданинка Бессмертная?

– Имя моё Карга-Гордыня, – холодно отозвалось из прохода. – А ещё раз мужиной фамилией назовёшь, так на твоих глазах всех вас смерти лютою предам! Я об этом изменщике и слышать не желаю... а я ему... лучшие годы, а он...

– Минуточку, – воспрянул я. – А не хотите ли об этом поговорить? У нас в штате есть опытный психолог, Митя Лобов. Он решит ваши проблемы и развеет комплексы буквально за...

– Нет! С тобой говорить буду. А не хочешь, так и...

– Хочу. Вот он я, стою перед вашими покорными балбесами. Спрашивайте.

– Ты пришёл меня остановить. Зачем?

– Ну-у... – Я здорово стушевался. – Видимо, потому что вы представляете собой неконтролируемое зло, а мы стоим на страже закона и порядка. Нет?

– А то, что меня, молодую без вины, без покаяния, в могилу страшную на веки вечные упрятали, это порядок али закон? Не справедливей ли будет всё в обрат повернуть? Сколько лет земля без меня урожай давала – стока и не родит теперь! Сколько реки не для меня текли – столько лет им и сухими быть! Сколько людышек до сего дня на свете прожило – стока и умрёт в единый миг! Это ли не закон, это ли не порядок? А на пепелище старом новая жизнь возродится, и будет она краше прежней, ибо все грехи уже

искуплены...

— Прямо революционные лозунги, — прокашлявшись, отметил я. — Не пойдёт. Мы не уступим.

— Кто ж это «мы»?

— Милиция, — тихо ответил я и, заметив гордо поднявшихся из-за телеги ребят, добавил: — Милиция и народ!

— Нешто драться будете? — В голосе проскользнули едва ли не бубенцовые нотки смеха. — Ну что ж, участковый, развеселил ты меня... Будь по-твоему, давай, богатырь, силой мериться. А ну, холопы мои верные, повытряхните пыль с кафана милицейского!

Братья-близнецы словно ожили. Они резво пошли на меня, не как зомбированные роботы, а с непоколебимой уверенностью в собственной несокрушимости. Мне не оставалось ничего иного, кроме как:

— Митька-а!!!

* * *

— А не извольте беспокоиться, Никита Иванович, — радостно засучивая рукава, гоголем вышел он. — Ить не первый раз мне одному энти рожи кирпичом до блеску драить! Подвиньтесь-ка, дозвольте отполировать изменщиков осью тележною, поперёк ушей массажем воспитательным... Ох, берегись, сам себя боюся-а!!!

Я вежливо отступил, давая парню место для разбега. Действительно, в прошлый раз он так наглядно продемонстрировал своё превосходство, что...

— Мама-а... — тихо пискнул Митя, едва ли не до крови расшибив себе кулак о скулу ближайшего близнеца.

Тот даже не покачнулся, без улыбки продолжая наступление. Мой младший сотрудник увернулся от двух размашистых ударов и метко пнул второго лаптем в пах! Я никогда не видел, чтоб мужчина даже не вздрогнул после такого... Мы все зажмурились, а ему хоть бы хны!

— Зачарованные они, Никитушка, — подойдя сзади, пояснила бабка. — Бей не бей, а боли не чувствуют, да и силою чёрной не в пример как напиталися.

Я тупо кивнул. Дальше началось форменное «избиение младенцев» — бедного Митьку лупили, дубасили, швыряли и колошматили столь безжалостно, что у меня опустились руки. Еремеев молча поднял ствол пищали, но Яга категорично покачала головой — нельзя стрелять в

зачарованного, он за себя не в ответе, большой грех на душу возьмёшь... Да что там, мы все стояли, беспомощно глядя на происходящее. Даже влюблённая в Митьку Маняша, обняв голову верной коровы, прикрыла ей глаза, чтоб та не видела этого кошмара...

– Бабуль, разрешаю применить колдовство. Более того, приказываю его применить!

– Нельзя. Покуда Карга честно игру ведёт, на удар ударом, на силу силой, а ну как на колдовство колдовством ответит? От всех нас тогда и пепла в горстку не соберёшь...

– Но они же его... – сорвался я, и могучая женская рука, поймав меня на взлёте, мягко переставила за телегу.

– Посиди туточки, участковый, – ласково попросила Марфа Петровна. – А я сама с хулиганами энтими, по-свойски, по-соседски переведаюсь. Будут знать, как кровиночку мою обижать, при живой мамке-то... Маняшенька-а!

Дочь кузнеца, разом вытерев набежавшие слёзы, в секунду вывернула оглоблю, с поклоном подавая её, как меч-кладенец. Марфа Петровна вразвалочку, чинно вышла вперёд и, закрыв могучим телом рухнувшего сына, такахнула по башке ближайшего Бурьянова, что тот (о чудо!) упал...

– Я ж его кормила... я ж его поила... я ж из-за него ночей не спала! Растила богатыря людям на радость, себе в утешение! Сынулю разлюбезного, ягодку единственную, звёздочку ясную... А вы его лежачего под рёбра пинать!

Ох и тяжела рука материнская... Я многое в своей жизни видел, но такое!! Митькина мама стегала близнецов здоровенной оглоблей, как прутиком, только свист стоял! Еремеев с парнями орал «ура!», Шмулинсон в упоении расцеловал дьяка, а тот всё рвался забекренить ермолку и самолично помочь «представительной женщине».

То ли Прошку, то ли Ерошку, несмотря на всю чёрную мощь, Марфа Петровна по плечи вбила в утоптанную полянку, да ещё и села сверху! Зато второй, скотина, подкравшись сзади, ударил бедную маманю кулаком в висок...

Мы возмущённо засвистели, да толку, мама нашего героического сотрудника мешком грязнулась рядом с сыном. Уцелевший близнец, ничем не выражив удовлетворённости победой, поднял уже щербатую оглоблю и пошёл на нас.

– За Митеньку! За Марфу Петровну! За милицию любимую – живота не пожалею! – тонко взревела Маняша, отпихивая поднявшихся стрельцов. Ну, бой-девка, невольно восхитился я, но суровый голос сзади всё

расставил на свои места:

- Остынь, дочка.
- Папенька!

К кургану уверенными шагами приближался застенчивый деревенский кузнец. Вот только тут, может быть, в первый раз я радостно толкнул Ягу локтем – на каменном лице невольного раба жены Кощяя промелькнула явная растерянность...

– Вы уж простите дуру-то мою, – тихо прогудел Игнат Андреевич, снимая рубаху. – Видать, и впрямь сердечком прикипела к парню вашему. А я уж всё село на ноги поднял, скоро подбегут, всем миром помогут. Тока вы бы пока отошли в стороночку.

Ой, как он отдал второго братца! Вы не поверите, тут даже стрельцы заткнулись, потому что с одного удара так обматывать противника о ближайшую сосну, что с дерева только шишки летят, – это, знаете ли... Вот если Марфа Петровна стегала обидчиков сына оглоблею, то кузнец стегал противником по всему, что попадалось под руку! Он практически закопал второго близнеца рядом с первым по шею и, когда развернулся к нам, Маняша со слезами прыгнула на руки папе.

– Сильны вы, люди милицейские, – с явным уважением раздалось изнутри горы. – Раз уж холопов моих побили, так теперь, поди, и мне самой выйти пора. Поглядим, какие вы молодцы до последнего биться...

Яга бросила на меня тосклиwyй взгляд. Обозначать это могло только одно – против самой Карги нам не выстоять...

– Господи, но должно же быть какое-то средство! Ведь Кощей чем-то планирует её остановить...

– Луной и солнцем, землёй и водой, – задумчиво припомнила бабка. – Да тока как ты, участковый, луну с небу ей на башку уронишь и солнцем ясным припечатаешь?

Сзади раздались нестройные голоса, действительно, вооружённая колами, вилами и прочим сельскохозяйственным инвентарём, нам на выручку спешила вся Подберёзовка. В небо взвилась гордая частушка:

Ой, держите, не могу –
Так хочу побить Каргу!
Буду ей, ядрёна мать,
Перья в гузку забивать!

Возможно, единственно поэтому я не обратил внимания, когда успели

исчезнуть из-за баррикады Груздев и Шмулинсон... Кузнец с дочкой уволокли наших недобитых героев с поля боя, а когда за телегой выстроилось стройное деревенское ополчение – в проходе Проклятой горы показалась она, жена Кощея.

Карга-Гордыня была невероятно прекрасна! Шитое бисером платье, всё в самоцветах и алмазах, на голове золотая корона, чело, достойное кисти Рафаэля и сияющее просто неземным светом. Она в одно мгновение, не сказав ни слова, просто пленила всех кратким движением ресниц, и не было среди нас человека, не мечтавшего умереть ради неё, приняв смерть как высшую точку экстаза...

– Таки да, мой долгогривый друг!

– А то! Сыпь, говорю, морда иудейская!

Абрам Моисеевич и Филимон Митрофанович, стоя на горе, над самым проёмом, в четыре руки дружно опрокинули вниз полную корзину яиц! Во что превратилась прекраснейшая из богинь... мама, не смотрите, оно стекает... Наваждение исчезло в тот же миг!

Бывшая жена гражданина Бессмертного, грезившая навести свой порядок в мире, стояла перед нами дура дурой, с ног до головы облитая желтком и белком, вся в яичной скорлупе и с самым идиотским выражением лица. Я не помню, кто там хихикнул первым... Но потом раздался такой гогот! Схватившись за животы от неудержимого смеха, повалились практически все, включая корову.

– Никитушка, пригнись, – деловито потянула меня за рукав бабка.

Я повиновался чисто автоматически и, как оказалось, вовремя.

Воздух наполнился запахом горелой яичницы, а потом грянул ужасающий взрыв! Ударной волной нас всех раскидало кого куда, а когда я, отплёвываясь, сфокусировал взгляд на Карге-Гордыне, то сначала просто не поверил своим глазам... На месте прежней красавицы, в круге выжженной земли, сидело на задних лапах самое кошмарное из всех чудовищ!

Какая-то полутица-полужаба с отвисшими сосцами, бородавчатым пузом и растянутым ртом, полным акульих зубов. Маленькие глазки пульсировали оранжевым и зелёным, вонь резала вдох. Аура нечеловеческой злобы исходила от неё такими волнами, что на ближайших соснах стали, рыжая, осыпаться иглы. Начинается...

Я перекатился на бок и подполз к полузыпанной Яге. Её остекленевший взгляд заставил меня просто взмыть от горя:

– Бабуля-а!!!

– Не ори, – тихо выдохнула она. – Прости меня старую... не придумала я, что слова Кощеевы значат...

– Бабушка, вы не это... – Я, лихорадочно хлопая себя по карманам, искал носовой платок, чтобы хоть вытереть ей кровь на щеке, но она ещё успела улыбнуться:

– Вот... и кончилась моя экспертиза... дальше уж сам... не плачь обо мне, Никитушка... ты ж сыскной воевода!

Яга потеряла сознание. Платок я так и не нашёл. В нагрудном кармане перекатывались лишь две речные жемчужинки – бесполезный подарок наивных русалок. Я встал. Кругом дымилась земля, стонали люди, под ногами валялась верная пищаль Еремеева. Тупо, ни о чём не думая, я ссыпал жемчужинки в дуло и навёл ствол на Каргу. Она распахнула пасть и тем же приятным, грудным голосом спросила:

– Неужто стрелять будешь?

Я кивнул.

– Глупышка... – Она скакнула поближе, едва не обжигая меня смрадным дыханием. – Наигралась я, навеселилась, пора ноженьки поразмять, Русь посмотреть... Не возражаешь?

– Возражаю, – хрюпло выдавил я. – Вернитесь в гроб.

– А не то? – игриво продолжила она, клацнув зубами едва ли не перед самым моим носом.

– Стрелять буду, – предупредил я, срывая с плеча тлеющий погон.

Как она расхохоталась... Я никогда – ни раньше, ни потом – не слышал более самодовольного и противного смеха! Мне было нечего терять, тяжёлая пищаль качалась в руках из стороны в сторону...

– За Ягу, за Митю, за... – С третьей попытки порох вспыхнул, и отдачей от выстрела меня едва не свалило с ног.

Карга расхохоталась ещё громче, но... что-то вспыхнуло двойною искоркой у неё в брюхе. Смех оборвался... Искорки разгорелись в две нестерпимо яркие вспышки света, и грохот второго взрыва отшвырнул меня в необъятные дали...

* * *

Утро. Солнышко щекочет нос. Петушиный крик, как же я рад его слышать! Получается, что есть жизнь после смерти! Медленно раскрыв глаза, я с удивлением обнаружил себя в нашем временном доме, на знакомой лавке, и тихий Назим, напевая что-то азербайджанское, пришивал к моему выцветшему кителю новый погон.

– Никитушка, – раздался скрипучий голос Яги. – Встал, что ли, сокол

наш ясный? А мы уж не будили, дай, думали, хоть высится сыскной воевода...

Я едва не заревел от умиления. Бабка, чуть поцарапанная, с перевязанной ногой, на костыле, но ЖИВАЯ, осторожненько присела рядом.

— Ты уж не серчай на меня, дуру пенсионную. Ить как я не догадалася, что Кощей об обычной жемчужине речь вёл. Жемчуг-то речной, он и песчинка, и перламутр, стало быть, и солнце, и луна, и земля в нём есть, и в воде растёт... А ты хитёр, признал, да со мною не поделился? Ну да ништо, вам, молодым, слава нужнее.

— Как Митька? Как остальные? Как... — порываясь встать, забормотал я.

— Да живы все, — спокойно кивнула наша эксперт-криминалистка. — Кого помяло, кому почки отбило, руку-ногу повывихнуло, но покойниковто и нет! Разве жену Кощееву уж не один гроб не сложишь — разнесло по ветру пылью мокрою... Так ить её, злыдню, и не жалко!

Через пару часов наша горница ломилась от гостей. Пришло едва ли не всё село плюс: дьяк со Шмулинсоном, кузнец с дочкой, Митя с мамой, Еремеев со стрельцами — все сидели у нас, празднуя победу, и ещё пару соседских столов пришлось вынести во двор. Кстати, таинственным частушечником оказался... сам староста! Ни за что бы не подумал, солидный мужик, должность, семья, дети, а нате вам — поэт!

Ой, от смеха не дышу,
На одной ноге пляшу!
За милицию родную
Водку пью до мандражу!

В общем, мы гудели до вечера, несмотря на то что без бинтов ходил один я. Повезло. Бывает же такое, два взрыва, царапины, ожоги, но ничего серьёзного. А вот все прочие, поголовно, хвастались боевыми ранами, белыми перевязками, двойными костылями, перемотанными головами и ногами в свеженаложенных шинах. Эдакая лихая русская пьянка в прифронтовом госпитале. Вот бы Олёна увидела меня в таком «загипсованном» обществе... Типа отдых в тихой деревне, ага!

Уже поздно вечером, когда все разошлись по домам, наша бессменная троица села подвести итоги этого путаного дела.

— Ну что я скажу, сослуживцы... Кощею мы вдругорядь нос утёрли — и

сами живы, и от супруги евонной мир избавили. Не вернуться ему к нам царём-освободителем, сами распрекрасно управились...

– Что с близнецами? – спросил я.

– Жить будут, – поморщилась Яга, поглаживая забинтованную ногу. – Заклятие спало с них, да ума не прибавило. Чую, в недолгом времени они опять народ удивят. Шалопаи и есть...

– А пауки?

– И впредь будут энту избу на отшибе сторожить, как со времён давних привыкли. Не след людям случайным могилу Карги-Гордыни видеть, мало ли какое-сякое колдовство там у гроба осталось...

– Алекс Борр на месте?

– А то, – подал голос Митяй, баюкая перемотанную руку. – За ним стрельцы бдят, завтра же в царёву канцелярию под арест отправят. Ужо получит своё, преступный элемент... Каторга по нему аж изрыдалась вся!

– Я тоже намерен вернуться в Лукошкино, может, завтра и махнём с еремеевцами? – прямо предложил я.

– Отчего ж нет, – охотно согласилась Яга. – В родной терем пора, на своей печи кости греть поприятнее будет.

– А это... нельзя нам так сразу-то... – неожиданно засуетился наш младший сотрудник. – Ить мы же не всё доделали, вона дьяк жаловался, будто бы в доме мышкинском нечистая сила завелась. И день и ночь по комнатам запертым стучит да стонет...

– Да тьфу на тебя, любопытного, – жутко смутилась бабка. – Не сила энто нечистая, а сам боярин. Лекарствие я ему дала обещанное, вот и... стук да стоны! А двери, ясное дело, от таких, как дьяк, запирать надо.

– Ну, тогда домой?

– Не могу я, Никита Иванович... я жениться обещал. Остаюся я.

Яга молча встала и начала убирать посуду. По справедливости, и вправду рассуждать больше было не о чём. Они оба молодые, деревенские, внешне составят достойную пару, а работа в селе всегда найдётся. Я-то ведь сам тоже скоро женюсь, чем он хуже... Да и Маняша хорошая девушка. Наша, милицейская.

– Никита Иваныч! Бабуля! – Митяка широко улыбнулся. – Да будет вам, шуток, что ль, не понимаете... Повременить мы договорились, чувства проверить, гороскоп брачный составить!

– Я те щас пошучу, – раздельно процедила бабка, берясь за помело.

Глядя на их радостную беготню по всей горнице, я привалился спиной к тёплой печке и благодушно пожелал сам себе «спокойной ночи»...

P.S. Сюрпризы нас ждали в родном отделении. Вот хоть не уезжай, ей-богу. И, главное, от кого! От надёжи-государя, царя-батюшки, чтоб его, всеми любимого...

Гроб качается хрустальный...

Одной из характерных черт творчества Андрея Белянина является интертекстуальность, что, впрочем, симптоматично для времен постмодернизма. Обращаясь к чужому тексту, писатель расширяет границы своего собственного, расставляет для читателя определенные маяки-ориентиры, подсказывая ему, как именно следует понимать произведение. Для астраханского фантаста неизменным кладезем реминисценций является фольклорно-сказочная стихия. Оно и неудивительно, потому как большая часть созданного писателем относится к сказочному жанру. Взять хотя бы его знаменитую трилогию «Меч Без Имени», а также «Джека Сумасшедшего короля», обыгрывающих сюжеты западноевропейских сказок. Или «Багдадского вора» с «Посрамителем шайтана», опирающихся на мир «Тысячи и одной ночи». Ну и конечно же самый популярный среди читательской аудитории цикл «Тайный сыск царя Гороха», уходящий корнями в национальный русский фольклор.

Очередное произведение из серии книг о приключениях молодого москвича Никиты Ивашова, нежданно-негаданно оказавшегося во главе всей милиции царства славного Гороха, обыгрывает известный сказочный сюжет о спящей красавице. Можно сделать ехидное замечание, что мотивчик-де не совсем русский, что тут «немецким духом пахнет». Но отчего же сразу поминать о Белоснежке и семи гномах, вдохновивших гений Пушкина на создание «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»? А как же «Спящая красавица» француза Перро? Или англосаксонские предания о спящем в полом холме воинстве короля Артура. А наша родная былина о Святогоре-богатыре? Нет, тут мы имеем дело с общим для сказок многих народов мира сюжетом. Но для романа Белянина отправной точкой послужил, несомненно, знакомый всем нам с детства пушкинский текст.

Пусть Пушкин – это наше все, однако ж литературных комплиментов из него в книгах астраханского фантаста не так много. Видимо, оттого, что в наследии «солнца русской поэзии» встречается не так много юмора. Тонкая ирония, едкий сарказм – да, а вот безудержного веселья, чтоб челюсти ломило от смеха, – тут увольте. Не случайно Белянин везде и всюду подчеркивает, что его учителями в литературе были и есть Гоголь с Булгаковым (хотя и у них, если по гамбургскому счету, скорее смех сквозь слезы, чем пустое зубоскальство). И все же Пушкин в русской культуре и

макрокосме каждого из нас занимает особое место. Обычно знакомство с изящной литературой для нас начинается именно с него. «Что за прелест эти сказки, и каждая из них поэма». И рано или поздно пушкинское начало пробивается, прорастает в творчестве того или иного русского писателя. Как видно, «созрел» и Андрей Белянин.

Если внимательно присмотреться к его повести-сказке, то обнаружишь, что перед тобой не что иное, как вариации на тему хрестоматийного зачина к «Руслану и Людмиле». В книге оживают практически все персонажи, упомянутые великим поэтом. Тут тебе и «ступа с Бабою Ягой», и кот ученый, и русалки, и Кощей Бессмертный, и доблестный витязь, и томящаяся в заточении царевна, и «тридцать витязей прекрасных» (ну, пусть их в сотне Еремеева и побольше будет). В общем, «там лес и дол видений полны». И как всегда в книгах о тайном сыске царя Гороха, «там русский дух, там Русью пахнет». Но как раз не былинно-сказочной, а более осозаемой, конкретной. То ли пушкинского периода, то ли нашего собственного, «постперестроечного-ранекапиталистического».

Сказочная реальность в белянинском цикле постепенно трансформируется. Не только она воздействует на главного героя, но и сам Никита Ивашов во многом способствует изменению окружающих его реалий. Это объективный закон, и никуда от него не деться. Еще Марк Твен блестяще проиллюстрировал его в «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Столица Гороховой державы, Лукошкино, мало-помалу превращается в современный нам окраинный губернский городок. Что ж тут удивляться, если деревенька Подберезовка, куда решила вырваться на лето опергруппа, является слепком сотен и тысяч российских деревень с их извечными проблемами. Нет, не в дорогах дело и даже не в дураках. Догадались? Ну конечно же. Она, aqua vita. Нет меры хмелю русскому.

Надо отдать должное такту Белянина, пьянство в его книге отнюдь не дикое и беспробудное, а именно веселое. «Ибо веселье есть Руси пити», – как говорил когда-то Владимир Красное Солнышко. Да, в Подберезовке спиртное льется рекой. И не просто «меда стоялье», более приличествующие времени и месту, а именно знакомый всем мутный и валящий с ног сорокаградусный самогон (вот оно, волшебное изменение реальности, а ведь Менделеев-то еще не родился). От него на такие подвиги тянет, такое может привидеться, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Пристроить замуж вдовую матушку Митьки Лобова за дьяка Филимина Груздева – это деяние, достойное стать вровень с двенадцатью подвигами Геракла. Особенно ежели на трезвый глаз присмотреться к Марфе Петровне. Такая точно и коня на скаку остановит, и в горящую избу

войдет. А попутно в барабан рог сомнит все мужское население деревни. Образ истинно русский, былинный, берущий начало еще в сказаниях о Василии Буслаеве и Добрыне. Подобные типажи рождаются только в наших селеньях. И они не редкость. Стоит лишь посмотреть на кузнецова дочурку Маньку, лихо науськивающую свою коровенку на главу всей лукошковской милиции, как становится понятным, что старому поколению растет достойная смена. Держись, Митька! От такой не спрячешься даже в холме со спящей красавицей. С тобой на дело пойдет.

В повести причудливо переплелись мотивы нескольких сказок Пушкина. Кроме упомянутой поэмы-сказки «Руслан и Людмила», здесь есть переклички с «Золотым петушком» и «Мертвой царевной». От первого книге достался ярко выраженный восточный колорит. Белянин пока еще не бывал на Востоке, но его неуемная натура уже давно бродит там, так сказать, виртуально. И писателю там достаточно комфортно. Не потому ль, что он родился и живет в Астрахани, где причудливо сошлись Восток и Запад? И вот из книги в книгу кочует почтительное отношение к древней и таинственной ориентальной культуре, проявляющееся то так, то этак. Евангельский символ поющего петуха, гонящего прочь силы тьмы, призывающего к пробуждению, победе над злом, вообще довлеет в цикле. А в последней книге особенно. И неважно, что глупая птица служит поводом для постоянного подшучивания и подтрунивания (снова признак нашего времени, когда многие символы переосмыслены и унижены). Ее сила от этого не убудет.

Еще Андрей Белянин неравнодушен к восточной кухне. Острой, пряной, затейливой. В последнее время писателю часто приходится бывать на Западе (в Чехии идет работа над экранизацией ряда его произведений, в Польше переводятся и издаются книги – надоально за всем присмотреть). Отдавая дань тамошней культуре и быту, фантаст явственно тоскует по настоящему застолью. Отсюда и яркие картинки пиров в белянинских сочинениях. Остроумным сюжетным ходом в этой связи стало введение в ткань повествования неожиданной для русской сказки фигуры – домового «кавказской национальности» Назима. Наверняка ему приданы черты кого-либо из знакомых автора (он частенько любит выводить в книгах своих знакомых), потому как уж больно живым и правдоподобным получился. Это настоящий горский мужчина, знаток кулинарных тонкостей и правил обхождения дорогих гостей. Именно такие и держат лучшие чайханы и рестораны, к которым не застает народная тропа. Умея подать, принести, он еще и попотчует свежими новостями, даст дельный совет. Восточной экзотики прибавляют повести и иные персонажи. Кроме Кощя

Бессмертного, это уже знакомый и, несомненно, любимый читателями Шмулинсон. Правда, в нем больше одесского и жмеринского колорита, чем ветхозаветного, но этим он и мил публике.

И, однако, главным сюжетным стержнем остается мотив, взятый из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях». Достаточно жуткий мотивчик-то. Представьте себе полый холм, засыпанный солью, в котором хранится хрустальный ларь-гроб с полуживой-полумертвой красавицей. И ее ни при каких условиях не рекомендуется оживлять. Ибо настанут последние времена для всего населения земли. Снова Никите Ивашову и его «оперативникам» придется мир спасать. Книга Белянина строится на резком контрасте деревенской идиллии и чего-то неведомо тревожного. Странно... Однако писатель вновь почувствовал и отразил в на первый взгляд легком и незатейливом произведении признаки нашего времени. Вроде более-менее и хорошо все вокруг, а душа не на месте. Как-то некомфортно ей, чего-то не хватает. Чего? «Чую, что зло грядет», – описал это состояние Брэдбери. Так и здесь.

Вселенское зло у Белянина конечно же карикатурно, хотя и здесь можно поспорить. Карга-Гордыня в повести имеет два обличья. Одно неимоверно прекрасное, могущее прельстить любого (как и положено спящей в хрустальном гробе красавице), а второе – неописуемо жуткое и безобразное. Такова черная богиня Кали в индийских сказаниях (и вновь «восточный» след!), пару раз мелькавшая в других сочинениях фантаста. Этакую ничем не возьмешь. Разве что «луной и солнцем, землей и водой». Ничего не напоминает? Правильно, речь идет о тех самых двух жемчужинах, которые подарили Никите русалки. Но не только. Вспомним о первых днях Творения. Что создал Господь? Луну и солнце, землю и воду. То есть в ход сюжета косвенно вмешивается сам Промысел. Никому не позволено до срока вмешиваться в мировой порядок. А кто тот срок отмерил? Ужели, как всегда у нас, Пушкин? Не спешите и думайте, думайте,уважаемый читатель.

Игорь Черный